АКАДЕМИК
М. Н. ТИХОМИРОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЕРВА К РОССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Н. ТИХОМИРОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЕРВА К РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга академика М. Н. Тихомирова посвящена важному и интересному вопросу — присоединению Мерва к России.

Изучение этого вопроса имеет большое значение для разработки истории нашей многонациональной Родины.

На основании обширных и разнообразных источников — неопубликованных документов государственных архивов, мемуаров современников событий и других материалов — академик М. Н. Тихомиров описывает развитие экономических и политических связей между Россией и Туркменией до 70-х годов XIX в., присоединение Ахал-Текинского и Мервского (Марийского) оазисов, а также рассказывает о положении Закаспийской области в конце XIX в.

Приводимые автором данные убедительно свидетельствуют о том, что значительные слои туркменского народа были заинтересованы в ликвидации феодальных порядков и благожелательно относились к установлению в Туркмении власти России. Именно этим в серьезной степени определялся добровольный характер принятия различными туркменскими племенами российского подданства. В книге вместе с тем правомерно подчеркиваются колонизаторские цели политики царского самодержавия в Туркмении, насильственные методы этой политики.

Существенный интерес представляют сообщаемые академиком Тихомировым сведения о подрывной деятельности британской агентуры, стремившейся спровоцировать туркмен Мерва на кровопролитную борьбу с войсками царизма; от этой борьбы получила бы выгоду лишь империалистическая

Англия, которая старалась расширить сферу своего влияния на Востоке.

Труд М. Н. Тихомирова является фактически первым серьезным монографическим исследованием на эту тему, и можно только порадоваться тому, что крупный советский ученый, известный специалист по истории допетровской Руси, взялся за ее разработку и внес в нее существенный вклад. Можно надеяться, что его книга, немало способствующая изучению сложного и все еще недостаточно освещенного процесса вхождения народов Средней Азии в состав Российского государства, явится дополнительным толчком к появлению новых и новых работ на эту тему.

Б. Г. Гафуров

Введение

1 января 1884 г. генгеш — собрание представителей туркменских родов, населявших Мервский оазис, — вынес постановление о добровольном присоединении Мерва (Мары) к России. Мервский оазис был тогда наиболее населенным, обширным, плодородным и богатым районом Туркмении. К этому времени Ахал-Текинский оазис уже был включен в состав России, и решение генгеша фактически обозначало присоединение большей части Туркмении к России. Вслед за Мервом последовало присоединение к России Иолатана, Пенде и Серахса, и в пределах тогдашнего Закаспийского края объединилась значительная часть туркменских земель. Следовательно, 1 января 1884 г. может считаться важной датой в истории Туркмении, датой присоединения большей ее части к России.

Как будто со времени присоединения Мерва к России прошло уже достаточно времени, и мы можем критически рассмотреть памятные события 1884 г. Однако следует не без удивления отметить, что такое крупное историческое событие, как присоединение Мерва к России, фактически нашло очень слабое отражение в исторической литературе. Правда, имеется немало объемистых работ дореволюционных авторов — современников и участников рассматриваемых событий (Гродекова, Маслова, Куропаткина, Терентьева и др.), но они не восполняют указанный выше недостаток. Прежде всего они написаны в плане военной истории и в основном посвящены военным действиям царских войск, дипломатическим сношениям царской России с соседними государствами, мероприятиям царской администрации в завоеванных областях. Внутренняя жизнь туркменского народа остается в таких произведениях в стороне, потому что туркмены («туземцы», как они именуются в официальных документах царского времени) рас-

сматриваются Гродековым и другими царскими генералами, писавшими о войне в Туркмении, как «первобытный народ», лишенный культуры и обреченный быть лишь орудием для величия царской России.

Вопрос о присоединении Мерва к России мало затронут и в советской литературе. Присоединение Мервского (Марыйского) оазиса и других туркменских областей рассматривается в них преимущественно с международной точки зрения, в свете соперничества империалистической Англии с империалистической Россией. События, связанные с присоединением Мерва к России, недостаточно полно освещаются и в недавно вышедшей «Истории Туркменской ССР», содержательной и ценной книге [1]. Важным пособием по истории Туркмении в XIX в. является сборник документов под названием «Россия и Туркмения в XIX веке» [2]. К сожалению, часть документов в этом сборнике дана в сокращении. К тому же в опубликованных материалах преобладают официальные документы, донесения администрации в Закаспии, содержащиеся в канцелярии начальника Закаспийской области.

Вот почему автор, работавший всю жизнь над историческими темами, более или менее отдаленными от современности, после долгих колебаний решил опубликовать настоящую монографию, которая ставит своей задачей показать процесс присоединения Мерва к России.

Основным источником для этой книги послужили материалы Центрального государственного архива Туркменской ССР в Ашхабаде, на которые в тексте и сделаны соответствующие ссылки без дальнейших пояснений, из какого архива они взяты. Иногда оставлены ссылки на старую нумерацию, по которой дела в архиве отмечались в 1941—1942 гг., так как при проверке текстов некоторые документы не были пока обнаружены на месте ввиду переименования фондов и дел. Кроме того, использованы материалы архива генерал-майора

[1] «История Туркменской ССР», т. I, кн. II, Ашхабад, 1957.

[2] «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сост.: проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца, Ашхабад, 1946 (далее — «Россия и Туркмения»).

Н. И. Гродекова, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве (в сносках — «Архив Гродекова»).

Автор использовал разнообразную литературу, в том числе английскую, дополняющую и разъясняющую архивный материал. Везде, где это было возможно, автор старался критически разобрать архивные и печатные источники, относящиеся к присоединению Мерва к России, но некоторые вопросы так и не удалось полностью осветить ввиду скудости архивных материалов. Наибольшее внимание автор уделяет событиям, происходившим в самой Туркмении, и только в случае необходимости рассматривает вопросы международной политики и дипломатических переговоров между заинтересованными странами, так как эти вопросы требуют особого исследования.

Следует заранее предупредить, что характеристика внутренней жизни туркмен написана автором большей частью на основании «Истории Туркменской ССР», так как автор не мог ставить перед собой задачу осветить хозяйственную и социальную жизнь туркмен в конце XIX в., что является особой темой. Очерки о внутренней жизни Туркмении накануне завоевания имеют чисто служебную роль — познакомить читателя с краем во время присоединения Мерва к России.

Автор считает своим долгом принести благодарность чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафурову за помощь в издании этой книги, а также чл.-корр. АН СССР В. М. Хвостову и проф. А. Л. Нарочницкому, взявшим на себя труд прорецензировать мою книгу, несмотря на свою крайнюю загруженность.

С большой признательностью отмечаю и помощь бывшего начальника Архивного отдела Туркменской ССР А. И. Азарова, способствовавшего созданию этой работы во время моего пребывания в Ашхабаде в 1941—1942 гг., с глубокой благодарностью отмечаю и деятельную помощь, оказанную мне нынешним начальником Центрального Государственного архива Туркменской ССР А. В. Головкиным, а также сотрудницей архива В. М. Кузьминой, взявшей на себя труд проверить ссылки на архивные материалы и подобрать некоторое количество новых материалов, раньше мною не выявленных в Архиве Туркменской ССР. При проверке оказалось, что некоторые цитированные документы были утеряны во время землетрясе-

ния в Ашхабаде. Отдельные документы даны со ссылкой «по старой нумерации», а также с их названиями по старым архивным описям.

В заключение автор считает необходимым предупредить читателей о некоторой пестроте транскрипции географических названий в книге. Это зависит от того, что географические названия Туркмении, упоминаемые в документах XIX в., значительно отличаются от современных. Так, в русских документах и книгах конца XIX в. Мерв, например, всегда называется Мервом, а не Мары, столица Туркмении официально именуется Асхабадом, а не Ашхабадом. При цитировании документов XIX в. в книге везде оставлялось название географического пункта, сделанное в данном документе, иногда с пояснениями в скобках или в примечании в случае необходимости. В прилагаемом указателе даются старые и новые названия.

То же самое следует сказать о написании туркменских личных имен, по-разному передаваемых в документах. Они оставлены в том виде, в каком известны нам по русским источникам, иногда с необходимыми пояснениями.

Глава I

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ НА ВОСТОЧНЫХ БЕРЕГАХ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Первые русские поселения в Закаспии

Сношения России с Туркменией восходят к очень давнему времени, но особенно усиливаются после основания Красноводска. До этого на восточных берегах Каспийского моря существовали только небольшие укрепления, построенные царскими военными властями в качестве опорных пунктов. Старейшим из них обычно считают Ново-Александровское укрепление у залива Кайдак. Однако место для этого укрепления в Закаспии было выбрано крайне неудачно, ввиду чего в 1846 г. оно было перенесено к Тюб-Караганскому мысу на полуострове Мангишлак (Мангышлак), и ему дано было название Ново-Петровского. С 1857 г. укрепление стало называться фортом Александровским [1], который в военно-административном отношении зависел от Уральской области.

Появление опорных пунктов на восточных берегах Каспийского моря сыграло важную роль в дальнейшем продвижении царизма в глубь Средней Азии, но еще в 1836 г. туркменские и казахские роды, кочевавшие на Устюрте и Мангишлаке, обратились к царскому правительству с заявлением о принятии их в русское подданство. На предложение вступить с русскими в тесные торговые отношения в том же году отозвались иомуты, кочевавшие к югу от залива Кара-Богаз-Гол (Кара-Бугаз).

[1] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. I, стр. 92; «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Краевое управление», СПб., 1910 (далее — «Отчет... гр. К. К. Паленом»). — Новейшие сведения даны в «Истории Туркменской ССР» (т. I, кн. II, Ашхабад, 1957).

Основной целью, которую правительство России ставило в это время, было установление русского контроля над восточными берегами Каспийского моря вплоть до рек Атрека и Гюргена. Районы Гюргена и Атрека были населены туркменами, не только независимыми от Персии, но даже враждебными персам [2]. Претензии персидского правительства на земли к северу от Гюргена не были обоснованы и встречали решительное противодействие со стороны самих туркмен. К тому же население этих районов было уже связано с Россией. Здесь получили распространение русские товары и деньги. В Астрабадском заливе находились рыбные промыслы русских купцов, и уже с 1842 г. в заливе крейсировала русская эскадра, имевшая стоянку у острова Ашур-аде. Эту эскадру и видел Вамбери в начальной стадии своего путешествия в Среднюю Азию, старательно скрываясь от дозора русских моряков.

Впрочем, контроль русских военных властей на восточных берегах Каспийского моря долгое время распространялся только на Мангишлакский полуостров и остров Челекен. Собственно Туркмения казалась страной недоступной и отдаленной. Отсутствие опорного пункта на восточном берегу Каспийского моря, более удобного, чем форт Александровский, тормозило расширение связей России с Туркменией. Это особенно стало ясным после событий 1859 г., когда иомутский хан Ата-Мурат передвинулся к устью Аму-Дарьи и хотел принять подданство России.

К этому времени завоевание Кавказа было уже окончено, и часть русских военных сил, занятых в Дагестане, могла быть использована для действий в Закаспии. Высадка русских войск на восточных берегах Каспийского моря должна была прежде всего оказать давление на Хивинское ханство. Она имела тем большее значение, что происходила почти одновременно с образованием Туркестанского края в 1867 г. [3]. Через два года

[2] Независимое положение туркменских родов на Атреке ярко отображено в воспоминаниях Вамбери о путешествии в Среднюю Азию (см. А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1874, стр. 38).

[3] В 1865 г. было издано «Временное положение об управлении Туркестанской областью», а в 1867 г. утверждено решение Комитета министров об образовании Туркестанского генерал-губернаторства («Отчет... гр. К. К. Паленом. Краевое управление», стр. 6, 9).

полковник Н. Г. Столетов с отрядом в тысячу солдат высадился на восточном берегу Каспийского моря.

За несколько месяцев до этого туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман объяснял военному министру, что высадка в Красноводский залив как нельзя более будет содействовать мирному разрешению среднеазиатского вопроса, если она будет произведена при условиях, которые сделали бы возможным немедленное движение на Хиву, т. е. если бы хан не смирился окончательно. Таким образом, целью экспедиции Столетова, по мнению военных властей, являлось давление на Хиву.

Однако в Министерстве иностранных дел на экспедицию Столетова смотрели шире и надеялись, что при посредстве нового города, который возникнет на восточном берегу Каспийского моря, широко разовьется торговля со Средней Азией.

В ноябре 1869 г. отряд Н. Г. Столетова высадился в Красноводском заливе, носившем такое название от цвета питьевой воды, «добываемой в копанках той местности». Экспедиция положила начало городу Красноводску. Он возник на том месте, которое у туркмен именовалось «Шах-кад», что означало «ступня шаха», потому что тут, по преданию, останавливался во время своих походов один из персидских шахов. Во время высадки Столетова на месте будущего города стоял только небольшой аул рода ших, жители которого занимались рыболовством [4].

Поскольку связь России с фортом Александровским поддерживалась не только караванным, но и морским путем, административная зависимость форта Александровского от Оренбургского губернаторства была неудобна. Поэтому в 1870 г. (2 февраля) форт Александровский вместе с Мангишлакским приставством перешел в ведение кавказского наместника. Вся же русская территория на восточном берегу Каспия была разделена на два приставства — Мангишлакское и Красноводское. Мангишлакское находилось в ведении военного губернатора

[4] Фонд 1, оп. 2, д. 5123, лл. 7—8. — Сведения о Красноводске в этом деле несколько иные, чем у Гродекова.

Дагестанской области, Красноводское — в ведении начальника штаба главнокомандующего Кавказской армией [5].

Таким образом, на восточных берегах Каспийского моря возникло еще более неудобное и пестрое административное деление: два приставства находились в двух подчинениях, а фактически даже в трех, так как таможенные дела и раздача рыболовных участков в Закаспии остались в ведении Астраханской казенной палаты.

Границы территорий, принадлежавших России к востоку от Каспийского моря, с самого начала были неопределенными. Установить их в пустыне было крайне трудно. При желании границу можно было отодвинуть на сотни верст. Вместе с тем как бы заранее признавалось, что все восточное побережье Каспийского моря вплоть до границы с Персией входит в состав российской территории. Сюда и были направлены на первых порах действия русского военного командования [6], которое одновременно вело разведку и в сторону Кизыл-Арвата.

В декабре 1870 г. отряд в 700 человек (две роты пехоты и две сотни казаков с тремя орудиями) произвел рекогносцировку в направлении Кизыл-Арвата, но нашел его укрепления покинутыми туркменами. Красноводские власти в официальном отчете объясняли этот поход ответными действиями на нападение туркмен, но в действительности речь шла о военной рекогносцировке; не случайно в походе на Кизыл-Арват принимал участие начальник Военно-топографического отдела Кавказского округа с несколькими топографами. Столетов отмечал, что «отношения туземного туркменского населения к нашим войскам, в начале 1870 г., были дружелюбны». В феврале этого года делегация почетных туркмен Малого Балахана и других местностей встретила русский отряд у Таш-Арват-Кала. Однако уже в октябре туркмены напали на Михайловский пост и были отбиты с большим для них уроном [7].

[5] «Отчет... гр. К. К. Паленом. Краевое управление», стр. 22—24.

[6] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 95—97.

[7] Архив Гродекова. Папка № 1, лл. 36—57. — Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1870 г.

Экспедиции 1871—1873 гг.

Деятельность полковника Столетова продолжалась недолго. На его место был назначен полковник В. И. Маркозов, приступивший к обязанностям начальника Красноводского отряда 1 августа 1871 г.

Сама замена Столетова была характерна как показатель некоторого недовольства его мероприятиями, так как он, по-видимому, придерживался сравнительно мягких действий по отношению к соседним туркменам. По крайней мере, по мнению его преемника, если Столетов и был виноват относительно туркмен, «то только в том, что непомерно их баловал и ласкал» [8]. К такой характеристике действий Столетова надо относиться, конечно, скептически, но все-таки она имеет некоторую цену, в особенности при сравнении с деятельностью самого Маркозова. Это был администратор колониального типа, считавший необходимым действовать насилием даже там, где оно совершенно не требовалось [9]. Уже первая прокламация Маркозова к туркменам показала, что новый начальник отряда был человеком грубым и недальновидным. Маркозов приказал пригнать к нему 600 верблюдов с 70 погонщиками, требуя, чтобы в числе верблюдов были не только принадлежавшие джафарбайцам, но и находившиеся в собственности у атабайцев и текинцев. Верблюды были собраны насильственными мерами после ареста старшин. Действия Маркозова вызвали недовольство туркмен по отношению к русским властям.

Первая экспедиция Маркозова была направлена к озеру Саракамыш и носила демонстративный характер. Она объяснялась тем, что начальник штаба Кавказской армии решил оставить Таш-Арват-Кала в Балханах [10]. Маркозов выступил 4 сентября 1871 г. из Красноводска. По дороге его небольшой отряд непрерывно уменьшался, так как у колодцев возводи-

[8] Столетова, по словам Маркозова, сделали начальником потому, что он говорил по-таджикски и ранее бывал в Мешхеде (Архив Гродекова. Папка № 1. — Оправдательная записка Маркозова).

[9] Архив Гродекова. Папка № 1. — Оправдательная записка Маркозова, лл. 43—46.

[10] Там же, лл. 48—53.

лись укрепления, в которых оставлялись гарнизоны (в Геелиата, Чагиле, Кум-Себшене, Узун-Куе). К озеру Саракамыш прибыли 7 октября, но в поисках воды отправились дальше, к родникам Денча, а оттуда вернулись снова к Саракамышу. От Саракамыша двинулись в обратный путь 8 октября и вернулись в Молла-кара 8 ноября.

Экспедиция продолжалась два месяца. Тотчас же после ее окончания Маркозов начал (18 ноября 1871 г.) свою вторую экспедицию в Туркмению в направлении на юг. 24 ноября отряд пришел в Чикишляр. Здесь произошел характерный инцидент. Ночью туркмены произвели в русский лагерь три выстрела и ранили в руку рядового, стоявшего на карауле у палатки Маркозова. Расследование, произведенное туркменскими ханами, состоявшими на русской службе, установило, что «стреляли разбойники туркмены». Отряд прибыл в Гасан-Кули 26 ноября, а 29 того же месяца вернулся в Чикишляр, где был поставлен гарнизон.

Туркмены в общем гостеприимно встречали русские войска. Так, гасан-кулийцы радушно приняли отряд Маркозова и угостили солдат рыбой. Но Маркозов вовсе не стремился к тому, чтобы привлечь туркмен на свою сторону, рассматривая их как «покоренных туземцев». Бесчинства Маркозова мотивируются в книге Гродекова «Война в Туркмении» тем, что туркмены не хотели поставлять достаточного количества верблюдов для русских отрядов. Но официальная версия Гродекова, основанная на оправдательной записке самого Маркозова, не соответствует действительности. Туркмены не хотели давать своих верблюдов Маркозову потому, что он не платил за них денег. В немалой степени эти действия Маркозова объяснялись его расчетами на утайку казенных денег, отпускавшихся на наем верблюдов. «Туркмены рады были уйти хоть к черту, именно потому, что у них отнимали верблюдов», — пишет по этому поводу М. А. Терентьев, далекий от какого-либо либерализма [11].

Бесчеловечность Маркозова ярко проявилась в дальней-

[11] М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, СПб., 1906, стр. 13; См. Архив Гродекова. Папка № 1. — Оправдательная записка Маркозова.

ших его действиях во время Хивинского похода 1873 г. Награбленные верблюды, брошенные погонщиками, спасавшимися от Маркозова куда глаза глядят, падали в пути. Изнурение самих солдат, принимавших участие в походе, не поддается описанию. Жестокий и недальновидный, Маркозов сам признавал, что тяжелое физическое состояние солдат было прямым следствием непрерывных походов по пустыне.

К тому же операции русских отрядов, направленных против Хивы, крайне тормозились соперничеством различных военных округов. Маркозов вообще добивался от великого князя Михаила Николаевича [12] разрешения не принимать участия в походе на Хивинское ханство, а идти против текинцев. Великий князь, однако, заявил о необходимости двигаться на Хиву, но добился в Петербурге, чтобы Красноводскому отряду позволено было действовать самостоятельно, запасти продовольствие на $2^1/_2$ месяца и прибыть в Хиву «не раньше первого мая» [13]. Начальник штаба Кавказской армии (князь Дм. Ив. Святополк-Мирский) еще прозрачнее намекнул Маркозову, что он не должен особенно заботиться о соединении с генералом Веревкиным в Хиве и что если бы он прибыл в Хиву и раньше 1 мая, «то его Высочество отнюдь не поставит это Маркозову в вину» [14]. Великий князь, таким образом, надеялся приписать честь покорения Хивы себе, так как Красноводский отряд состоял у него в подчинении.

Поход Маркозова на Хиву описан в книгах Н. И. Гродекова и А. Н. Куропаткина. Последний обращает особенное внимание на трудности похода в пустыне. Невыносимая жара, недостаток воды и продовольствия вызывали болезни. «Ночь с 30 апреля на 1 мая была столь знойной, что люди не могли спать и собраться с новыми силами». Верблюды падали, лошади еле шли и т. д. Но за описанием всех этих ужасов все более вырисовывается неподготовленность экспедиции и пре-

[12] Он был наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией с 6 декабря 1862 года (Архив Гродекова. Папка № 1. — Полный послужной список великого князя Михаила Николаевича).

[13] Архив Гродекова. Папка № 1. — Оправдательная записка Маркозова, лл. 203—208.

[14] Там же, лл. 209—210.

ступная самоуверенность ее начальника. В результате войска Красноводского отряда даже не видели неприятеля [15].

Поход Красноводского отряда на Хиву окончился полной неудачей. Тем не менее великий князь Михаил Николаевич, в сущности главный виновник провала экспедиции, объявил Маркозову благодарность «за похвальную предусмотрительность», выразившуюся в его отступлении из пустыни [16].

Ко времени образования в 1874 г. Закаспийской области русские власти распространили свой контроль на все побережье Закаспия от Красноводска до Чикишляра и Гасан-Кули. Основной причиной особого внимания русского командования к Чикишляру, по Гродекову, было то обстоятельство, что между Атреком и Гюргеном имеются оазисы, где «чомур заготовляет для себя и для чарвы хлеб, частью через посевы, частью через меновую торговлю». К тому же по Атреку пролегал удобный путь в Текинский оазис. Таким образом, господство на Атреке представлялось ключом к господству над Западной Туркменией. «Таковы были причины, заставившие переместить базу наших действий с севера на юг», — пишет Гродеков [17].

Позднейшие события показали, что прямой и наиболее удобной дорогой от берегов Каспийского моря в Ахал-Текинский оазис был путь от Красноводска на Кизыл-Арват. Район Чикишляра и Гасан-Кули даже в более позднее время оказывался отделенным от остальной части края, а река Атрек была удобной границей России с Персией.

[15] Документы о хивинском походе и участии в нем красноводского отряда опубликованы в сб. «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца Ашхабад, 1946, стр. 38—87 (далее — «Россия и Туркмения»). — Следует отметить, впрочем, крайне случайный подбор документов и странную ошибку издателей, называющих князя Святополк-Мирского наместником Кавказа, хотя в документах ясно сказано об «императорском высочестве» (стр. 51), т. е. о великом князе Михаиле Николаевиче.

[16] М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, 1906, стр. 145—146.

[17] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 103—104.

Закаспийский военный отдел

Присоединение Хивинского ханства к Российской империи (1873 г.) создало новую обстановку в Средней Азии. Хивинское ханство сделалось вассальным владением царской России, а в связи с этим и все земли, находившиеся хотя бы в номинальной зависимости от хивинского хана, в том числе бóльшая часть Туркмении, считались присоединенными к России. Свои претензии на туркменские земли царское правительство заявило уже тотчас после Хивинской экспедиции. Считая Афганистан находящимся вне сферы влияния России, министр иностранных дел А. М. Горчаков «отказался признать за Англией право вступаться за Мерв и за туркмен, от которых зависит жить в мире и согласии с Россией» [18].

Для управления туркменскими территориями, уже подчиненными России, был создан Закаспийский военный отдел с военными и гражданскими функциями. Временное положение об управлении Закаспийским отделом было утверждено «в виде опыта» 9 марта 1874 г. и введено приказом по военному ведомству от 15 марта того же года.

60 2 2 39

Первый пункт положения устанавливал, что «Закаспийский край в пределах от Мертвого Култука на юг до реки Атрек и от восточного берега Каспийского моря до западной границы Хивинского ханства составляет в военном и административном отношении Закаспийский военный отдел» [19], подчинявшийся в военном и административном отношении главнокомандующему Кавказской армией.

Во главе Закаспийского военного отдела стоял начальник, назначавшийся императором, с местопребыванием в Красноводске. Он был в то же время и командующим войсками Закаспийского военного отдела, по отношению же к гражданскому населению имел права губернатора. Отчет о состоянии области, как и сообщения о важнейших происшествиях, он должен был доводить до сведения главнокомандующего Кавказской армией. Закаспийский военный отдел делился на два

[18] С. С. Татищев, *Император Александр II, его жизнь и царствование*, т. II, изд. А. С. Суворина, СПб., 1903, стр. 126.

[19] «Полное собрание законов, 1874 г.», № 53233, 9 марта 1874 г. См. также: «Россия и Туркмения», стр. 91—99.

приставства: Мангишлакское (с центром в форте Александровском) и Красноводское. В первое был назначен пристав, вторым управлял сам начальник отдела.

Нетрудно заметить, что восточные границы Закаспийского военного отдела были обозначены крайне неясно: «до западной границы Хивинского ханства». Между тем рубежи Хивинского ханства в пустыне оставались неустановленными. К землям, зависевшим от Закаспийского военного отдела, при желании можно было причислить и Ахал-Теке и Мервский оазис. Даже название нового учреждения носило необычный характер. Закаспийский военный отдел должен был ведать Закаспийской областью, но слово «область» употреблялось во временном положении только для определения территории.

Российские владения на восточном берегу Каспийского моря, входившие в состав Закаспийского военного отдела, ограничивались двумя приставствами, неравными по территории и значению. Центр Мангишлакского приставства, форт Александровский, не имел сколько-нибудь серьезного экономического значения. Правда, караванная дорога из форта Александровского в Хивинское ханство считалась удобной, но была отдалена от основных торговых путей Средней Азии. Примыкавшее к форту Александровскому Мангишлакское приставство занимало обширную территорию, населенную в основном казахами. Туркмены в количестве примерно 400 кибиток (по позднейшим сведениям) кочевали только у морских берегов от форта Александровского до залива Кара-Богаз-Гол (Кара-Бугаз).

Российские владения, как мы видим, в основном лепились вдоль берегов Каспийского моря. Туркменское население даже тех районов, которые были подчинены Закаспийскому военному отделу, продолжало жить по своим обычаям и не меняло привычного образа жизни. Как и раньше, постоянные распри, взаимные грабежи и вражда между различными родами туркмен оставались распространенным явлением.

Одно из дел (1877 года) рисует крайнюю отдаленность от туркменских земель и неудобное географическое положение форта Александровского. В этом году Управление оренбургского генерал-губернатора послало капитана Валуева в форт Александровский для изучения вопроса о грабежах и частых

нападениях на племена атабаевцев. Выяснилось, что другие туркменские племена «весьма часто врываются в их кочевья, производят там грабежи, нередко сопровождающиеся убийствами, и потом с богатой добычей бесследно скрываются между своими однородцами». Управление предлагало ознакомиться с жизнью туркмен и с тем, как укрепить у них русскую власть: построить ли новое укрепление и где именно, узнать причины, по каким другие туркменские племена нападают на атабаевцев, расследовать, почему форт Александровский так медленно развивается, несмотря на выгодное приморское положение [20]. Ответа на поставленные вопросы в официальных бумагах того времени мы не находим. Дальнейшее показало, что якобы «выгодное» приморское положение никак не могло возместить того обстоятельства, что форт Александровский стоял вдалеке от населенных территорий.

Нет никакого сомнения в том, что грабежи среди тогдашних туркменских родов, живших разрозненно по аулам, были явлением нередким. Но и царские власти мало способствовали умиротворению. В пределах Закаспийской области действовали военные суды, а их рассмотрению подлежали такие дела, как измена, явное сопротивление властям, возбуждение к неповиновению правительству и пр. Нетрудно представить себе, как легко было подвести любого туркмена под тягчайшее обвинение, хотя бы по подозрению в явном сопротивлении властям [21].

В этот период военные действия царских войск сосредоточились на Закаспийском побережье, и находились военные авторы, считавшие бесполезным дальнейшее продвижение в глубь Туркмении. Так, в 1873 г. вышла книга полковника Венюкова, крайне интересная по своим военно-стратегическим выводам. Венюков считал, что наступательные действия в Туркмении «будут все труднее и труднее, по мере углубления в степь», тогда как оборона береговой линии легка и не потребует особых расходов. Во всем крае нет оазиса, где бы

[20] Фонд 1, оп. 1, д. 1, лл. 4—5. — Дело (по старой нумерации ф. 70, д. 1) озаглавлено: «Воинский начальник форта Александровского».

[21] См. «Закаспийская область», изд. К. М. Федоров, Асхабад, 1901, стр. 197.

можно было прочно утвердиться, завести поселения и содержать местными средствами военную силу. «Для управления Закаспием небесполезно иметь общего начальника Закаспийской линии, а раздробленность и плохое вооружение туркмен позволяет исходить безнаказанно всю Туркмению с отрядом в 2000 человек с артиллерией, если можно достать провиант и воду». Венюков отрицательно смотрел на возможность покорения Туркмении, хотя и считал северной границей Персии на восточном берегу Каспийского моря не реку Атрек, «а реку Кара-Су, так как туркмены-иомуты, жители этих мест, никогда не признавали себя подданными Персии, а напротив, не раз искали покровительства России» [22].

Наиболее важной частью Закаспийской области являлась ее южная территория, составлявшая Красноводское приставство. Здесь постоянным русским поселением был Красноводск. Основатели этого нового города не возлагали особенных надежд на его успешное торговое развитие; по их мнению, надеяться на это можно было только при условии, если бы город действительно сделался исходным пунктом большого торгового пути с запада в Среднюю Азию.

Однако возможности развития Красноводска как порта не ускользнули от современников. Красноводск представлял собой в торговом отношении пункт наиболее удобный в Закаспийском отделе не только для местной торговли, но и для сношений с другими пунктами, которым приходилось получать припасы и материалы через посредство Красноводска. Тем не менее торговля в Красноводске на первых порах не отвечала этим целям. Из 80 торговых заведений почти половину составляли питейные (ренсковые погреба, буфеты и т. д.) [23], рассчитанные на пришлое военное и чиновничье население.

Гораздо большее значение имело стратегическое положение Красноводска, которое становится ясным из обзора караванных путей, связывавших его с другими областями Туркме-

[22] М. Венюков, *Опыт военного обозрения русских границ в Азии*, СПб., 1873, стр. 441, 483—485, 488.

[23] Фонд 97, оп. 1, д. 127 (по старой нумерации д. 4119), 1881—1882 гг.

нии. Особенно важную роль играл путь на Кизыл-Арват, выводивший непосредственно в заселенные туркменские земли. Протяжение дороги равнялось 330 верстам. На всем этом расстоянии находились колодцы с водой, впрочем, нередко солоноватой и плохого качества. Наибольшее расстояние между колодцами с питьевой водой (между колодцем Бала-Ишем и Казанджиком) достигало почти 90 верст. Но от Казанджика до Кизыл-Арвата начиналась местность, более или менее снабженная хорошей водой (около 60 верст). Таким образом, дорогу от Красноводска до Кизыл-Арвата нельзя было назвать труднопроходимой, что позже позволило провести по ее трассе железную дорогу. Относительно удобные караванные пути соединяли Красноводск с Хивой, фортом Александровским и Чикишляром [24].

Главным затруднением для развития Красноводска было то, что новый город лежал в местности, очень скудной и неудобной для жизни по своим природным условиям. «Там почти нет ни пресной воды, ни свежей зелени, ни леса; всюду голая песчаная степь»,— писал Н. Г. Столетов вскоре после основания Красноводска. Особенно тяжело ощущалось полное отсутствие пресной воды.

Основание Красноводска позволило продвинуть русские передовые посты в глубь туркменской степи. У подножия Балханских гор был поставлен пост в Таш-Арват-Кала, а для поддержания с ним связи на берегу Михайловского залива возникли посты Михайловский и Молла-кара.

Продвижение русского капитализма в Закаспий

Создание Закаспийского отдела облегчило проникновение русских капиталистов на восточные берега Каспийского моря. Особый интерес для русских промышленников имели рыбные и нефтяные богатства. Рыбные угодья в районе Гасан-Кули привлекали к себе русских промышленников уже в начале XIX в. Разработка их усилилась после основания Красноводска. В 1879 г. астраханский купец Г. С. Марутин арендовал громадный рыболовный участок по побережью от косы Потемкина (в том числе весь Астрабадский залив) до

[24] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. I, приложение, стр. 1—48.

устья реки Атрека [25]. В торговлю с Россией стали втягиваться туркмены островов, расположенных у берегов Каспия. Так, об огурджалинце Муллы-Дурды известно, что он бывал в Нижнем-Новгороде на ярмарках [26].

Но особенно притягательную силу для промышленников имели горные богатства Закаспийского военного отдела. Необыкновенная быстрота, с которой русские капиталисты устремили свое внимание на восточные берега Каспийского моря, показывает, что вопрос об использовании горных богатств Туркмении уже давно назревал в русских купеческих кругах. Крупные промышленники, подобные Нобелю и Кокореву, отправили своих представителей в Красноводск после организации Закаспийского военного отдела. В апреле 1874 г., т. е. тотчас после опубликования указа о создании отдела, в Красноводск прибыл для разведок залежей полезных ископаемых химик кокоревских заводов А. П. Мокриевич.

Спустя несколько лет (в 1876—1877 гг.) был поставлен вопрос об учреждении на восточных берегах Каспийского моря громадной концессии камергера Дурасова, действовавшего вместе с топографом Шидиным. Дурасов просил отдать концессии в исключительное арендное пользование Кара-Бугазский залив с серными промыслами и залежами сроком на 99 лет, а также соляные залежи от реки Киндерли до реки Атрека на 80 лет. Он же хлопотал о передаче концессии исключительного права рыбного лова на 20 лет в этом районе. Акциз предполагалось уплачивать в размере не выше 5 коп. с пуда соли и вывозить ее внутрь империи. Концессионеры нагло просили оставить туркменам «в упомянутых пределах побережья право свободного пользования для себя солью, серой и ловом рыбы», разрешить им торговлю указанными продуктами, но определение ее размеров «предоставить рассмотрению г. Дурасова» [27].

[25] Фонд 1, оп. 2, д. 7396 (по старой нумерации, 1881 г.).

[26] Архив Гродекова. Папка № 1. — Оправдательная записка Маркозова, л. 305.

[27] Фонд 1, оп. 2, д. 2 (1877 г.). — «Переписка о предоставлении действительному статскому советнику Дурасову восточного берега Каспийского моря для эксплуатации соляных, серных и других залежей и рыбного промысла».

Эта чисто колонизаторская претензия на чужие земли и воды смутила даже Кавказское горское управление, выразившее свои сомнения в вопросе, заданном начальнику Закаспийского военного отдела: «Не стеснит ли экономического положения местных жителей отдача в аренду побережья от Киндерли до полуострова Дорджа, для рыбного и соляного промыслов, с предоставлением жителям права добычи рыбы и соли только для собственного потребления». В деле о концессии имеются копии с докладных записок министерств финансов и внутренних дел, а также Кавказского горского управления, личные письма Дурасова к начальнику Закаспийского военного отдела генералу Н. П. Ломакину и письмо (копия без подписи) с объяснением, что Дурасов как «арендатор ничего не затрачивал, а, переуступая лишь свои права, обеспечивает себе ежегодный доход около 30 тысяч рублей».

Проект концессии Дурасова не нашел поддержки в правительственных кругах, но он характерен для хищнических, грабительских устремлений российских капиталистов, которых интересовали минеральные богатства восточных берегов Каспийского моря.

Наибольшее значение из минеральных богатств этого района имела нефть, разработка которой на острове Челекен уже в 70-х годах привлекала пристальное внимание нефтепромышленников. Совещание при главнокомандующем Кавказской армией (18 апреля 1874 г.), происходившее в Баку, постановило разрешить жителям острова Челекен отдавать в арендное содержание частным нефтепромышленникам участки земли, «находившиеся бесспорно в их пользовании». Арендные условия должны были быть утверждены Военным отделом. Однако вопрос о праве собственности на острове Челекен решено было временно отложить, с тем чтобы решить его впоследствии по согласованию с другими ведомствами [28].

Крупные нефтепромышленники, подобные Нобелю, стремились к захвату туркменских нефтеносных земель, но это встречало некоторую настороженность в военных кругах, боявшихся вызвать недовольство среди коренного населения. Кавказ-

[28] Фонд 97, оп. 1, д. 2, л. 1.

ское горское управление (23 февраля 1871 г.) предлагало разработки минеральных богатств и приобретение недвижимой собственности разрешать исключительно русским подданным, не позволять отчуждений земельных имуществ, предоставить частным лицам право арендовать земли и право заключать со старшинами или главами родов и семейств условия, засвидетельствованные местной администрацией, спорные земли отдавать в аренду от имени начальства.

Разработка нефтяных богатств на Челекене росла очень быстро. Общее количество нефти, добываемой на Челекене в 1873 г., составляло, по официальным данным, 37 800 пудов [29]. В 1876 г. на Челекене было 700 туркменских ручных колодцев и три буровые скважины. Один нефтяной фонтан, принадлежавший Нобелю, выбрасывал до 12 тыс. пудов в сутки. На нефтяных промыслах работали жители Челекена в количестве 500 кибиток. К 1877 г. на Челекене насчитывалось до 2 тыс. туркменских ручных нефтяных колодцев, но нефть добывалась лишь из 127. Буровых скважин было пять. Добыто было нефти до 150 тыс. бурдюков (бурдюк — 2½ пуда), т. е. около 375 тыс. пудов [30]. Последняя цифра, однако, вызывает сомнение, так как в географическом словаре издания 1885 г. годовая добыча нефти на Челекене указана в размере только 100 тыс. пудов. Доставка нефти производилась на верблюдах [31].

Бурное развитие промышленных предприятий Нобеля вызывало у челекенских старшин стремление использовать свои права на нефтеносные участки с максимальной выгодой. В 1878 г. туркмены племени огурджали (Шараф-бай, Ораз, Хидир-векиль и Анна-хан) писали: «Принадлежащий нам четырем нефтяной участок, находящийся на острове Челекен, был заарендован г. Нобелем, который в настоящее время добывает нефть с буравами. В прошлом году Нобель отдал добываемую нефть из нашего собственного участка туркмену

[29] Там же, л. 61. — Сообщение в Горный ученый Комитет от 19 января 1875 г.

[30] Фонд 97, оп. 1, д. 4, лл. 3, 6—7.

[31] П. Семенов, *Словарь Российской Империи*, т. V, СПб., 1885, стр. 605.

Назар-Кельдию в подряд на год». Туркмены требовали возмещения им половинной стоимости дохода [32]. Более того, среди туркмен началась настоящая горячка по захвату нефтеносных земель на Челекене. Это сопровождалось усиленным расслоением в их среде и ожесточенной борьбой между туркменскими родами и выделившимися из них отдельными предпринимателями, фактически подставными лицами русских капиталистов.

Захват российскими капиталистами нефтеносных земель на Челекене поддерживался аристократическими кругами Петербурга. Доверенные Нобеля и других нефтепромышленников держали себя на Челекене, как в завоеванной стране, мало считаясь не только с местными старшинами, но даже с представителями царской администрации. В этом смысле чрезвычайно показателен инцидент, происшедший в связи с приездом на Челекен для разведок нефти некоего В. И. Письменного. Доверенный крупной фирмы Письменный находился под высоким покровительством петербургских чиновников. Он прибыл в Красноводск с рекомендательным письмом князя Дм. Ив. Мещерского, адресованным начальнику Закаспийского военного отдела генералу Н. П. Ломакину. Считая, что развитие промышленной деятельности может послужить «наилучшим для развития края», князь просил оказать Письменному содействие.

Письменный действовал по широкой программе и арендовал ряд участков в районе Красноводска. Но здесь он встретил неожиданное препятствие. Только остров Челекен мог считаться безопасным от нападений кочевых туркмен, остальная часть страны оставалась фактически недоступной для русских капиталистов. Письменный интересовался залежами серы и озокерита в Балаханах и у берегов Михайловского залива, но вынужден был отказаться от их разработки после получения письма от генерала Ломакина, в котором тот писал: «Во всяком случае по настоящему положению дел в крае я нахожу возможным и достаточно безопасным производить отводы испрашиваемых участков и самую разработку новых

[32] Фонд 97, оп. 1, д. 14, л. 5. — Сообщение доверенного Нобеля.

только на Челекене и у Кукурта (залежи серы), в Балканах же, у Михайловского залива и против Огурчинска в настоящее время, пока не смирились еще текинцы и продолжают заниматься грабежами и насилием, приступать в этих местах к работам, как по отводу участков, так и разработок их без особого военного прикрытия неудобно и рискованно»[33].

Поведение Письменного интересно для характеристики действий на Челекене представителей капиталистов. Получив для поездки на Челекен пароход, лодки, верблюдов, лошадей, арбы и кибитки, снабженный воинской командой, Письменный все-таки жаловался генералу Ломакину на представителей местной администрации. Ломакин так доносил о действиях Письменного: «Оскорбив местные челекенские власти, хана, кадиев, аксакалов, возбудив против себя народ, будучи кругом виноват, он возбудил к величайшему моему неудовольствию официальное об этом дело». Ломакин просил присылать в Закаспийскую область более покладистых людей.

Впрочем, и в жалобе, поданной Письменным на поручика Ягубова, отмечалось, что «по враждебности местных властей аула выгрузка на берег не была дозволена». Письменный имел какие-то основания жаловаться на военную администрацию, в особенности на Ягубова, о грубых действиях которого неблагоприятно отзывается даже Гродеков. Возможно, Ягубов просто добивался крупной взятки, становясь в позу защитника интересов коренного населения. Но при всех условиях деятельность Письменного и его покровителей шла в явный разрез с интересами туркменских родов на Челекене.

Кустарная добыча соли и нефти на Челекене находилась в совладении туркменских родов, которые заявляли, что «у них нет других занятий и доходов, кроме нефти и соли». Однако капиталистическая экспансия подрывала принцип родового владения угодьями. Отдельные предприимчивые туркмены вошли в сношения с русскими капиталистами и уже не соглашались, чтобы доходы от соли и нефти составляли общественный доход целых родов. В прошении туркменских старшин на

[33] Фонд 97, оп. 1, д. 2 (по старой нумерации д. 1802). — О добыче нефти.

Челекене, адресованном начальнику Закаспийского военного отдела, говорилось о туркменах-предпринимателях Анна-Мураде и Балхане, которые возражали против того, чтобы доходы от соли и нефти «составляли общественную пользу» Эти туркмены не подчинялись родовым старшинам и не соглашались делить доходы: «все они составляют нечто вроде компании, в которой каждое лицо независимо, к ним-то единственно и обращаются все прибывшие за покупкою нефти и тому подобного в Челекен»[34].

В прошении туркмен указывались туркменские предприниматели, уже объединившиеся для получения доходов от нефтяных участков: Анна-хан, Товуг-Махрум и др. Подача прошения была вызвана тем, что доверенный Нобеля заключил договор с Анна-Мурадом, взяв на 12 лет в аренду участок Кара-Гуш с отдачей в пользу владельца 20% добываемой нефти. Анна-Мурад и Балхан привезли буравы для колодцев; это-то и вызвало особое возмущение челекенских старшин. По их мнению, «колодец, открытый буравом, привлечет к себе подземные нефтяные ключи с расстояния целой версты, вследствие чего нефть упадет в цене». Туркменские старосты на Челекене сообщали, что на Челекене ходил слух, будто бы большая часть туркменских земель сдана в аренду и что Анна-Мурад, кроме той земли, которая ему принадлежит, отдал в аренду и другие участки.

То, что происходило на Челекене в 70-х годах XIX в., было типичным для российских капиталистических порядков. Безастенчивый захват туркменских земель ускорялся на Челекене тем, что эти земли хранили в своих недрах большие нефтяные богатства, т. е. то, что привлекает к себе жадные взоры и капиталистов нашего времени. Конечно, небольшие по численности туркменские роды не могли оказать серьезного сопротивления ни капиталистам, ни царской военной администрации. Иное произошло в обширных степях Туркмении, где развернулись боевые действия.

[34] Фонд 97, оп. 1, д. 2, лл. 13—15. — Прошение помечено 20 мая 1874 г., подано оно было в Красноводске. Под прошением подписались и приложили свои печати свыше 20 старшин. Перевод с прошения сделан поручиком Ширванского полка Ягубовым.

Туркмения накануне ее присоединения к России

Основание Красноводска в 1869 г. знаменовало собой дальнейшее проникновение царской России в глубь Туркмении. Пройдет всего 15 лет и бóльшая часть Туркмении в 1884 г. будет уже в составе Российской империи.

Что же представляла собой Туркмения накануне ее присоединения к России?

Интересный и содержательный очерк социально-экономического строя Туркмении находим в «Истории Туркменской ССР», что позволяет в данной работе ограничиться только некоторыми краткими замечаниями, имеющими целью ознакомить читателей с общественно-экономической жизнью страны накануне ее присоединения к России [35].

Обширная территория Туркмении на западе граничит с Каспийским морем, образующим большой залив Кара-Богаз-Гол (Кара-Бугаз) и значительно меньший по площади Красноводский залив. Восточная граница Туркмении в основном несколько заходит за реку Аму-Дарью. На юге граница довольно четко очерчивается хребтом Копет-Даг и горными странами на севере Афганистана. Здесь с гор текут реки и ручьи, питающие оазисы на юге Туркмении. На севере туркменские земли подступают почти к Аральскому морю.

Бóльшую часть Туркмении занимала пустыня Кара-Кум, одна из самых бесплодных в мире. Только отдельные колодцы и водяные ямы оживляли в то время безлюдные просторы Кара-Кума и давали возможность караванам пересекать пустыню. Наиболее населенные земли Туркмении находились на юге. Оазисы вытянулись вдоль гор длинной и узкой лентой. В непосредственной близости к Копет-Дагу находился центр Туркмении — Ахал-Текинский оазис, или Ахал-Теке.

На востоке крупные оазисы располагались по течению рек Теджена (Гери-руда) и Мургаба. Теджен и Мургаб, от которых брали начало бесчисленные арыки, терялись в песках. В XIX в. Марыйский (Мервский) оазис потерял уже свое прежнее значение крупнейшего культурного центра Средней Азии, но многочисленные остатки древних сооружений еще

[35] См. «История Туркменской ССР», т. I, кн. II, гл. VI.

свидетельствовали о его славном прошлом. Тем не менее Марыйский оазис оставался наиболее населенным районом Туркмении конца прошлого столетия. Гораздо меньшее значение имели оазисы Иолатан и Пенде, находившиеся к югу от Мерва.

Хозяйство туркмен носило смешанный характер. Его определяли скотоводство и земледелие на поливных и богарных (без искусственного орошения) землях. Обработка земли была примитивной: применялась деревянная соха (омач) и деревянная борона. Ирригационная система требовала затраты большого труда, но примитивная техника не могла обеспечить высокие урожаи. Среди зерновых преобладали ячмень и пшеница, широкое распространение получили садоводство и бахчеводство. Донесения царских военных властей особенно подчеркивали «большой труд, прилагаемый населением к обработке земли», большие поля сжатого хлеба, обширные бахчи, сады при домах. Крупное значение в хозяйстве туркмен имело скотоводство, хотя дореволюционные русские авторы (например, Лессар) отмечали, что скота у текинцев было сравнительно немного. Особенно большое значение имели коневодство и овцеводство. Шкурки каракульских овец, разводимых в Туркмении, высоко ценились и экспортировались.

Большинство туркмен перед присоединением к России не были уже кочевниками в собственном смысле слова. Однако, несмотря на постоянную связанность с земледелием и садоводством, они жили в кибитках и только немногие в небольших глинобитных хижинах. О туркменских селениях дают представление описания, сделанные во время экспедиции 1879 г. Например, внешность аула Бами представлена в одном из описаний в таком виде. Аул расположен на ручье, текущем с гор. Ручей этот по выходе из ущелья течет по искусственной насыпи. Насыпь на каждых 50 саженях прерывается уступами, у которых расположены водяные мельницы, в один постав каждая, охраняемые глиняными башнями. Приведя в движение несколько мельниц, ручей посредством второстепенных канав, которыми окружены обработанные квадратные участки земли, разливается по полям, орошая их. Поля были засе-

яны джугарой, а в окрестностях аула находились бахчи с дынями, арбузами и тыквой. Глиняная крепость имела шаговтриста в длину и была выстроена в виде четырехугольника. В нее вели двое деревянных ворот с навесными бойницами над ними. В крепости находились подземные помещения для продуктов. Стены имели высоту в 3 сажени и 4 аршина толщины, перед ними был ров глубиной и шириной в 2 сажени. Стены обвалились и осыпались [36].

Городская жизнь в Туркмении была развита слабо, и даже крупнейший туркменский центр Мары (Мерв) представлял собой группу поселений, сосредоточенных в окрестностях обширной, но пустой крепости Коушут-кала. Внутри крепости находился только небольшой аул.

Характерной особенностью социальной жизни текинцев было расслоение на две группы населения: чарва и чомуры. Туркмены чарва были по преимуществу скотоводами, но имели и сады и посевы в аулах. Это была самая зажиточная часть населения, значительно меньшая по количеству, чем чомуры. Туркмены чарва занимались торговлей, ростовщичеством, вождением караванов из Хивы и Бухары в Мерв и Мешхед. Чомуры на кочевки не выезжали и оставались для обработки и охраны полей и садов. Имущественное неравенство среди туркмен достигло уже больших размеров, и русские путешественники и должностные лица отмечали бросающееся в глаза различие между узорными кибитками богачей и убогими кибитками бедняков.

Значительная масса туркмен принадлежала к племени текинцев (текке), которые делились в Марыйском оазисе на два колена: отамыш и тохтамыш. Отамышцы населяли местность к западу, а тохтамышцы к востоку от Мургаба. В свою очередь каждое колено делилось на два больших рода: беки и векль, или векиль (тохтамыш), сичмаз и бахши (отамыш).

Кроме текинцев, в разных районах Туркмении жили другие племена. К числу наиболее значительных принадлежали сарыки, населявшие район Иолатана. Они вели свое происхождение от общего родоначальника с текинцами. В Серахсе

[36] Архив Гродекова. Папка № 1, стр. 169—171.

жили салыры (салоры), а Каахку населяло немногочисленное племя алили (алилийцы).

У берегов Каспийского моря обитали иомуты. Они по преимуществу были кочевниками. Примыкавшие к ним с востока гоклены вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Существовали и более мелкие племена, порой теснимые более сильными [37].

Более подробные сведения о туркменских племенах помещены в специальных работах, но они содержат противоречивые данные о количестве кибиток того или другого племени [38].

Туркменские племена не признавали над собой каксй-либо высшей власти. Эту особенность отмечают непосредственные участники военных экспедиций, в частности генерал Куропаткин, по свидетельству которого: «Каждый туркмен держит себя вполне независимо и никому не дает отчета. Храбрейшие и наиболее ловкие из родовых старшин избираются во время грабительских походов». Еще более выразительную характеристику текинских порядков дал один из мервских ханов. По его словам, «в Мерве не существует никакой организации — ни общей по всему народу, ни по родам, ни по племенам, и всякий мервец пользуется полной личною свободою, не давая никому отчета в своих действиях. Поэтому в мирное

[37] См. «Обзор Закаспийской области», стр. 25. Подробнее — в «Истории Туркменской ССР» (там же и карта расселения племен).

[38] Н. И. Гродеков, *Война в Туркменш*, т. 1, стр. 25—47. — По данным Г. И. Карпова (впрочем, неточным), племена туркмен населяли такие районы:

1. *Иомуты* — Атекский район (16 тыс., далее цифры обозначают количество населения в тысячах), Казанджик (24), Красноводск (22), Куня-Ургенч (11), Тахта (23), Ильяилинск (15).
2. *Текке*—Бахарден (35), Ашхабад и Геок-Тепе (66), Байрам-Али (25), Мерв (97), Теджен (46).
3. *Сарыки* — Иолотаны (17), Тахта-Базар (15).
4. *Салоры* — Серахс (11), Чайрджуй (23), Керки (1,5).
5. *Гоклены* — Кара-кала (18), Ильяилинск (38).
6. *Чаудоры* — Порсинский (24).
7. *Эрсары* — Бурдалык (15), Кара-Бекауль (23), Саят (16), Керки (16), Кызыл-Аян (8), Халач (40), Чаршангинск (12), Ходжамбаск (27) (Г. И. Карпов, *Родословная туркмен*, — «Туркменоведение», 1929, № 1, стр. 57).

время в Мерве нет ни ханов, ни старшин, которые пользовались бы какою-либо законною властью» [39].

В политическом отношении Туркмения была раздроблена. Текинцы выбирали ханов, которые, впрочем, пользовались ограниченной властью и находились в зависимости от собрания представителей родов (генгеш, маслахат) [40]. Эти собрания созывались для разрешения важнейших вопросов, «когда дело касается всего народа или целого племени». В Мары собирался генгеш, в Ахал-Теке — маслахат [41]. Во время войны или какой-нибудь серьезной опасности выбирался общий для всего народа правитель — хан. Иногда выборные оставались ханами в течение нескольких лет. Такими были Коушут-хан в Мары (Мерве) и Нур-Верды-хан в Ахал-Теке, пользовавшиеся большим авторитетом среди текинцев.

После поражения русских войск под Денгиль-Тепе Нур-Верды-хан был избран ханом Ахал-Теке, а позже приглашен в Мары (Мерв). Краткая биография и описание внешности Нур-Верды-хана даны в книге Гродекова: «Красивый, высокого роста, сильный физически, он обладал величавой внешностью, которая располагала к нему весьма многих, и, по отзывам, он пользовался любовью всех и уважением в Хиве и даже в Персии» [42]. В поэме о битвах текинцев Нур-Верды-хан величается удальцом и отменным счастливцем [43].

Нур-Верды-хан стремился к усилению ханской власти и добился согласия текинцев на организацию стражи из 1000 конных воинов (феррашей). Но эта мера не дала должных результатов, потому что текинские старшины постарались всячески ослабить значение хана и подчинили феррашей ко-

[39] Фонд 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15.

[40] Некоторые племена управлялись старейшинами. Так, нохурцы имели во главе совет старейшин (кетхудов) из 12 или 13 представителей родов. Председательствовал в совете кто-либо из рода меликов (князей). (См. А. П. Поцелуевский, *Племя Нохурли*, — «Туркменоведение», 1931, № 5—6, стр. 34).

[41] См. подробнее в «Истории Туркменской ССР», стр. 45.

[42] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 67—71.

[43] Абду-с-Саттар казы, *Книга рассказов о битвах текинцев (XIX век)*, СПб., 1914.

мандованию четырех вождей или ханов основных туркменских родов в Мары (Мерве).

Смерть Нур-Верды-хана в 1880 г. в еще цветущем возрасте (ему было 50 лет) была чувствительной потерей для текинцев в сложное для них время. Звание хана после этого стало переходить из рук в руки (Халли-хан был ханом всего 5 дней). Все четыре рода марыйских текинцев избрали своих особых ханов. Каждый из них имел в своем распоряжении полицейскую стражу от 100 до 150 нукеров, состоявших на жалованье народа [44].

Внешнеполитическое положение Туркмении

Международное положение Туркмении было неопределенным. В середине XIX в. наиболее опасным соседом его было Хивинское ханство. В 1841 г. хивинский хан Рахим-Кули-хан подчинил Мервский оазис. Впрочем это подчинение было непрочным и носило почти номинальный характер, хотя хивинские хроники наполнены повествованием о постоянных походах хивинских ханов против текинцев и других туркменских племен [45]. Тем не менее эта призрачная зависимость использовалась хивинскими ханами для претензий на их господство над Туркменией.

Другим государством, стремившимся утвердить свое влияние в Туркмении, был Иран (Персия). Грабительские походы Надир-шаха остались на долгое время памятными для туркмен.

Персидские завоеватели и позже делали неоднократные попытки покорить Туркмению. Но военная репутация персидских военачальников была резко подорвана после разгрома марыйскими текинцами большого (30-тысячного) персидского войска в 1861 г. Трофеи в виде персидских пушек еще долго украшали Мерв и считались народным достоянием текинцев.

Тем не менее персидские власти предъявляли претензии на туркменские пограничные земли, хотя не в состоянии были

[44] М. Алиханов, *Мервский оазис и дороги, ведущие к нему*, СПб., 1883, стр. 15—16.

[45] «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938.

обеспечить защиту своих собственных земель от постоянных набегов туркмен (аламанов). В Туркмении персидские рабы считались своего рода денежной единицей для уплаты за калым. «Покупные деньги за жену составляли один или два персидских раба, и часто туркмен шел на аламанство, чтобы приобрести возлюбленную за эту цену», — пишет Куропаткин, прекрасно знакомый с туркменскими обычаями. Численность участников туркменских отрядов, выезжавших «аламанить» в Персию, достигала 150—1000 человек [46].

Что касается Афганистана, то это государство в период русских военных экспедиций в глубь Туркмении было охвачено борьбой за независимость против английского колониального господства. Иногда, впрочем, и афганский эмир выступал в качестве претендента на туркменские земли.

Туркменские старшины упорно стояли за сохранение самостоятельности отдельных туркменских родов. Многие из них надеялись на иллюзорную помощь из-за рубежа, главным образом со стороны Англии. В самой Англии неоднократно поднимался шум о страшной опасности, будто бы угрожавшей британским владениям в Индии со стороны России. Но эта шумиха в сущности была своего рода дымовой завесой, прикрывавшей агрессивные действия Англии в Афганистане и вместе с тем маскировавшей ее агрессивные замыслы по отношению к Средней Азии. Ведь в 1878—1880 гг. происходила англо-афганская война, поставившая на грань возможного уничтожения независимость Афганистана как самостоятельной страны. Генерал Робертс оказался одно время распорядителем судеб Афганистана, и английские войска находились в Кабуле.

Зарубежные авторы иногда изображают эти наступательные действия Англии в Азии как своего рода ответ на военные мероприятия России, будто бы угрожавшей британским владениям в Индии.

[46] [Kuropatkin], *Geschichte des Feldzuges Skobelews in Turkmenien nebst einer Uebersicht der kriegerischen Tätigkeit der russischen Truppen in Zentralasien von 1839—1876 von Kuropatkin.* Deutsch von Ulfrisch. Mühlheim am Rhein, 1904, S. 53—58 (далее — Kuropatkin, *Geschichte des Feldzuges Skobelews...*).

В действительности именно вторая англо-афганская война обострила вопрос об Ахал-Текинском и Марыйском оазисах, ускорив развертывание событий в Средней Азии [47]. Туркменские старшины, выступавшие против России, находились под влиянием агитации, направляемой английскими агентами, и это приходится учитывать как один из факторов, обострявших отношения между русскими властями и туркменами.

[47] Более подробно см. «История Туркменской ССР», стр. 106—115.

Глава II

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АХАЛ-ТЕКИНСКОГО ОАЗИСА И ПРОДВИЖЕНИЕ К МЕРВУ

Вопрос о присоединении к России и туркмены

Неудачи первых военных экспедиций показали всю трудность овладения Туркменией грубой силой. Поэтому генерал Н. П. Ломакин, назначенный с 31 марта 1874 г. на должность начальника Закаспийского военного отдела, действовал по отношению к туркменам более осторожно, чем его предшественник. Он обратился к ним с воззванием, предлагая вернуться к мирным занятиям. На воззвание откликнулся Софи-хан из Кизыл-Арвата, находившегося в непосредственном соседстве с местами расположения русских войск, заявляя: «Между нами и вами теперь не существует раздельности; мы готовы служить вам»[1]. Но ответ его далеко не соответствовал настроениям всех туркмен, в особенности туркменской верхушки.

Положение текинцев в это время было крайне сложным. Среди них наметились две группировки. Одна, к которой принадлежали в основном туркмены Ахал-Теке и сам Нур-Верды-хан, была настроена в пользу соглашения с Россией. Другая, в которой господствовали настроения, враждебные по отношению к России, возглавлялась Коушут-ханом и находилась в Мерве (Мары). На маслахате в Геок-Тепе одержали верх сторонники соглашения с Россией из колена тохтамыш, тогда как отамышцы остались недовольны решением и жаловались Коушут-хану.

Причины этих разногласий кроются в разном территориальном положении Ахал-Текинского оазиса и Мары по отношению к России. Отделенный от русских владений полосой

[1] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 130 и 112—120.

пустынных степей, Марыйский (Мервский) оазис мог считаться как бы особым владением и лавировать между Хивинским ханством, Афганистаном и Персией. Совсем в ином положении находился Ахал-Текинский оазис, который был расположен гораздо ближе к Закаспийскому военному отделу. При таких условиях Нур-Верды-хан был подходящей фигурой для царских властей, поддерживавших сношения с текинцами при помощи этого хана[2]. Таким образом, Нур-Верды-хан становился как бы посредником при сношениях царских властей с текинцами. В целом туркмены Ахал-Теке все более приходили к выводу о неизбежности присоединения к России.

Движение среди туркмен в пользу принятия русского подданства особенно усилилось после Хивинского похода 1873 г. В июне 1875 г. старшины некоторых текинских родов, собравшиеся в Геок-Тепе, обратились к царским властям «с изъявлением полной покорности от всего ахал-текинского общества»[3]. В словах о полной покорности мы имеем обычную военную формулу, гласящую о капитуляции покоряемых народов. В действительности присоединение к России мыслилось туркменами не как полное подчинение царской администрации, а как своего рода вассальная зависимость с сохранением некоторых прав и обычаев.

Были и особые причины, толкавшие наиболее реакционных туркменских старшин на сопротивление царским войскам: в первую очередь нежелание отказаться от аламанства и работорговли, отмены которых требовало русское правительство. Это в значительно меньшей мере беспокоило бедные слои населения, в силу чего чомуры были более склонны присоединиться к Российской империи, чем чарва. Нельзя забывать и того, что присоединение туркменских земель к России вело к резкой перемене в образе жизни всего населения. Туркмены, не терпевшие подчинения даже своим выборным ханам, должны были подчиниться начальникам, назначавшимся царскими властями.

Трудовые массы туркменского народа опасались произвола царских властей, что являлось серьезным препятствием для

[2] Там же, стр. 122.

[3] «История Туркменской ССР», т. 1, кн. II, Ашхабад, 1957, стр. 122.

присоединения туркменских земель к России. Н. И. Гродеков, рассказывающий о «триумфальном» шествии воинских отрядов в районе Атрека, о кибитках, которые население ставило для офицеров и солдат, о базарах, устраивавшихся местными жителями на пути следования отрядов, о солдатской музыке и т. д., умалчивает о том, во что обходились эти кибитки и верблюды для иомутов и почему после таких «триумфальных» шествий враждебные действия между царскими войсками и туркменами возобновлялись с новой силой. Однако отношения туркмен к рядовым солдатам русской армии были большей частью дружественными. «Зачастую, — пишет Гродеков,—можно было встретить нашего солдата, идущего, обнявшись, с туркменом и объясняющего ему величие России, действие скорострела и т. д.». Здесь можно сомневаться только в том, что темой для бесед было «величие России». Это явно придумано Гродековым.

Новейшие исследования истории присоединения Туркмении таким образом оценивают отношение туркмен к России: «Движение против присоединения к России в Ахале имело сложный характер. С одной стороны, оно возглавлялось наиболее реакционной частью феодально-родовой знати и крупными аламанщиками, боявшимися, что сильная власть Российской империи ограничит их произвол и лишит их доходов от грабежей и работорговли; к этой части знати примыкало фанатическое суфийское духовенство, влиятельные ишаны, которые вели пропаганду «священной войны» против «капыров» (иноверцев). С другой стороны, прихода царских войск не без основания опасалась значительная часть трудового населения Ахала, видевшая в них новых завоевателей» [4].

Неудачная экспедиция в Ахал-Текинский оазис

Экспедиции в Туркмении возобновились с 1877 г., как раз тогда, когда происходила русско-турецкая война. На сей раз ими руководил начальник Закаспийского отдела генерал Ломакин. Он предполагал занять Кизыл-Арват как передовой пункт, от которого на восток шла цепь оазисов. Экспедиционный отряд выступил из Молла-Кара 25 апреля 1877 г. и 7 мая занял намеченный пункт без выстре-

[4] Там же, стр. 123.

ла, так как туркмены покинули Кизыл-Арват и откочевали в степь. Это не означало, что туркмены сдали свои земли без боя. Русская колонна подверглась нападению пеших и конных текинцев под командой Нур-Верды-хана. По официальным сведениям, царские войска потеряли одного убитого и одиннадцать раненых. Цифра убитых туркмен исчислялась по тем же сведениям в 60 человек, но следует иметь в виду явную неточность при обозначении вражеских потерь, практиковавшуюся в отчетах военного командования. Каждая стычка с туркменами неизменно изображается в них как победа правительственных войск, тогда как отряды туркмен именуются просто «скопищами» [5].

Усталость и болезни солдат, а также недостаток провианта принудили генерала Ломакина оставить Кизыл-Арват, и это обстоятельство, по словам Куропаткина, было воспринято туркменами как их первая победа над русскими [6].

Однако уже в следующем 1878 г. царское командование заняло Чат (при впадении Сумбара в Атрек) как базу для дальнейшего наступления на Ахал-Текинский оазис. В Чате и Чикишляре были сооружены укрепления с сильными гарнизонами, что, по словам Куропаткина, было сочтено туркменами как новое доказательство слабости русских военных сил, нуждавшихся в этих укреплениях для защиты своих гарнизонов. И на самом деле положение царских войск в новых крепостях было затруднительным. Военные признавали, что «Чат находится в блокадном состоянии, так как из него можно выходить только под сильным прикрытием» [7]. В декабре 1878 г.

[5] См.: М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, СПб., 1906, стр. 3—4; Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 125—126. — Документы о походе Ломакина опубликованы в сб. «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца, Ашхабад, 1946 (далее — «Россия и Туркмения»).

[6] [Kuropatkin], *Geschichte des Feldzuges Skobelews in Turkmenien nebst einer Uebersicht der kriegerischen Tätigkeit der russischen Truppen in Zentralasien von 1839—1876 von Kuropatkin*. Deutsch von Ulfrisch. Mühlheim am Rhein, 1904, S. 96 (далее — Kuropatkin).

[7] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, стр. 134.

на Чикишляр напал большой отряд текинцев, рассчитывавших (впрочем без успеха) на помощь иомутов-атабаевцев. Нападение было отбито, тем более что число нападавших не превышало тысячи человек [8].

Сложное политическое положение в период окончания русско-турецкой войны заставляло царское правительство торопиться с решительными действиями в Туркмении. Новая экспедиция в Туркмению была в значительной мере продиктована внешнеполитическими соображениями.

Представители царского правительства в Тегеране заявляли, что в интересах русского влияния в Персии надо строго наказать текинцев и овладеть Ахал-Текинским оазисом, так как это будет противодействовать распространению в Персии английского влияния. Особое совещание в Петербурге поддержало мнение русского посланника в Тегеране Зиновьева, решив безотлагательно подчинить Ахал-Текинский оазис царской власти (январь 1879 г.). Совещание постановило занять в Ахал-Текинском оазисе какой-либо стратегический пункт и построить укрепление в пустыне для охраны караванного пути из Красноводска в Хиву. Конечной целью экспедиции был намечен район Геок-Тепе, тогда как продвижение в Мервский оазис запрещалось во избежание международного конфликта. На необходимости экспедиции в глубь Туркмении особенно настаивал наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич.

Непосредственным поводом для движения царских войск к Ахал-Теке выставлялась необходимость прервать переговоры текинцев Ахал-Теке с персидскими властями. На самом же деле речь шла о занятии всего Ахал-Текинского оазиса, а в дальнейшем и Мары (Мерва). Об этом недвусмысленно говорится в официальных документах: «Овладение Текинским оазисом и прочное там водворение не есть цель операции, а только главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве и замкнутии границы нашей фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары» [9].

Новая экспедиция в Туркмению была задумана в широких

[8] «Россия и Туркмения», стр. 100—102.

[9] Там же, стр. 105.

масштабах. Общее количество войск, принимавших участие в экспедиции, по Куропаткину, доходило до 12 000 человек. Эшелоны войск, предназначенные для военных действий в Ахал-Теке, стали выходить из Чикишляра с 30 июля 1879 г. Спустя почти месяц, 28 августа, русский отряд во главе с генералом Ломакиным подошел к Геок-Тепе, где текинцы устроили укрепление [10]. Здесь было «скучено самое густое население текинцев (до 8 тыс. кибиток), тут находятся самые обширные и богатые их пашни, самые большие и обильные речки... Геок-Тепе считается как бы столицей Ахал-Текинского оазиса, там происходят постоянные народные собрания, и оттуда исходят обыкновенно все особенно крупные предприятия текинцев» [11].

Известие о новом походе царских войск в Туркмению вызвало волнение среди туркмен Ахал-Теке и Мерва. Это признавали и царские власти, сообщавшие, что «ахал-текинцы, воодушевленные своими имамами, деятельно готовятся к войне». Почти все население Ахал-Текинского оазиса собралось в новом укреплении (Денгиль-Тепе), поблизости от Геок-Тепе. Колеблющуюся позицию занимали только туркменские роды, жившие между Кизыл-Арватом и Беурмой, которые находились под угрозой прямого удара царских войск. Текинцы, предводительствуемые Тыкма-сардаром и другими вождями, напали на иомутов-атабаевцев, считая их союзниками царских солдат, и угнали у них 18 бараньих стад (до 90 тыс. баранов). Однако некоторые туркменские аулы не присоединились к общему движению. Жители Арчмана остались в ауле и выставили для русского командования три кибитки, устланные войлоками. Авангард русских войск был встречен жителями радушно. На базар, открывшийся в Арчмане, явились и нохурцы с пшеницей и ячменем.

Основное текинское войско собралось в Геок-Тепе, где туркменская крепость в это время была приведена в готовность для защиты. Все население Ахал-Текинского оазиса

[10] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 144—149; [Kuropatkin], *Geschichte des Feldzuges Skobelews...*, S. 97—98. — Документы об экспедиции см. в сб. «Россия и Туркмения». — В документах укрепленный аул в районе Геок-Тепе называется Денгиль-Тепе.

[11] «Россия и Туркмения», стр. 114.

русские власти исчисляли в 60 тыс. человек. Из них половина сидела в Геок-Тепе, т. е. до 10—15 тыс. способных носить оружие [12]. По другим сведениям, население Ахал-Текинского и Мервского оазисов исчислялось в 375 тыс. человек (30 тыс. кибиток в Ахал-Теке, 45 тыс. в Мерве), но и эти цифры были гадательными [13].

Текинцы были плохо вооружены и нередко сражались босиком, без шапок, одними ятаганами. Для покупки пороха и свинца они ездили в Персию, где порой встречали противодействие местных властей [14]. Все источники отмечают храбрость текинцев, их смелость и предприимчивость. К этому прибавлялась беззаветная преданность защитников Геок-Тепе своему народу. «Необходимо заметить,— писал генерал Ломакин,— что замечательная черта у текинцев — это полная невозможность достать верных лазутчиков ни за какие деньги. Преданность своему народу у них еще настолько сильна, что ни подарки, ни угрозы не могут вынудить никаких признаний и, следовательно, можно знать только то, что добыто самими войсками» [15].

Настроение туркмен при осаде Геок-Тепе ярко отражено в устных рассказах, записанных, впрочем, значительно позже, в силу чего детали и даты событий в этих рассказах неточны. Некий английский представитель, гласит рассказ, обещал помочь туркменам оружием, так как турецкий и английский падишахи не любят русских. Большое значение играли ложные слухи о русских жестокостях на Кавказе: «говорят, они (русские) вырезали пол-Кавказа с имамом во главе; мусульмане должны были бежать в Рум (Турция)». Туркмены жестоко расправлялись с людьми, заподозренными в измене. Таких людей не просто убивали, но и мучили. Один из проводников русских войск, попавший в плен к туркменам, был сожжен в печке для приготовления чурека. Туркменки побуждали защитников крепости к борьбе [16].

О всеобщем решении туркмен Ахал-Теке сражаться с русскими войсками сообщает и Гродеков. По его словам, немедленно начались работы по постройке новой крепости, «работали старый и малый, и женщины». При этом каждые 10 семейств должны были построить определенный участок стены. Тем не менее ко времени прихода русской армии крепость не была еще закончена [17].

Неудачная экспедиция 1879 г. подробно описана в специальных военных работах Гродекова и Терентьева. Последний вообще критически относится к представителям русского военного командования в Средней Азии и обвиняет его в разного рода ошибках. Но дело было не только в ошибках, но и в трудностях войны в Туркмении. Известие о новом походе на Ахал-Теке вызвало среди туркмен патриотический подъем. Текинцы отчаянно сражались: «Только смерть заставляла их прекратить сопротивление» [18].

Впрочем, среди самих туркмен не было единства. В русской экспедиции принимала участие конная милиция, набранная из туркмен. Она состояла из 5 сотен в составе 5 офицеров, 20 урядников, 480 всадников, под командой подполковника князя Бебутова [19]. Из отчетов военной администрации видно, что милиция «смело сражалась во время стычек с текинцами, преодолевая на конях препятствия в виде канав, изгородей, посевов джугары».

План обороны, выработанный текинцами, обнаруживает хорошее понимание ими военной обстановки. Туркмены должны были собраться в Геок-Тепе и укрепиться у бугра Денгиль-Тепе, где имелось достаточно воды. О наступлении русских войск послано было извещение в Мерв Нур-Верды-хану.

---

[12] Архив Гродекова. Папка № 1. — Журнал занятий и военных действий Ахал-Текинского экспедиционного отряда (1879 г.). Вамбери, бывший в Туркменистане в 1862 г., писал, что «между туркменами насчитывают более 15 тыс. наездников» (А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1874, стр. 38).

[13] «Россия и Туркмения», стр. 196—197.

[14] Архив Гродекова. Папка № 2. — Командировка Гродекова в Персию.

[15] «Россия и Туркмения», стр. 137.

[16] То же самое происходило и при второй осаде Геок-Тепе, см. «Туркменоведение», 1927, № 1, стр. 23—29.

[17] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 145—146.

[18] «Россия и Туркмения», стр. 131.

[19] Архив Гродекова. Папка № 1. — Журнал занятий и военных действий Ахал-Текинского экспедиционного отряда (1879 год).

Для переговоров с русским командованием в русский лагерь отправились Тыкма-сардар и Софи-хан. Тыкма-сардар так и остался в русском лагере, что, видимо, было подготовлено его более ранними сношениями с русским командованием. Он вел их при посредстве своего сына, явившегося в Чикишляр для обмена пленных. По-видимому, верхушка туркменских родов, осведомленная о военных силах царского правительства, которые вступили в Ахал-Текинский оазис, сомневалась в успехе сопротивления. Позже туркмены объявили Тыкма-Сардару прощение.

В самом деле, силы сторон были совершенно неравными. По словам наблюдателей туркменский гарнизон в Геок-Тепе насчитывал не 10—15 тыс. человек, как считал Гродеков, а лишь 6 тыс. воинов, причем технический перевес целиком был на русской стороне. Однако текинцы, плохо вооруженные, сражались отчаянно храбро, о чем сказано выше.

Штурм крепости, предпринятый русским командованием 28 августа без предварительной подготовки, кончился плачевно для осаждающих. Потери царских войск при штурме достигли 464 человек [20]. Экспедиционный корпус поспешно отступил. Русские гарнизоны, впрочем, остались в Чикишляре и Чате. Оружие убитых и раненых русских было большей частью подобрано текинцами и использовано ими во время военных действий 1880—1881 гг.

Неблагоприятное окончание похода 1879 г. было тем более опасно для престижа царской России в Средней Азии, что почти одновременно с ним английские войска одержали крупный успех в Афганистане, заняв 30 сентября того же года его столицу Кабул. Это событие оказало сильное влияние на настроения туркменских старшин.

Назначение Скобелева командующим войсками в Туркмении и подготовка нового похода

Английское влияние усилилось в Персии и в Афганистане. Если английские политики и публицисты поднимали яростный шум по поводу русского продвижения в Среднюю Азию, то в русских политических кругах справедливо опасались дальнейшего продвижения англичан к границам России. В печатной записке

[20] «Россия и Туркмения», стр. 125.

под названием «Экспедиция в Ахал-Теке, 1880 год», подписанной генерал-майором графом Борхом, особенно отмечалось укрепление английских позиций в Персии: «Рождается вопрос о том, русское или английское влияние должно первенствовать в Персии». Борх высказывал опасение, что не пройдет и года, как англичане займут Герат, а может быть и Мерв [21].

Текинцы были убеждены, что русское продвижение в Туркмению прервалось по крайней мере на ближайшие четыре или пять лет. Однако царское правительство предприняло вскоре новую экспедицию, целью которой было занятие Ахал-Текинского оазиса уже в следующем, 1880 г.

Новая экспедиция против текинцев была задумана в гораздо более широких масштабах, чем ранее. Во главе нее был поставлен генерал М. Д. Скобелев, широко прославлявшийся тогда в военных кругах как боевой генерал, участник среднеазиатских походов, одержавший ряд побед во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Назначенный «временно командующим войсками, действующими в Закаспийском крае» с подчинением ему Закаспийского военного отдела, Скобелев в мае 1880 г. прибыл в Красноводск и начал деятельно готовиться к экспедиции. Первым его предприятием было строительство железной дороги от Красноводска до Кизыл-Арвата. В июле участок пути от Красноводска до Молла-Кары на протяжении 22 с половиной верст [22] уже вступил в действие.

В Петербурге рассчитывали, что экспедиция займет Ахал-Текинский оазис, но царское правительство не желало широких военных действий. Зная характер Скобелева, военный министр Д. А. Милютин заявил новому командующему: «Военные действия не цель, а только средство к умиротворению туркмен, а потому не следует искать боя» [23].

Между тем трудно было бы найти другого человека, который стремился бы так к бою во что бы то ни стало, как

[21] Архив Гродекова, Папка № 2. — Докладная записка Борха.

[22] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 3. — В этой книге содержится наиболее полный фактический материал об экспедиции Скобелева, впрочем, поданный в тенденциозном освещении.

[23] М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 45.

Скобелев. Он только и делал, что искал военного столкновения. Больше того, он стремился к определенному эффекту, к полному военному разгрому текинцев. С этой целью у солдат искусственно возбуждалась вражда к туркменам. Скобелев писал в одном из своих приказов, что «русская честь требует мести за павших товарищей наших». Так, сопротивление туркмен объявлялось агрессивным актом и в понятие военных действий вносилось понятие «мести», как будто речь шла о наказании за набеги туркменских войск на русские земли. Условия покорности, предложенные текинцам от имени Скобелева, были явно рассчитаны на то, что текинцы откажутся их принять [24].

Между тем туркмены переживали подлинную народную трагедию и готовились к последней борьбе. «Кровавые глаза» (Гез-Канлы), как образно прозвали Скобелева туркмены, требовали безусловной покорности от народа, который на протяжении многих веков не признавал ничьего господства и даже не всегда подчинялся собственным ханам. Война вызвала в Ахал-Теке недостаток хлеба, так как земля плохо обрабатывалась, а подвоз хлеба из Персии прекратился по требованию царских дипломатических представителей. Резкие действия Скобелева фактически способствовали стремлению реакционных туркменских старшин опереться на помощь Англии. К тому же корреспондент английской газеты «Daily News» О'Донован, прибывший в Туркмению с провокационной целью, уверял, что турецкий и английский падишахи помогут туркменам вооруженными силами. Это были типичные уверения политического авантюриста, который стремился вызвать вооруженное столкновение между туркменскими отрядами и русскими войсками.

Туркменское мусульманское духовенство в свою очередь усиленно продолжало распускать лживые слухи о жестокостях русских войск на Кавказе. Текинцы прямо заявляли, что они помирились бы с русскими, если бы знали, что те не изнасилуют их жен, а всех мужчин не уничтожат, писал Гродеков. Эти слухи были типичным порождением лживой агитации,

[24] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 2, стр. 71—72.

потому что, как ниже будет видно, русские всячески охраняли туркменских женщин от насилий и не трогали мужчин, прекращавших сопротивление. Текинцы Ахал-Теке обращались за помощью в Мары (Мерв), писали в Хиву, одним словом искали поддержки, где только было возможно. Наиболее малодушные откочевали на Теджен и на Мургаб.

Среди текинских вождей не было единства. Самый авторитетный среди туркмен предводитель — Нур-Верды-хан умер [25]. Его сын Махмут-Кули-хан пользовался значительно меньшим авторитетом. К тому же он был только одним из трех или четырех ханов Мерва. Обороной фактически ведал Тыкма-сардар, опытный воин, но политически неустойчивый человек. Он не был уверен в обороноспособности Геок-Тепе и жил в крепости без семьи, которую не хотел подвергать риску.

Не могло быть никакой речи о мирном соглашении. Скобелев больше всего боялся мирного исхода кампании и добивался нанесения текинцам сильного удара. В своем письме Куропаткину он так и писал: «Азию надо бить не только по загривку, но и по воображению» [26]. Эти рассуждения прикрывали расчеты Скобелева и его окружения на награды и почести за взятие Ахал-Текинского оазиса. В этом смысле чрезвычайно показательны письма, полученные Скобелевым от полковника Соболева, работавшего в Азиатской части Главного Штаба. Восхищение военными талантами Скобелева чередуется в них с сообщениями о готовившемся награждении участников Ахал-Текинской экспедиции.

В неравной борьбе текинцы обнаружили не только необыкновенное мужество, которое отмечал и сам Скобелев, но и умение. Они вели партизанскую войну, делая набеги на русские отряды и укрепления. В октябре 1879 г. текинцы подкрались к русскому лагерю в Бами и всю ночь предпринимали

[25] О смерти Нур-Верды-хана сообщалось 8 мая 1880 г. в «Daily News», на основании чего это известие было опубликовано в «Московских ведомостях» 17 мая того же года. По донесению Скобелева от 13 мая 1880 г. («Россия и Туркмения», стр. 139), Нур-Верды-хан умер «14 дней тому назад», т. е. 30 апреля 1880 г.

[26] Архив Гродекова. — Письмо Скобелева полковнику А. Н. Куропаткину из Бами, 18 июня 1880 г.

атаки на сторожевую цепь. В июне 1880 г. они напали на русский военный караван силою до 300 человек. «Казаки в течение 8 часов находились под перекрестным огнем неприятеля»; в числе убитых официальное донесение называло доктора Студицкого и двух казаков [27]. Большие столкновения были явлением редким, но мелкие стычки царских войск с текинцами являлись делом повседневным. Конные текинские отряды нападали внезапно. С необыкновенной быстротой и легкостью они уходили в пустыню от преследования и фактически были неуязвимы.

Между тем Скобелев вел основательную подготовку к вторжению в Ахал-Теке, обращая большое внимание на снабжение своего отряда всем необходимым. Опытный и талантливый военачальник, он медленно, но со всей тщательностью готовился к решительному удару.

30 мая 1880 г. передовой русский отряд занял Ходжа-кала, а 31 мая Бами. Нохурцы прислали депутацию к Скобелеву, заявив о своем согласии выступить против текинцев. Бами сделался опорным пунктом царских войск. Общая численность русского отряда для действий против Геок-Тепе доходила до десяти тыс. человек. К Скобелеву от Саракамыша прибыл и отряд полковника А. Н. Куропаткина.

Движение русского отряда к Геок-Тепе обстоятельно показано в многотомном труде Гродекова, который, впрочем, сообщает в основном о действиях русских военных сил. Скобелев прекрасно понимал, что военный перевес на его стороне. Поэтому он не хотел и слышать о каких-либо переговорах с туркменами, требуя от них полной капитуляции. Десять условий покорности Ахал-Теке, выработанных Скобелевым, предусматривали занятие царскими войсками Кизыл-Арвата, Арчмана, Геок-Тепе, Асхабада и других пунктов по усмотрению военного командования, освобождение рабов и выдачу заложников. Основным же был пункт 7: «Объявление Ахал-Текинской земли собственностью русского государя, который управляет ею по своему усмотрению». Это «усмотрение» и было самым страшным для текинцев Ахал-Теке. Впоследствии царские

[27] «Московские ведомости», 5. VI. 1880, стр. 5.

власти действовали в Туркмении осторожнее, что сказалось при выработке «условий», на которых Мервский оазис вошел в состав России.

В свою очередь текинцы готовились к обороне, сосредоточившись в Геок-Тепе. Под этим названием был известен район, состоявший из ряда местностей: старого или Куня-Геок-Тепе, Денгиль-Тепе (в 8 километрах к югу от названного места), новой крепости или Янги-калы (в 1—2 километрах от последней). Официальные военные писатели (Гродеков и Терентьев) описывают укрепленный район Геок-Тепе как настоящую крепость, над сооружением которой трудились английские инженеры. По книге Гродекова, число ее защитников доходило до 30 тыс. человек. Из них 10 тысяч приходилось на конницу. Количество ружей у туркмен, по его же данным, доходило до 5 тысяч (из них 600 скорострельных). Кроме того, в крепости было одно медное орудие [28]. Холодное оружие (шашки и пики) были у всех защитников. Создается впечатление большого численного перевеса текинцев над отрядом Скобелева.

Не довольствуясь такими сведениями, Гродеков в приложении к тому 3 своей книги (№ 78, стр. 44) привел «приблизительное исчисление населения Денгиль-Тепе». Из этого приблизительного исчисления вытекало, что в Денгиль-Тепе стояло «не менее 14 000 кибиток»; считая же на кибитку по 5 человек, выходило, что в крепости находилось 70 тыс. человек, из которых 14 тыс. были способны носить оружие.

Подобными подсчетами военные авторы хотели подчеркнуть трудности осады Геок-Тепе, замалчивая огромный технический перевес, которым обладали царские войска, снабженные артиллерией и достаточным количеством снарядов. Но и те сведения, которые сообщают царские генералы, подтасованы и неверны. Русские наблюдатели, находившиеся в отряде Скобелева, исчисляли гарнизон Геок-Тепе всего в 6 тыс. человек. Эти сведения взяты нами из архива Гродекова;

[28] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 3, стр. 150; М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 143.

следовательно, они были прекрасно известны автору книги «Война в Туркмении».

Надо учесть также, что население и гарнизон Геок-Тепе испытывали недостаток продовольствия. Муки было запасено на один-полтора месяца, но ощущался недостаток мяса. Осажденные брали воду из ручья и редко ели горячую пищу. Они жили в обстановке крайней скученности. Внутри крепости стояло до 10 тыс. кибиток, в каждой из которых жило от двух до четырех человек. Общее число жителей Геок-Тепе исчислялось приблизительно в 20 тыс. Все мужчины обязаны были защищать крепость, но только половина из них была вооружена ружьями, остальные имели лишь шашки и ножи, насаженные на палки. Можно ли после этого удивляться сообщениям русских наблюдателей, что «нравственное состояние и дух гарнизона и населения крепости весьма угнетенное» [29].

Состояние осажденных усугублялось безнадежностью их положения. Отряд текинцев из Мары (Мерва) в 300 человек покинул крепость, помощи ждать было неоткуда. Осажденные надеялись только на то, что у царских войск не хватит продовольствия. Главным начальником обороны был Тыкма-сардар, но вопрос о вылазке решало народное собрание — маслахат. Значительно меньшую роль играл Махтум-Кули-хан, хотя Скобелев и сообщал в своих донесениях об его избрании сардаром (начальником). Скобелев уверял даже, что Махтум-Кули-хан готовился к газавату и объявил себя «падишахом», правда, только на время русского наступления. Последнее сообщение ничем не подтверждается [30].

Действия Скобелева вызывали у осажденных стремление сидеть в крепости до конца. Беглецы сообщали о причинах этого решения: «Население не желает сдаваться, ввиду распространения слухов ханами, что русские в случае сдачи, взяв в строй все мужское население и послав их на войну, вместе с тем допустят для своих солдат насилия над женщинами». Тем не менее текинцы были готовы заключить перемирие с русским командованием. Об этом говорит рассказ одного из участников Ахал-Текинской экспедиции А. Н. Маслова. По его словам, вдохновителем обороны был Мурад-хан, но во время перемирия, появляясь в красном халате с копьем в руках, он кричал: «Не сметь стрелять по русским, если не подадут знак; кто выстрелит, тому смертная казнь» [31].

[29] Архив Гродекова. Папка № 2. — Журнал военных действий, лл. 141—148 и 80—86 (показания перса, бежавшего из туркменского плена из Геок-Тепе 5 января 1881 г.).

[30] «Россия и Туркмения», стр. 139—140.

Взятие Геок-Тепе

Участь Геок-Тепе была решена штурмом 13 января 1881 г. Действия царских войск и распоряжения командования достаточно подробно описаны в специальных военных трудах и в донесениях Скобелева о взятии Геок-Тепе. Особенный интерес представляет указанная выше книга А. Н. Куропаткина, основанная на его личных наблюдениях и записях. Эта книга заслуживает внимания и как документ, рисующий самого Куропаткина как военного. С величайшей точностью и скрупулезностью он описывает материальную часть и снабжение скобелевской армии. Тут все подсчитано с математической точностью, точно перед нами записи бухгалтера, а не полководца.

Гораздо менее известно о сопротивлении текинцев. Под Геок-Тепе разыгрались серьезные бои. Текинцы делали опасные вылазки и энергично нападали на русские части, стоявшие за специально вырытыми траншеями. Особенно опасны были для русских вылазки 4 и 5 января 1881 г. Ожесточение текинцев было настолько большим, что они отказались заключить перемирие для уборки трупов, лежавших и разлагавшихся перед крепостью. «Несмотря на жестокий огонь 30 орудий, текинцы упорно чинили бреши и гибли» [32]. Защитники крепости сражались неутомимо.

Однако разгром был ужасным. Царские войска преследовали текинцев, бежавших из крепости, на протяжении 15 километров; но это не было беспорядочным бегством. Текинцы, по донесению Скобелева, отступали «в двух больших массах по северному направлению». Темнота и «окончатель-

[31] А. Н. Маслов. *Завоевание Ахал-Теке*, СПб., 1887, стр. 105.

[32] Там же, стр. 145; М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, стр. 194.

ное рассеяние» текинцев положили конец преследованию [33]. Скобелев говорит именно об отступлении, а не о бегстве. Потери текинцев исчислялись в 6—8 тыс. человек; царские войска потеряли около 400 чел. убитыми и ранеными.

Лагерь текинцев попал в руки победителей. Кибитки, наполненные домашней рухлядью, ковры, женские серебряные уборы — все это было разграблено и растащено. Драгоценные туркменские ковры, над которыми долгие месяцы трудились целые семьи, продавались по 5 руб. за штуку. Туркменки боялись выходить за пределы глиняных стен, ожидая обычной женской доли — насилий и оскорблений, которыми зачастую сопровождалось торжество победителей в Средней Азии. Но их опасения не были обоснованы: женский и детский лагерь надежно охранялся караулом русских солдат. Чуждые злобы против побежденных, русские солдаты, по словам очевидца событий, были человечными и великодушными. Они кормили маленьких туркменских детей, потерявших родителей [34].

В дневнике графа П. А. Валуева под 16 января 1881 г. встречаем краткую заметку о взятии генералом Скобелевым Геок-Тепе и полном поражении текинцев. Автора заметки не интересовали последствия этого события, зато он отметил, что Скобелев получил орден Георгия 2-й степени и был произведен в генералы-от-инфантерии [35].

Поражение при Геок-Тепе надолго осталось в памяти у туркмен. Английский автор Марвин, писавший вскоре после этого события, признавал, что «взятие Геок-Тепе произвело сильное впечатление в Средней Азии» [36].

Падение Геок-Тепе предрешило занятие всего Ахал-Текинского оазиса. 18 января 1881 г. русский отряд во главе с полковником А. Н. Куропаткиным вступил в Асхабад (Ашхабад) и Анау. В тот же день «почетные люди» прислали

[33] «Россия и Туркмения», стр. 159.

[34] А. А. Мейер, *Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881*, Кронштадт, 1886, стр. 259.

[35] П. А. Валуев, *Дневник*, изд-во «Былое», Пг., 1919, стр. 141.

[36] Marvin, *The Russians at Merv and Herat and their power of invading India*, London, 1883, p. 136.

Скобелеву письмо: «Да будет известно всем сардарам и генералам белого царя, что текинские жители, не имея понятия о своей слабости, оказывали сопротивление против воли могущественного белого царя, за что подвергнуты наказанию». Из Анау явилось 60 человек. Скобелев не нашел ничего лучшего, как объявить в ответ на это письмо, что «все сопротивляющиеся русским войскам будут истреблены как разбойники и преступники» [37]. Он, видимо, думал о дальнейшем продвижении в глубь Туркмении.

В селения были назначены коменданты. В составленной для них инструкции говорилось, что «коменданты есть ближайшие попечители населения». Майор Сполат-бог получил место «заведующего населением» в Геок-Тепе. Ему поручалось водворение туркмен на прежние места жительства, назначение аксакалов (старшин) в селения, выдача билетов на жительство. К маю 1881 г. были выданы свидетельства на 1700 кибиток. Сарыки и салыры, поссорившиеся с мервцами, 26 января 1881 г. изъявили свою покорность. 16 февраля Скобелев вступил в Лютфабад, а 28 марта сдал дела новому командующему генералу Рербергу и покинул Туркмению [38].

Уже вскоре после взятия Геок-Тепе «белый генерал», видимо, начал понимать всю трагичность военных действий в Туркмении. Как бы сознаваясь в ненужности совершенной жестокости, он писал Куропаткину: «Утешение, что память об ужасном годе залог мирного процветания на очень долго — лучший холодильник для религиозного фанатизма и поэтизирования войны» [39]. Впрочем, на практике Скобелев был гораздо более умеренным, чем в частных письмах. В письмах он как бы похвалялся своими мыслями о войнах и средствах военного покорения. На практике же и он вынуж-

[37] А. Н. Маслов, *Завоевание Ахал-Теке*, стр. 177—178.

[38] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 4, стр. 24—119; «Россия и Туркмения», стр. 168.

[39] Архив Гродекова. Журнал военных действий, стр. 225. Скобелев писал 19 января 1881 г. генералу Арцишевскому: «Весьма важное. Асхабад занят без боя. Край богатый, фуража и зерна держат много. Вообще держать стоит». Он предлагал: постепенно опрокидывать стены Геок-Тепе во рвы крепости. «Этой работе я придаю большое значение. Необходимо вспахать Геок-Тепе» (там же, стр. 409).

ден был призвать военное командование в первую очередь позаботиться «об умиротворении занятого края».

Общие итоги экспедиции были освещены в «Московских ведомостях» 1 февраля 1881 г. Здесь была опубликована следующая телеграмма Скобелева от 26 января: «После объявления прокламации с предложением текинцам возвращаться на свои места население начало возвращаться из песков и сдает свое оружие; до сих пор явилось до 7000 семейств. Софи-хан, Худай-Верды-хан и другие почтенные ханы у нас в лагере, через них собирается остальное население. Семьям, взятым в Геок-Тепе, выданы запасы провизии и принимаются меры к отправлению их по своим местам. Оказывается, что похоронено в Денгиль-Тепе до 6400 тел, погибло во время осады до 8000, во время преследования изрублено на мой глаз не менее 2000».

В действительности потери туркмен были значительно большими. Женщины и дети массами погибали от голода и усталости. Устная туркменская поэзия запечатлела поражение при Геок-Тепе как тяжелый удар для текинцев: «В мире жалким пленником стал Теке, и имя доброе его бесславным стало» — так пелось в песне о взятии Геок-Тепе [40].

Бегство населения в пустыню и его возвращение

Взятие Геок-Тепе вызвало среди туркмен панику, о которой долго помнили в туркменских аулах. Многие туркмены откочевали в пустыню. Этот момент четко отмечен в прошении жителя одного аула: «Когда была взята Геок-Тепе, то многие из текинцев, в том числе и он с семейством своим и племянниками, бежали в пески» [41].

О крайне бедственном положении туркмен Ахал-Текинского оазиса говорят многие документы. Военный врач Чудовской сообщал 2 сентября 1881 г., т. е. через 8 месяцев после взятия Геок-Тепе, о том, что по дороге от укрепления Дуруна он встречал много семейств текинцев, выселившихся из Мерва, «которые находятся в страшной нищете, и, кроме того, между ними развита болезненность в сильной степени».

[40] В. Н. Гартевельд, *Среди сыпучих песков и отрубленных голов*, М., 1914, стр. 33.

[41] Фонд 1, оп. 2, д. 2970, л. 3 (по старой нумерации).

Само военное командование признавало, что жители Ахала возвращаются в бедственном положении, многие пешком. Эти сведения относятся к сентябрю 1881 г., когда прошло несколько месяцев после взятия Геок-Тепе [42]. По показаниям А. Н. Маслова, провиант для войска и населения был закуплен и поставлялся из Персии, куда отправился генерал Гродеков. Всего было закуплено 147 тыс. пудов ячменя и пшеницы.

Пребывание в песках без пищи и без всяких надежд на будущее не могло, естественно, долго продолжаться. Уже весной 1881 г. большинство туркменского населения, бежавшего из аулов Ахал-Текинского оазиса, стало возвращаться на места своего жительства, немедленно приступая к полевым работам. В районе Ашхабада и Бами установилось относительное спокойствие. По официальным сведениям, «оазис принял совершенно мирный вид» (в мае 1881 г.), так что по его территории уже безопасно ездили даже одиночные всадники и туркмены охотно давали верблюдов внаем для русских военных отрядов. Этому в не малой степени способствовало предписание командования хорошо обращаться с населением и ничего не брать даром, что было подкреплено суровыми приговорами военных судов. 11 февраля был расстрелян бомбардир одной батареи, ворвавшийся в нетрезвом виде в кибитку и убивший текинца [43].

В значительно более худшем состоянии оказались те туркмены, которые бежали в Персию. Бедственным положением текинцев воспользовались и другие туркменские племена, уводившие в рабство текинских мальчиков и девочек. Особенно большое количество беглецов было обращено в рабство пограничными персидскими властями. Персидский губернатор в Кучане отказывался вернуть текинцев, обращенных в рабство, несмотря на все требования русских властей, заявляя: «Те же ахальцы и другие, как взятые до покорения Геок-Тепе, составляют приобретение племенное и речи о них не должно быть» [44].

[42] А. Н. Маслов, *Завоевание Ахал-Теке*, стр. 185—187.

[43] «Россия и Туркмения», стр. 168—169.

[44] Фонд 1, оп. 2, д. 2970, 11 августа 1881 г.

В списке текинцев, находившихся в плену у персов, насчитывалось до 100 человек, больше всего девочек. Другой список пленных ахал-текинцев, уведенных в Персию, составленный старшиной аула Безмеин, насчитывал до 20 человек. Из этого числа после взятия Геок-Тепе уведено было в Персию 6 человек, остальные попали в плен гораздо раньше, за 15—17 и даже за 25 лет до штурма Геок-Тепе. Персидские власти насильно удерживали пленных. Так, 22-летняя дочь Аман-Назар-оглы была взята в плен за 14 лет до 1883 г. (значит, в 1869 г.). Ее не отпустили на волю, хотя отец ее еще 12 лет назад заплатил тысячу кран выкупа персидскому рабовладельцу. Отец не получил ни денег ни дочери. Уже в марте 1883 г. безмеинский старшина, представлявший царские власти от Ахала, просил о возвращении пленных, но переписка русских властей с персами не дала никаких результатов [45].

Бегство туркмен из Ахал-Текинского оазиса объяснялось боязнью расправы и произвола царских властей. Действительно, некоторые военные чины без всяких оснований арестовывали неугодных им туркмен. Не всегда выполнялись и предписания командования о хорошем обращении с местным населением. Туркмены жаловались на солдат ашхабадского гарнизона, ходивших ночью по туркменским аулам и рвавших виноград. При попытке их задержать солдаты избивали владельцев [46].

В конце 1881 г. командующий вынужден был вновь объявить приказ по войскам о запрещении «произвольных действий под опасением законной за это ответственности» [47]. Военное Министерство обращало внимание командующего войсками в Закаспийской области на то, что «нижние чины берут у

[45] Фонд 1, оп. 2, д. 2970 (1883—1884 гг.), л. 36 — Список пленных, составленный 27 марта 1881 г.

[46] Так, весной 1881 г. солдатам ашхабадского гарнизона было запрещено ходить по аулам в связи с жалобой текинца Артык Кара, что чины гарнизона несколько ночей подряд рвали в его саду виноград и при попытке их задержать нанесли ему побои. Столкновения происходили и в других аулах, главным образом на почве грабежа [Фонд 97, оп. 1, д. 87, лл. 3—4; Фонд 1, оп. 5, д. 608, лл. 17—21 (по старой нумерации д. 5192 и д. 5149)].

[47] Фонд 97, оп. 1, д. 122.

жителей скот и живность, что проходящие команды топчут засеянные поля, что система поля нарушается и что жители не получают на жалобы удовлетворений». Министерство требовало «водворить порядок», что, впрочем, вызывало казенную отписку, будто таких жалоб не поступало, «кроме единичных жалоб от ашхабадцев об отводе воды». Впрочем, командование стремилось избегать ненужных репрессий. Военный суд, например, оправдал четырех обвиняемых туркмен.

В делах Закаспийской области отсутствуют указания на какие-либо массовые расправы с населением [48].

В «Московских ведомостях» 12 февраля 1881 г. было перепечатано частное письмо, помещенное в «Минских губернских ведомостях», о мерах Скобелева по поддержанию дисциплины в войсках: о запрещении игры в карты, закрытии духанов в 9 часов вечера, запрещении попоек и кутежей. Полевым жандармам были даны полномочия наблюдать за исполнением этих требований.

Командование русскими войсками сразу же после окончания сражения стало принимать меры к возвращению туркмен на места их прежних поселений, объявляя, «что все жители Ахала могут возвратиться сюда и что верным слугам будет у нас хорошая служба» (22 апреля 1881 г.). Однако, как уже говорилось выше, главной причиной, заставившей бежавших туркмен возвращаться в родные места, были не эти прокламации, а полная невозможность жить в пустыне. Население постепенно возвращалось и признавало российскую власть, но процесс этот протекал медленно. Еще 7 мая 1881 г. начальник гарнизона в Кизыл-Арвате сообщал, что в окрестностях не видно ни одного населенного текинского аула. Однако вскоре в Кизыл-Арват вернулись два хана (с аулами), которые были признаны старшинами аулов. В марте—июне стали возвращаться иомуты, жившие в Западной Туркмении. К началу июня на занятую царскими войсками территорию перешло уже 33 кибитки иомутов. В августе в район Дуз-Олума переселилось 30 кибиток гокленцев. В октябре 1881 г. старшина атабаевского племени заявил о готовности перейти Атрек и принять русское подданство.

[48] Фонд 97, оп. 1, д. 43, л. 6, 14 июня 1881 г.

Положение большинства обитателей прибывших кибиток было ужасающим: местные русские власти сообщали, что у них фактически не было никакого имущества. Возвращавшиеся туркмены в знак принятия русского подданства обязаны были вносить определенную сумму с каждой кибитки, например, иомуты платили по 6 руб. Однако их материальное положение было настолько тяжелым, что некоторые ничего не могли заплатить [49]. Текинцы стали возвращаться на зимние места, и к концу января около 18 тыс. семейств вернулось на безлюдную до того территорию от Бами до Геок-Тепе. От салоров и сарыков в Геок-Тепе явился мулла Ишан-Караулбеги с письмом, где говорилось о ссорах этих племен с мервцами и об их согласии принять русское подданство. 18 февраля 1881 г. алилийцы сообщили в Лютфабад, где был Скобелев, что мервцы прислали к ним письмо [50], тем самым последние начали свои сношения с русским командованием.

Официальные документы скупо отражают печальное положение текинцев Ахала после взятия Геок-Тепе. Но вот перед нами свидетельство очевидца — Алиханова-Аварского, оставившего описание ашхабадской жизни «в первый год после падения Геок-Тепе». Поздней осенью на равнине среди невылазной грязи в Ашхабаде стояли наскоро сооруженные сакли из сырцового кирпича, грязные палатки и ободранные кибитки «наиболее счастливых» из отряда вторжения. Среди них, «как тени, бродили, шлепая по грязи, наши военные всевозможных рангов и положений». В стороне ютилась торговая часть Ашхабада, типичный маркитантский лагерь, состоявший из разного рода укрытий, нередко из балаганов, сколоченных из досок с черными клеймами распространенных в то время винно-водочных фирм. Эти клейма наглядно показывали, преимущественно какими товарами торговали в Ашхабаде.

В этой картине изображается типичный военный поселок; новая столица Ахал-Текинского оазиса была на первых порах военной ставкой. Но царские войска находились все же в

[49] Фонд 97, оп. 1, д. 135, лл. 1, 2, 12, 21. — О разрешении туркменам Ахала и иомутам возвратиться на свои места (1881 г.).

[50] А. Н. Маслов, *Завоевание Ахал-Теке*, стр. 190—200.

лучшем положении, чем население ближайших туркменских аулов. «Особенно удручающее впечатление между всеми, — писал Алиханов, — производили текинцы. Потеряв под Геок-Тепе весь свой скот, все свои запасы и имущество, выбежав оттуда чуть не с голыми детьми на руках и поздно вернувшись к своим аулам из Мерва, Теджена и песчаных пустынь, в которых они скрывались в первые месяцы после погрома, текинцы эти не успели засеять своих полей и, лишенные поэтому каких бы то ни было жизненных припасов, голодали буквально всем народом. Едва прикрытые всевозможными лохмотьями, они шатались по Асхабаду целыми толпами и, не отличая офицеров от солдат, молча протягивали свои исхудалые руки к тем и другим» [51].

Царское правительство и туркменские старшины

Царское командование стремилось привлечь на свою сторону туркменскую верхушку. Тотчас после взятия Ашхабада генерал Скобелев писал начальнику отряда вторжения: «Старайтесь войти в связь с бежавшим населением. Надо всеми силами стараться умиротворить край до конца февраля, чтобы было кому орошать существующие многочисленные запашки и сделать новые раннею весною. Что с семействами? Как ни тяжело, а их кормить надо».

Несколько позже тот же Скобелев прямо заявлял: «Некоторым влиятельным семействам я приказал помочь серьезно, дабы этим положить начало хотя небольшому кружку людей, испытавших добро от русской власти» [52].

Одним из первых вступил на царскую службу Тыкма-сардар, бежавший из Геок-Тепе на Теджен с частью туркменской конницы. Вместе с делегацией туркменских старшин он ездил в Петербург и представлялся императору Александру III.

[51] М. Алиханов-Аварский, *Закаспийские воспоминания*. — «Вестник Европы», 1904, сентябрь — октябрь, стр. 76.

[52] А. Ф. Арцишевский, *М. Д. Скобелев в Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг.* — «Русская старина», 1883, май. — В одном письме Гродеков как начальник штаба писал: «Великий Сердар белого царя раз навсегда объявил всему народу Ахала аман и пригласил его вернуться на свои земли». Гродеков указывал, что представителем царской власти в Ахале теперь является генерал Ерберг [Фонд 1, оп. 2, д. 5133 (по старой нумерации), 15 апреля 1881 г., письмо к Азис-сардару].

Газета «Голос» сообщала, что «делегация состояла из пяти лиц во главе с бывшим начальником вооруженных сил текинцев Тыкма-сардаром».

Такого же рода сообщения появлялись и в других московских и петербургских газетах. Они отмечали, что старший сын Тыкма-сардара погиб во время войны, а младший, 10-летний, приехал с ним в Петербург для устройства в военно-учебное заведение. Смуглое личико мальчика с чертами добродушия и прямоты понравилось газетным корреспондентам [53].

В составе депутации, по газетным сведениям, находились: «почетное лицо текинцев Авиз, молодой человек, один из мервских старейшин, Халли-сардар, лет 60... Последний не принадлежит к депутации, а сопутствует ей, чтобы посмотреть столицу Белого Царя и его войско, а затем сообщить о виденном своим родичам в Мерве. На них всех произвел большое впечатление московский кремль. Тыкма-сардар рассказал, что он потерял старшего сына, павшего перед русскими траншеями. По его словам, всех текинцев, принявших русское подданство, насчитывается более 400 тыс. семейств... Мы умели воевать с войсками Белого Царя, но умеем также доказывать свою верность и преданность Белому Царю, нас покаравшему, — говорил достопочтенный Тыкма-сардар».

Делегация текинских старшин была принята военным министром для вручения им бархатных халатов. Кроме четырех членов текинской делегации, присутствовало еще два текинца, прибывших позднее. Один из них «имел серебряную медаль, пожалованную за изъявление первым покорности после штурма Геок-Тепе» [54].

Некоторые туркменские старшины, перешедшие тотчас же после взятия Геок-Тепе на сторону царских властей, произве-

[53] «Россия и Туркмения», стр. 181 и сл.

[54] См. «Московские ведомости», 18. V. и 11. VI. 1881. — Текинская депутация имела в своем составе: Тыкма-сардара, Магомеда Гильдиева, Магомет Верды-хана и Эвез Кули-сардара. Гыкма-сардар, получивший чин майора милиции, внезапно умер 16 июня 1882 г. от неизвестной болезни. Лечивший Тыкма-сардара врач Крымского полка отметил, что Тыкма болел катаром желудка, но опасности для его жизни от этой болезни не было (Фонд 1, оп. 2, д. 5168, л. 9).

ли большое впечатление в Петербурге. В их числе был Тыкма-сардар [55].

Одним из первых туркменских старшин, установивших сношения с русским командованием в Ашхабаде, был Махтум-Кули-хан, который, как сын Нур-Верды-хана, пользовался некоторым авторитетом среди туркмен. В июле 1881 г. русский посланник в Персии сообщил, что текинские ханы Махмут-Кули-хан и Юсуф-хан, сыновья Нур-Верды-хана, обратились к русскому агенту в Мешхеде с предложением «верно служить России». В Мерв к Махтум-Кули-хану был послан Тыкма-сардар с приглашением вернуться в Ахал, но Махтум-Кули-хан оттягивал принятие окончательного решения, хотя и понимал безнадежность дальнейшего сопротивления. Уже на следующий год после взятия Геок-Тепе в письме на имя английского агента он горько упрекал его в обмане. «Покойный родитель мой Нур-Верды-хан,— писал он,— поверив вашим словам и надеясь на покровительство, приготовив враждебные материалы к русскому правительству, умер. И я, следуя его инициативе, по своей глупости и беспечности, лишился имущества, наследства, отчизны, сана и достоинства; причиною этих разорений суть обманные слова ваши» [56]. Позже Махтум-Кули-хан поступил на царскую службу.

Царские власти с помощью туркменской знати старались обеспечить свое влияние в Туркмении и, как ниже будет видно, успешно достигали своей цели. Командование раздавало награды (медали) главным образом старшинам. По списку 7 марта 1883 г. были представлены к награде старшины аулов Арчман, Нохур, Бахарден, Келята, Коршов и Кеши [57].

[55] Гродеков приводит романтические подробности об этом туркменском предводителе: Эвез Мурад Тыкма-сардар из Беурмы (родился в 1825 г.) ходил в аламаны с 13 лет. В 17 лет он имел уже свою шайку из 100 человек. При набеге на Хайдарабад Тыкма-сардар в 1867 г. обнаружил в доме местного бека молодую текинку с каидалами на ногах и руках и с цепью на шее, прикрепленной к потолку. Так ее держали в заключении целый год за отказ быть наложницей бека (см. Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 2, стр. 193—197).

[56] Фонд 1, оп. 2, д. 435, л. 22. — Письмо Махтум-Кули-хана от 27 мая 1882 г.

[57] Фонд 1, оп. 2, д. 6483, лл. 38—41.

Задержка с выдачей медалей «За усердие» вызывала неудовольствие военных властей [58].

Стремление привлечь на свою сторону туркменскую верхушку заставило царское командование проявлять терпимость даже по отношению к врагам России. Атабаевский старшина, обвинявшийся в тайных сношениях с текинцами и передаче им царских военных секретов, был освобожден из-под ареста и получил должность по сельскому управлению.

Присоединение к России пограничных районов

Занятие Ахал-Текинского оазиса не разрешало вопроса о государственной принадлежности соседних с ним туркменских территорий. Неясной оставались границы с Персией в верховьях реки Атрека. По конвенции России с Персией от 9 декабря 1881 г. граница проходила от устья Атрека до Баба-Дурмаза и далее «на дорогу из Гяурса в Лютфабад, огибая Кале-Баба-Дурмаз», который оставался к востоку от пограничной черты. Статья IV обязывала Персию не отводить от русских полей воды. Попытки английского правительства вмешаться в установление границ между Россией и Персией встретили решительный протест со стороны царского правительства, которое заявило, что «определение пограничной черты между нашими владениями и Персиею... может касаться лишь России и Персии» [59]. На практике принадлежность туркменского населения к России или к Персии в области, примыкавшей к Атреку с севера, оставалась неопределенной. Дело в том, что Атрек никогда не служил естественной границей для кочевников, которые легко переходили эту реку и постоянно меняли места кочевий по обоим ее берегам. В связи с этим часть туркмен стремилась поставить себя как бы в двойное подданство.

Иомуты в районе Гасан-Кули называли себя персидскими подданными. Они занимались ловлей рыбы, которую возили для продажи в Астрахань. Им было предложено принять рус-

[58] Фонд 97, оп. 1, д. 212, л. 4.

[59] Полный текст конвенции от 9 декабря 1881 г. напечатан в сб. «Россия и Туркмения», стр. 189—192; см. также «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885», СПб., 1886, ч. I, стр. 16—20 (далее — «Афганское разграничение»).

ское подданство или переселиться в Персию. Кочевые иомуты в районе Атрека также должны были перейти на кочевья к северу от Атрека или остаться в Персии. Оба иомутских рода (атабаевцы и джафарбаевцы) предпочли остаться на русской стороне реки. До 200 кибиток джафарбаевцев переселилось к Гасан-Кули, испрашивая разрешения пасти скот на обширной пустынной территории вплоть до границ Хивинского ханства. Обосновывая свои претензии на эту территорию, джафарбаевцы ссылались на помощь, которую они оказали войскам Скобелева при взятии Геок-Тепе. Старшина атабаевцев Муса-хан подал прошение, в котором писал, что он также оказывал услуги генералу Скобелеву и доставлял много верблюдов, но после приезда Скобелева в Красноводск был арестован и обвинен в том, что «имел стачку с текинцами и передавал им секреты русского отряда». Муса-хан обещал полную покорность и был вызван в Ашхабад, где, несмотря на продолжавшееся следствие, было признано возможным дать ему должность по сельскому управлению [60].

Большим препятствием к быстрому возвращению атабаевцев и джафарбаевцев на российскую сторону Атрека был вопрос о податях, которые взимались в царскую казну. В марте 1881 г. выяснилось, что «атабаевцы отказываются платить подати, ушли в Персию, оставив здесь посевы». Царское командование требовало внесения подати, не разрешая без этого собирать жатву. Оно объявило, что всякий кочевник, пойманный на русской стороне без свидетельства об уплате подати, должен будет заплатить вдвое. Некоторые аулы переходили на российскую сторону Атрека, но, узнав о требовании уплатить подати, возвращались обратно. В мае 1881 г. ашхабадские власти распорядились, чтобы туркмены, перекочевавшие из Персии через Атрек, не носили оружия и находились в ведении чикишлярского коменданта [61].

[60] Фонд 97, оп. 1, д. 81 (по старой нумерации д. 5141), 1881—1882 гг. — Прошение Муса-хана подано было в июне 1881 г., принят он был на службу 8 октября 1881 г.

[61] Фонд 97, оп. 1, д. 135, л. 8 (по старой нумерации д. 5133). — О разрешении туркменам Ахала и иомутам возвратиться на свои места. 1881 г.).

В пограничных районах происходили постоянные недоразумения из-за воды и пахотных земель, разрешавшиеся нередко силой. Такой конфликт произошел в непосредственной близости от Ашхабада вскоре после его занятия русскими войсками. Кельмечинарцы, жившие на персидской территории, отвели воду от Анау, население которого стало бедствовать и «довольствоваться жидкой грязью». Уговоры ни к чему не привели, и отряд казаков пустил воду в Анау, оставшись там для наблюдения за водой [62].

Персидские власти крайне ревниво относились к тем территориям, которые считались их владением. Жители Гермаба и Кулкулаба по договору России с персидским правительством должны были переселиться в Персию, но просили оставить их на месте. Однако царское правительство не согласилось удовлетворить просьбу жителей, как и просьбу русского посланника в Тегеране. Начальник Ахал-Текинского округа Невтонов сообщил эмиру небольшого владения Кучана, входившего в состав Персии, «что персидское правительство вправе на основании конвенции выселить гермабцев и кирковцев в пределы Персии и что то же самое он объявлял депутациям, дважды являвшимся к нему от Гермаба и Кулкулаба с просьбой не выселять их». Кучанский эмир вместе с кавалерией и пехотой, численностью около 500 человек, в начале ноября 1882 г. завладел местностями Кулкулаба и Гермаба, выжег их и выселил жителей в Персию [63].

Население, жившее в районах, пограничных с Персией, стремилось перейти в русское подданство. В апреле 1882 г. в Лютфабаде, Шилогани, Арчингане и Лаине возникли серьезные волнения, во время которых жители заявляли о своем намерении принять русское подданство.

Волнения туркмен на территориях, остававшихся под властью Персии, принимали все более широкие размеры. Царское командование сообщало в Ашхабад, что жители Лютфабада и Шилогани хотят переселиться в ту часть Атека, которая отходит к русским, и в крайнем случае решили даже перей-

[62] Фонд 97, оп. 1, д. 263, л. 25.
[63] Фонд 1, оп. 2, д. 5116, лл. 10—20.

ти на Теджен [64]. Притеснения персидских наместников вызывали в Лютфабаде и Шилогани открытое недовольство населения. В апреле 1882 г. Сеид-Али-хан, старшина Лютфабадский, писал в Ашхабад: «Персидское правительство подозревает меня в бунте Лютфабадских жителей, но лютфабадцы вовсе не отказываются от персидского правительства, но если они не будут ограждены от Аллах-Яр-хана (персидского наместника), то разбегутся в разные стороны». Об этом же сообщал закаспийским властям в шифрованной телеграмме начальник Главного штаба генерал Обручев из Петербурга: «Посланник наш в Тегеране телеграфирует, что в Лютфабаде, Шилогани, Арчингане и Лаине возникли большие беспорядки и жители заявляют открыто о намерении сделаться русскими подданными» [65]. Переход Лютфабада к Персии вызвал массовое бегство лютфабадцев в Каахку.

Такое же положение сложилось и в пограничном ауле Нохур, который был спасен русскими войсками от разорения текинцами. Русское командование отказало персидским пограничным властям в выводе русских войск из Нохура, который остался в составе Закаспийской области.

Присоединение Каахки и Душака, утверждение влияния России на Теджене

Наиболее запутанным было положение на территории между Ахал-Теке и Мервским оазисом. Граница здесь всегда была неопределенной, и это дало возможность пограничным персидским феодалам и чиновникам тотчас же после падения Геок-Тепе сделать попытку захватить часть туркменской территории (в первую очередь селения Каахку, Душак, Серахс и Теджен), встретившую решительное сопротивление со стороны местного населения.

Персидские власти начали с того, что отвели воду от Каахки и других селений на Атеке и заявили жителям, что «атекские селения должны подчиниться Персии» [66].

Опасаясь репрессий со стороны персидских властей, атекские туркмены вели только тайные сношения с русским ко-

[64] Фонд 97, оп. 1, д. 259, лл. 78, 98.
[65] Фонд 1, оп. 2, д. 4536, лл. 2—3.
[66] Фонд 1, оп. 5, д. 435, лл. 13—14, 13 мая 1882 г.

мандованием [67]. 8 марта 1882 г. жители Атека обратились в штаб начальника Закаспийской области с характерным прошением: «Мы, охраняя границу, угнетениями Рара-Гезского хана доведены до такого состояния, что семеро нуждаются в одном котле. Хотя несколько раз обращались к персидскому правительству, но нас безотносительно продали Аллах-Яр-хану, иначе мы и не отказались бы от персидского правительства. Ныне решились прибегать к Вашей защите, потому и выгнали из среды своей Джафар-Кули-агу и всепокорнейше просим принять наше подданство. Не получая на прежнее прошение ответа, вторично послали к Вам Саадат-Кули-батыра и Рамазан-батыра» [68]. По этому поводу русские агенты сообщали о взаимоотношениях персидского правительства с его наместником такой слух: «Говорят, будто шахское правительство взяло с него 24 000 туманов, что понуждает его к усиленным поборам». Русский посланник в Персии Зиновьев сообщил командованию в Туркмении, что считает необходимым смену наместника, хотя неудобно вмешиваться в назначение персидских пограничных начальников.

Притеснения и нажим персидских властей, которым подвергались алилийцы, населявшие Каахку, привели к обратным результатам и только усилили стремление жителей Каахки поскорее присоединиться к России. Видным сторонником этого присоединения был каахкинский старшина Сеид-Назар-юзбаши. Уже в 1881 г. жители Каахки во главе со своим старшиной выразили намерение присоединиться к России [69]. В январе 1882 г. Сеид-Назар-юзбаши сообщил, что наместник Хоросана хочет его арестовать, хотя Каахку решено отдать России [70]. Старшина писал о претензиях персидских властей и об отказе алилийцев им подчиняться, так как

[67] Фонд 97, оп. 1, д. 263, л. 22.

[68] Фонд 1, оп. 2, д. 8997. — К прошению приложены 19 печатей и 19 подписей. Кое-где сделаны поправки синим карандашом: «семь» вместо «семеро», «прибегать» вместо «прибегнуть», «нас» вместо «наше».

[69] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 85.

[70] Фонд 1, оп. 2, д. 8298, лл. 1—3. — Старшина Каахки Сеид-Назар-юзбаши оказал царскому командованию немалые услуги, сообщая вести из Мерва.

они считают себя русскими подданными. В другом письме старшина уведомлял о присутствии в русском лагере английского шпиона, замеченного Кара-Кули-ханом и Майли-ханом во время их пребывания в Ашхабаде (в мае 1882 г.). По его же словам, персидский принц летом 1882 г. появился в Серахсе, где предполагалось строить батареи. Донося об этом, старшина добавлял: «Живущие в Серахсе туркмены говорят, что они желают служить русскому правительству, но боятся персиян». Сообщение о тяготении жителей Каахки к России подтверждает и Алиханов, проезжавший через Каахку. Жители Каахки «иначе не называют себя, как только верными слугами и новыми подданными ак-падишаха». О персах они не хотят и слышать [71].

Персидские власти стремились захватить Каахку, чтобы выселить жителей в Персию. При этом они пытались подкупить местных жителей, обещая выдать им 10 тыс. персидских туманов и 100 халатов. Но и денежные посулы не произвели впечатления на жителей оазиса, старшина которого просил о русском заступничестве и занятии Каахки сотней казаков.

В 1882 г. персидские пограничные власти вновь сделали попытку утвердиться в пограничных областях, и в сентябре указанного года генерал Рерберг настойчиво требовал от командующего войсками Кавказского военного округа разрешения оказать поддержку алилийцам, «чтобы избежать падения авторитета России в крае» [72]. Министерство иностранных дел придерживалось другой точки зрения и не видело опасности в том, что персы предполагают построить крепость в районе Старого Серахса, несмотря на то. что, по словам Рерберга, спорная местность принадлежала не Персии, а туркменам.

Осенью 1882 г. персидские власти продолжали реквизиции хлеба на Атеке. В связи с этим генерал Рерберг предлагал послать в Каахку полсотни казаков или дать жителям самим расправиться с персами, так как в противном случае «обна-

[71] «Московские ведомости», 13.VI.1882. — Ак-падишах — белый царь, император.

[72] Фонд 1, оп. 5, д. 435, лл. 50 и 53 (по старой нумерации д. 5160) — О происках персиян относительно Мерва. 1882—1884 гг.

ружится ничтожность нашего заступничества». Дипломатический нажим царской миссии в Тегеране не имел последствий и в Ашхабад продолжали поступать жалобы Сеида-Назар-юзбаши и других старшин. Сеид-Назар-юзбаши писал, что до занятия русскими Ахала персы не смели выходить с гор, а теперь они говорят, что возьмут эти земли у русских. Тем самым он намекал на падение русского авторитета в пограничных туркменских землях [73].

Почти одновременно с жалобами алилийцев в Ашхабад поступило прошение жителей Мехка и Чаачи с жалобами на притеснения персидских властей, которые обвиняли их в преданности России. В прошении говорилось: «Персидское начальство преследует нас, разграбили у нас стада баранов, убили несколько человек и некоторых заарестовали и посадили в тюрьму, обвиняют нас в преданности русскому правительству и желают против воли выселить с места жительства. Мы надеемся на русское покровительство и просим об освобождении наших арестантов». Не довольствуясь такими действиями, персидский губернатор Келата приказал устроить плотины, чтобы лишить Мехк и Чаачу воды [74].

Произвол персидских пограничных властей был невыносим для населения, которое бежало из персидских пределов на российскую территорию, предпочитая подчиняться царскому военному командованию, а не персидским сатрапам.

Тем не менее персидское правительство в связи с представлениями из Лондона требовало от русского командования не нарушать статус-кво. В связи с этим в военных и дипломатических кругах России усиленно обсуждался вопрос о дальнейших действиях в Туркмении. Скобелев и русский посланник в Тегеране Зиновьев были сторонниками не только удер-

[73] Фонд 1, оп. 5, д. 435, лл. 110—111, лл. 6, 9, 35, 53, 96 и др. (по старой нумерации д. 5160). — О происках персиян относительно Мерва. 1882—1884 гг. Еще раньше, в половине XIX в., племя карадашли бросило местности, где оно прежде кочевало и производило распашку земли, так как не в силах было выдерживать постоянные нападения персов, «от которых жители побросали свои земли и переехали в Хиву. На месте остались только жители Бами и Беурмы, несмотря на громадные потери в людях от набегов персиан».

[74] Фонд 1, оп. 5, д. 435, л. 9.

жания за Россией занятых территорий, но и дальнейшего продвижения в сторону Мерва. Министерство иностранных дел занимало, однако, более осторожную позицию, требуя избегать конфликтов с Персией.

Напряжение в этом районе несколько разрядилось после заключения пограничной конвенции России с Персией в конце 1881 г. Статья 6 конвенции обязывала персидское правительство запретить вывоз из северных провинций Персии оружия и военных принадлежностей и проследить за тем, «чтобы оружие не проникало также к туркменам, живущим на персидской территории» [75].

Вслед за Каахкой к России присоединился Душак, лежащий на полдороге между Каахкой и Тедженом. Побудительной причиной для обращения жителей Душака к царскому командованию было появление в окрестностях оазиса аламанщиков, которые переселились из Мары (Мерва) в Меану и стали совершать грабежи на дороге между Мервом и Тедженом. Приехавший в Ашхабад брат душакского старшины просил о назначении русским командованием старшины в Душак и о найме на русскую службу 5—10 человек. Для поимки разбойников душакцы просили прислать 20 всадников и испрашивали разрешения выкупить у персидских властей своих пленников, «если дозволяется продавать и покупать людей». Посланный командованием офицер с тремя стражниками изловил разбойников в сентябре 1882 г. [76].

Присоединение Каахки и Душака имело немалое значение для закрепления за Россией прямого пути из Ашхабада в Мерв. Еще большее значение имело фактическое присоединение к российским владениям Тедженского оазиса.

Сношения царского командования с Тедженом начались в 1881 г. В июле указанного года генерал Реберг писал посланнику России в Тегеране, что он обещал тедженскому хану Ходжа-Кули покровительство и предлагал тедженцам не пла-

[75] Текст конвенции 9 декабря 1881 г. напечатан в кн. Н. И. Гродекова «Война в Туркмении», т. 4, стр. 107—111.

[76] Фонд 1, оп. 2, д. 5174, лл. 4—5. — В марте 1882 г. сотня казаков прошла маршрутом через Каахку и Душак. Об аламанстве см. ниже.

тить персидским властям податей, которые те требовали. В августе 1881 г. Ходжа-Кули-хан и Овез-сардар с 25 тедженцами явились к Рербергу «с выражением покорности»[77]. Тем не менее жители Теджена продолжали опасаться персидских властей, о чем свидетельствует письмо Алиханова к аксакалам Теджена от 3 ноября 1881 г. Алиханов очень ловко играл на стремлениях тедженцев сохранить свою призрачную самостоятельность, заявляя, что тедженцы «свободный народ» и могут жить на своих землях и заниматься земледелием[78].

В начале 1883 г. царское командование окончательно утвердило свое влияние в Теджене. Обращение тедженцев в Ашхабад было вызвано сложившимся для них опасным положением. В Тедженском оазисе появились люди, пришедшие из Мерва с намерением занять землю «на тех местах, где сами тедженцы занимают», о чем сообщил в Ашхабад тедженский старшина. Командующий распорядился не притеснять дехкан на Теджене. Старшина Гаким-хан немедленно уведомил, что дехкане получили землю и воду. Он же добавил, что в Ашхабад выехал для продажи пшеницы караван из 5—10 верблюдов.

Однако положение в Тедженском оазисе было существенно иным, чем в Каахке, так как Теджен находился в непосредственной близости к Мерву. Поэтому тедженские старшины вели двойственную политику. Старший брат тедженского старшины ездил даже в Герат, откуда посылал сына в Кабул к эмиру Абдурахман-хану. Эти интриги не мешали тедженским старшинам обращаться в Ашхабад за помощью против персидских властей, стремившихся утвердиться на Теджене. Летом 1882 г. старшины сообщали: «Тедженцы боятся персиян и от боязни думают удаляться оттуда в ожидании приказаний со стороны вашей, надеясь на покровительство белого падишаха»[79]. В этих словах заключалось стремление тедженцев подчиниться российскому правительству.

[77] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 33. — Письмо в Тегеран русскому посланнику Зиновьеву.

[78] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 106.

[79] Фонд 1, оп. 5, д. 435, л. 35.

Таким образом, царское командование овладело ближайшими подступами к Мерву уже в 1881—1882 гг., причем занятие аулов между Ашхабадом и Тедженом произошло по желанию самого населения, искавшего защиты от нападений персидских феодалов и мервских аламанщиков. Этот вывод может встретить возражения, так как наши сведения основаны главным образом на официальных донесениях. Но вот перед нами свидетельство английского писателя Марвина, книга которого полностью посвящена доказательствам «большой угрозы» для Индии со стороны России. Тем не менее и Марвин признает, что только персидские феодалы в провинции Хоросан были недовольны умиротворением степи, персидское же правительство было радо прекращению набегов текинцев. Что касается жителей Хоросана, то «народ Хоросана в состоянии был считать себя на некоторой ступени безопасности и тишины только после взятия Геок-Тепе». Марвин отмечает, что в Лютфабаде на его глазах «жители дружелюбно встретили русских казаков, обмениваясь с ними визитами, как со старыми знакомыми»[80]. Мы вправе говорить о добровольном присоединении к России небольших оазисов, лежавших к юго-востоку от Ахал-Теке по дороге к Мерву.

Борьба с аламанством

Состояние некоторой анархии, которую, естественно, испытывало население Туркмении в годы войны, способствовало развитию аламанства, причинявшего беспокойство не только местным жителям, но и царским войскам, так как в иных случаях оно являлось своеобразной формой партизанской борьбы.

Для ликвидации аламанства вскоре же после взятия Геок-Тепе в Ахал-Текинском уезде была организована местная стража из 160 стражников (фераджиев) и четырех начальников (сардаров), выбранных жителями при ручательстве старшин. Жалованье фераджиям было установлено в 30 рублей, их начальникам, сардарам, — 50 руб. в месяц. Во главе стражников был поставлен урядник князь Маргания[81]. Среди туркмен,

[80] См. Marvin, *The Russians at Merv...*, pp. 52, 145—147.

[81] Фонд 97, оп. 1, д. 50, лл. 1, 2. — Приказ от 5 мая 1881 г. по войскам, действующим в Закаспийской области.

привыкших к постоянным путешествиям по пустыням, нашлось немалое количество желающих сделаться фераджиями. Об этом просили целые аулы, в том числе такие значительные, как Бами и Каахка. Старшины последнего селения предлагали назначить от них 40 человек конных джигитов [82].

В рапорте Скобелеву, находившемуся в Красноводске, генерал Рерберг сообщал, что «с принятием этой меры возможно будет за каждое убийство и грабеж в районе земель селения налагать денежную контрибуцию на все селение». Тем самым вводилась круговая порука тех туркменских аулов, которые были связаны с аламанством. Начальник области предложил начальнику Ахал-Текинского уезда «строжайше воспретить текинцам ездить в пределах уезда с огнестрельным оружием» [83], так как без этой меры борьба с аламанством была бесполезной. Эта мера, впрочем, преследовала и другую цель: разоружение текинцев в Ахал-Теке.

Тем не менее аламанство еще долго оставалось бедствием Туркмении. В разбоях и набегах обвинялись как туркмены, так и персидские подданные. Несколько справок по делам об аламанстве покажут нам более подробно распространенность и живучесть этого явления в годы, непосредственно следовавшие за взятием Геок-Тепе.

Например, царские власти обвиняли в разбое персидского гоклена Дие-Курбана и добивались его ареста персидскими властями. Однако персидские власти Астрабада всячески тормозили рассмотрение дела об аламанстве Курбана, несмотря на дипломатическое воздействие русской миссии в Тегеране.

Аламанство на новой русско-персидской границе настолько укоренилось, что отношения между аламанщиками по одной и другой стороне границы имели сложный характер. Если персы с ужасом повторяли страшное проклятье «чтоб тебе попасть на Атрек», т. е. в плен к туркменам, то и туркмены, жившие в Ахал-Текинском округе, попадали в плен на персидской территории «по существующему издавна между туркменами обычаю» [84]. Красноводский пристав сообщал об угоне в Персию 183 верблюдов и 16 лошадей и т. д. и т. д.

Аламанство было постоянным явлением, сопровождаясь грабежами и уводом людей для продажи в рабство на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Вся добыча распределялась поровну среди аламанщиков, а начальник (сардар) получал вдвое. Иногда в аламанах принимало участие до 1000 всадников. В начале XX в. еще живы были знаменитые аламанщики Эвез-Кули-сардар и Куль-батыр, начальник текинской пехоты при защите Геок-Тепе, сделавшийся позже помощником дурунского пристава [85].

Борьба с аламанством затруднялась тем, что Мерв, еще не присоединенный к России, служил убежищем для аламанщиков. Непрекращавшиеся набеги создавали в пустыне постоянную неуверенность жителей в безопасности своих стад, в силу чего небольшие туркменские селения между Ашхабадом и Тедженом стремились подчиниться русским властям, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту. Официальное запрещение текинцам ездить в пределах своей территории с огнестрельным оружием, естественно, только поощряло аламанство, вызвав большое недовольство туркмен. Поэтому в 1883 г. туркменам было разрешено иметь для охраны по одному ружью на 50 кибиток [86].

Военные суды жестоко преследовали аламанщиков, приговаривая их к каторжным работам. Например, в 1882 г. Анна-Сюк-Нукер-оглы был приговорен за разбой к 15 годам каторги. Но такие меры не могли, конечно, прекратить аламанства.

Образование Закаспийской области

Присоединение Ахал-Теке к России разделило Туркмению на две части: Ахал-Текинский оазис вошел в состав Российской империи, Марыйский (Мервский) оазис сохранил временную самостоятельность. Для управления присоеди-

[82] Фонд 1, оп. 2, д. 5117, л. 60; фонд 97, оп. 1, д. 69, л. 28.

[83] Там же, д. 5117, 1 л. — Записка генерал-лейтенанта Рерберга от 10 декабря 1881 г.

[84] Фонд 1, оп. 2, д. 5169, лл. 1—21.

[85] «Закаспийская область», изд. К. М. Федоров, Асхабад, 1901, стр. 26.

[86] Фонд 1, оп. 2, д. 7666, лл. 1, 2; фонд 97, оп. 1. д. 217.

ненными к России землями 6 мая 1881 г. была образована Закаспийская область. Согласно царскому указу, она создавалась «в видах упрочения спокойствия и безопасности в Закаспийской степи». По обычной формуле царизма — «признав за благо», объявлялось о присоединении к империи занятой территории туркмен текинского рода. В состав области были включены Ахал-Текинский оазис и территории, входившие в Закаспийский военный отдел вместе с Красноводском. Закаспийская область была в ведении главнокомандующего Кавказской армией. Для управления областью назначался начальник области, которому подчинялись войска, расположенные на ее территории [87].

Центр новой области помещался в ауле Асхабад (Ашхабад), где было построено укрепление. На первых порах управление областью носило исключительно военный характер: не только начальник, но и другие носители власти были по преимуществу военными. Уже в августе 1881 г. российская территория в Закаспии была разделена на два приставства и один округ. Оба приставства возникли на территории прежнего Закаспийского отдела. Мангишлакское приставство осталось в прежних границах, тогда как к прежней территории Красноводского приставства были присоединены остров Челекен вместе с другими островами Каспийского моря, Чикишляр и земли по Атреку. В особый Ахал-Текинский округ был выделен Ахал-Текинский оазис с прилегающими землями [88].

По официальным данным в Мангишлакском приставстве насчитывалось 8911 кибиток, из которых на долю туркмен приходилась всего десятая доля, т. е. 825 кибиток, тогда как остальное население приставства составляли казахи (официальные данные их называют «киргизами»). В пустынном Красноводском приставстве насчитывалось 630 кибиток. По племенному составу это приставство было самым пестрым в области; наибольшее количество жителей составляли в нем

[87] Фонд 97, оп. 1, д. 18, л. — Положение о Закаспийской области было утверждено 10 июня 1882 г.

[88] Фонд 1, оп. 2, д. 5146, л. 3. Доношение штаба войск в Закаспийском крае от 2 августа 1881 г.

кочевники номуты [89]. В зимнее время все туркмены чарва находились за Атреком; на летовье они возвращались. В Красноводском приставстве жили гоклены (в Кара-Кала и на Чандыре). В 1881 г. их насчитывалось 205 кибиток с населением в 1025 человек. Гоклены, поселившиеся у Кара-Кала, почти все были заняты хлебопашеством и только в конце ноября отправлялись в горы, где мелкими группами по 3—4 кибитки кочевали всю зиму.

В Ахал-Текинском округе насчитывалось 8107 кибиток, т. е. меньше, чем в Мангишлакском. Во всей же области находилось 17 648 кибиток. Принимая во внимание, что отношение кибиток к числу мужчин колебалось в среднем как 1:1,5 или как 1 : 2, количество мужчин в Закаспийской области можно исчислить приблизительно в 40—50 тысяч.

Впрочем, цифра кибиток, оставшихся в Ахал-Текинском округе, была неточной, как признавали и официальные документы. По сведениям 1881 г. в Ахал-Текинском округе насчитывалось 35 аулов с общим числом кибиток в 6326 и с населением в 11 852 человека мужского пола. Таким образом, число жителей Ахал-Текинского округа едва ли намного превышало 20 тыс. человек обоего пола, так как мужчин в Туркмении было в это время не меньше чем женщин.

Большинство населенных пунктов Ахал-Текинского округа представляло собой небольшие аулы. Наиболее значительным было Геок-Тепе (750 кибиток, 1439 человек). Население других пунктов измерялось такими цифрами (первая цифра — кибитки, вторая — жители): Асхабад 440, 839; Кизыл-Арват 350, 540; Безмеин 350, 702; Ясман-Салык 350, 681; Геррик-Кала 300, 640; Гокча 210, 421; Кеши 300, 604; Кочь 100, 187; Бами 110, 216; Беурма 200, 354; Арчман 200, 318; Сунча 40, 38; Мурча 20, 42; Бахарден 155, 297; Дурун 60, 93; Караган 150, 280; Келята 150, 230; Ераджи 300, 508; Нова 25, 46; Ахал 90,

[89] Фонд 97, оп. 1, д. 135, лл. 39, 40, 41, 44. — В объяснительной записке к этим данным в черновом экземпляре признавались расхождения в имевшихся сведениях. В Мангишлакском приставстве считалось 8076 кибиток «киргизов» (казахов) и 825 кибиток туркмен; в Красноводском, в ауле Гасан-Кули — 400 кибиток, племени джафарбаевцев — 200.

176; Кахтен 150, 270; Бокри 80, 183; Канджик 200, 402; Тольки-Яби 128, 230; Гумбатли 200, 349; Изганд 160, 323; Шуркала 75, 192; Келяджар 68, 141; Карджау 70, 134; Кипчак 200, 371; Багир 70, 118; Гяурс 20, 43; Ак-Тепе 150, 280; Анау 200, 387.

Быстрее других аулов развивался Ашхабад, после того как он стал центром области. Это был новый город, в котором с самого начала преобладало русское, армянское и персидское население. По словам местных властей, «торговая деятельность в нем, совершенно до того не существовавшая, начала развиваться, привлекая торговцев из разных мест, преимущественно Закавказья и Персии». В 1881 г. Ашхабад был еще только «образующимся городком». Для очистки и освещения его улиц и противопожарных мероприятий начальник области просил ввести денежный сбор с привозимых сюда товаров в размере 705 руб. в год [90].

Значение Ашхабада держалось отчасти на том, что через него шла караванная дорога из Хивы в Персию. В 1882 г. проведена была колесная дорога от Ашхабада до Кучана, благодаря чему торговый оборот Хоросана с Россией стал увеличиваться [91].

Торговля в Ашхабаде сосредоточивалась в руках армян и персов. В одном официальном документе 1883 г. дается любопытная характеристика торгового населения Ашхабада: «Здесь же в Асхабаде, уже не говорю, что нет ни одного торговца, который бы водворился здесь на постоянное место жительства, но совершенно мало таких, которые бы имели собственную оседлость: все они из разных городов Закавказья и Дагестана, торгуют за самым небольшим исключением в наемных лавках и торгуют временно, перенося свою торговлю с одного места на другое в уезде, в большинстве случаев прекращая торговлю по распродаже первого же транспорта привезенных товаров» [92].

[90] Фонд 97, оп. 1, д. 210, лл. 6, 14.

[91] «Новая история стран зарубежного Востока», т. II, под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова, изд. МГУ, 1952, стр. 329.

[92] Фонд 1, оп. 2, д. 580, л. 3.

Часть приезжих торговцев стала оседать в Ашхабаде на постоянное жительство и в нем образовались особые кварталы, населенные армянами и персами. Осенью 1881 г. в армянском квартале насчитывалось 52 торговца, в персидском — 47. В 1883 г. армяне просили разрешения выбрать из числа торговцев старшину. Торговля носила типично хищнический характер, и начальник Ахал-Текинского округа хлопотал о разрешении ему нанять еще одного базарного надсмотрщика, «ввиду интересов текинцев для ограждения их от постоянной эксплуатации персиянами» [93]. Наравне с русским рублем хождение имели персидские краны (около 40 коп.). Русские бумажные деньги ценились высоко и котировались с надбавкой в 2—3 коп. на рубль.

О характере ашхабадской торговли в первые же годы после присоединения дают представление следующие цифры. В 1883 г. в Ашхабад было доставлено разных товаров: на 14 тыс. руб. мануфактуры, на 4 тыс.—галантереи, на 1 тыс. — бакалеи, на 22 тыс. — вина, 4,5 тыс. — мерлушек из Хивы, почти на 5 тыс. — верблюдов, ослов, лошадей и т. д. Общая стоимость привоза товаров в Ашхабад измерялась в сумме 54 736 руб. Из Ашхабада в Персию было вывезено на 10 тыс. руб. (на 6 тыс. мануфактуры и на 4 тыс. «фотогена» — керосина) [94].

Эти цифры характерны для ашхабадской торговли. В общей сумме привоза наибольшая цифра приходится на вино, хотя уже заметен и рост привоза мануфактуры. Пока еще

[93] Фонд 97, оп. 1, д. 210, лл. 2—4. — В сентябре 1881 г. в армянском квартале насчитывалось 19 торговцев первого разряда, 16 — второго, 17 — третьего. В персидском квартале жило 14 торговцев первого разряда, 21 — второго и 12 — третьего. Первый разряд был обложен в 12, второй в 6, третий в 3 рубля. Общая сумма с торгующих должна была равняться 705 руб. в год.

[94] Фонд 1, оп. 5, д. 620, лл. 73, 104. — Вот более полный список товаров, привезенных в Ашхабад в декабре 1883 г. с западного берега Каспийского моря: мануфактуры на 14 тыс. руб., галантереи — 4 тыс. руб., бакалеи — 1 тыс. руб., вина — 22 тыс., «фотогена» — 900 руб., из Хивы мерлушек — 4584 руб., крупы сорочинской (риса) 696 руб., кайсы — 1156 руб., бешметов — 1500 руб., верблюдов, ослов, лошадей — 4900 руб.; всего на 54 736 руб.

российский капитал оборачивался в Туркмении медленно, при посредстве мелких торговых дельцов.

Товары в Ашхабад доставлялись на арбах и верблюдах. Вот приблизительная запись привоза товаров в Ашхабад в январе 1882 г.: 12 января прибыли 16 арб с бакалеей и мануфактурой на 1000 руб.; 21 января — 20 арб с мануфактурой на 1500 руб.; 23 января — 200 голов скота из Мерва; 25 января — 12 арб из Красноводска с бакалеей на 700 руб.; 26 января — 3 фургона из Красноводска с бакалеей на 700 руб. и 180 голов рогатого скота из Мерва стоимостью в 1800 руб., 100 верблюдов из Астрахани с товарами на 5000 руб.; 29 января 30 верблюдов из Красноводска доставили рыбу, икру и коровье масло общей стоимостью в 1500 руб. Кроме того, на ашхабадский базар ежедневно доставлялось на 150 руб. разных съестных припасов из Персии: коровье масло, куры, рыба, сыр, яйца, ячмень. Привозились также дрова и сено. В мае 1882 г. из Баку было доставлено товаров на 5850 руб. (галантерея, зельтерская вода и пр.), а также пригнан скот из Мерва [95].

К этому времени стала налаживаться караванная связь между Красноводском и Хивой. Инициатива использования этого пути принадлежит хивинцу Нияз-Мамед-Бабаеву, принявшему русское подданство. Он сообщал, что «в короткое время успел отправить через Красноводск караван с разными товарами около 700 верблюдов». Нияз-Мамед торговал на Нижегородской ярмарке, где продавал до 10 000 пудов хлопка по 10 руб. 50 коп. за пуд, а «вследствие задержки» (Нияз-Мамед жаловался на преследования хивинского хана, будто бы захватившего его имущество в Хиве) продал лишь по 10 руб. Нияз-Мамед отмечал также, что он был главным поставщиком верблюдов для Ахал-Текинской экспедиции [96].

Развитию торговли препятствовали действия хивинских властей. Сбор пошлин («зякета») с торговцев Закаспийской области на хивинских таможенных постах сопровождался обычными для среднеазиатских порядков злоупотреблениями. Хивинский хан требовал, чтобы «туземные купцы русского подданства» при поездках в ханство снабжались письменными документами, что стесняло свободу торговых сделок и передвижений [97].

[95] Фонд 1, оп. 5, д. 620.

[96] Фонд 1, оп. 2, д. 2928, лл. 2—3.

Отрицательную роль в расширении торговых связей играли также персидские пограничные власти. В августе 1882 г. десять торговцев из Мерва пригнали в Серахс 2900 баранов, купленных в Персии для продажи в Ашхабаде. Но персидский Баба-хан с восемью конными стражниками насильно погнал баранов в Мешхед [98]. Персидская пограничная администрация часто вмешивалась в торговлю туркменских селений с Ашхабадом. Запрещение персидских властей привозить муку в Ашхабад вызвало повышение цен с 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 60 коп. на пуд [99].

Одновременно Красноводск развивался как портовый город, имевший типично колониальный облик. Занятие Ахал-Текинского оазиса обеспечило установление караванного пути из Красноводска в Хиву. Вскоре после занятия Ахал-Текинского оазиса Бакинская казенная палата уже сообщала в управление Кавказским наместничеством о необходимости введения в Красноводске и Чикишляре торгового положения, а также питейных сборов и акциза на табак. Соглашаясь с этим предложением, штаб Закаспийской области предлагал ограничиться только Красноводском и Чикишляром, так как сборы явились бы тяжелым бременем для туркмен в других пунктах Закаспийской области, где торговля еще находилась в зародыше [100].

В 1883 г. при укреплениях Асхабада, Геок-Тепе, Бами и Кизыл-Арвата были организованы слободские управления (на основании положения об управлении слободками, образовавшимися при крепостях, управлениях, штаб-квартирах раз-

[97] Фонд 17, оп. 1, д. 19, л. 18, 30 марта 1883 г.

[98] Фонд 1, оп. 2, д. 580.

[99] Фонд 1, оп. 2, д. 8299, л. 1.

[100] Фонд 97, оп. 2, д. 127, лл. 2, 5 (по старой нумерации д. 4119).— О введении в Закаспийской области торгового положения 1881—1882 гг.

ных частей войск Кавказской армии, утвержденного в 1861 г.) [101].

Интересное описание условий развития торговли, сложившихся к концу 1882 г., находим в сообщении русского консула в Астрабаде. Он сообщал 1 октября 1882 г., что через Закаспийскую область идут транзитные товары, не подвергающиеся обложению, а в Гязском и Мешедсарском районах увеличился приток привозимых на рейды российских произведений.

Были, впрочем, и противоположные высказывания о торговых возможностях городов Закаспийской области. В записке чиновника областного штаба отмечалось, что сразу после открытия Закаспийской железной дороги возлагалось много надежд на развитие торговли в крае, но они не оправдались. Караваны с русскими и европейскими товарами по-прежнему шли из Гяза (морская станция Ашур-Аде) через Шахруд в Мешхед. Несколько купцов из Хоросана, прошедшие по Ахал-Текинскому пути, признали его достоинства, но продолжали пользоваться путем через Гяз. Крупные капиталисты в Хоросане вели торговлю европейскими и русскими товарами, тогда как исключительно русским товаром торгуют мелкие капиталисты. Записка предлагала везти товары в Красноводск, затем в Михайловский залив, оттуда по железной дороге до Кизыл-Арвата и колесным путем через Геок-Тепе в Персию. В Геок-Тепе находился караван-сарай, в 25 верстах от Ашхабада в Гавдене чиновники кучанского хана (Персия) брали уже самовольные поборы [102].

«Военно-народное управление»

Управление краем долгое время носило военно-чиновничий характер. Верхушку населения составляли офицеры гарнизонов и чиновники. Нередко это были увековеченные Салтыковым-Щедриным «господа ташкентцы», тесно связанные с военным командованием в присоединенном крае.

По отношению к туркменам даже положение об управлении Закаспийской областью 1890 г. допускало применение

[101] Фонд 1, оп. 2, д. 4131. — Проект об управлении слободками, 1882—1883 гг.

[102] Фонд 1, оп. 2, д. 6699, лл. 6—9 (1882—1884 гг.).

административного ареста длительностью до трех месяцев. Царская администрация имела широкие полномочия. Так, с 1883 г. воинские начальники Закаспийской области получили право исполнять воинские обязанности «как в отношении жителей поселений, образовавшихся при штаб-квартирах, укреплениях и военных постах, так и в отношении прилегающих аулов и кочевьев местного туркменского населения». Командование стремилось опереться на местных старшин, которые пользовались большой властью в аулах и порой хозяйничали там почти бесконтрольно.

«Военно-народное управление», как именовалась в официальных царских документах система правления в Закаспийской области, оставляло нетронутым правовые нормы туркмен во всей их первобытности, прибавив к ним нормы самодержавной России.

Вскоре же после занятия Ашхабада (в 1882 г.) был создан «Народный» окружной суд в Ахал-Текинском округе, организованный командующим войсками генералом Рербергом «собственною властию». Суд состоял из аульных судей в количестве четырех членов при участии казия аула Асхабада «для указаний правил шариата» [103]. Председателем суда являлся сам начальник области. Тогда же были учреждены волостные суды в уезде. Доклад об учреждении народных судов в Ахал-Текинском уезде предусматривал избрание в волостной съезд судей по одному выборному от каждых 50 кибиток [104].

Начальник Ахал-Текинского уезда полковник Невтонов составил временные правила для аульных судей, передав на их разрешение следующие дела: иски размером до 100 руб., обвинения туркмен в нарушении тишины и спокойствия, в краже верблюдов, в буйстве и драке, в ругательствах и клевете, обманах и мошенничестве. Суд также разбирал распри между супругами, жалобы родителей, жалобы на опеку и пр. [105]. По

[103] Фонд 1 (по старой нумерации), оп. 2, д. 5171 (1882 г.). — Рапорт начальника Ахал-Текинского округа.

[104] Там же, д. 4148. — Проект об учреждении судов в Ахал-Текинском уезде от 13 ноября 1882 г. (по старой нумерации).

[105] «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Народные суды Туркестанского края», СПб., 1910, стр. 182—183.

этим правилам аульный суд должен был решать дела «по своему народному адату, но наказания определять не по адату», т. е. приговаривать к денежным штрафам (на суммы не выше 3 руб.) и арестам (на сроки не более 7 дней).

Новые порядки нередко шли вразрез с практикой туркменских родов, и царским властям приходилось разрешать вопросы, связанные с брачным правом и уплатой калыма. Приведем два характерных примера. Жена одного текинца Анна Бике жаловалась, что ее отец, живший в Нохуре, требует с ее мужа 40 туманов за калым. Между тем еще 12 лет назад, не желая идти замуж за малолетнего Курбан-Салгата, она ушла из отцовского дома и по своей воле вышла замуж за арчманца Имам-Кули. Через 10 лет после заключения брака с Имамом-Кули, в 1882 г., нохурцы стали требовать ее выдачи подросшему Курбан-Салгату, несмотря на то, что она уже имела двух детей. Начальник области генерал Ревберг оставил Анну Бике у мужа без уплаты калыма [106]. Другой аналогичный случай произошел в 1882 г.; жена Каракалинского жителя вышла замуж за другого и не пожелала вернуться к мужу, что было санкционировано начальником области [107].

Сложным являлся вопрос о податях, которые должны были платить туркмены. Заведующий поселениями Ахал-Текинского уезда полковник Навроцкий предлагал обложить иомутов (атабаевцев и джафарбаевцев) ежегодной податью в 6 руб. с отчислением 2 руб. в земский сбор, а также разрешить им избрать по 100 вооруженных человек для защиты от аламанщиков [108]. С туркмен, живущих на островах Челекен и Огурчинском, предлагалось взимать подать в 6 руб. с кибитки, а с туркмен, кочевавших от Кара-Бугаза до Красноводска, ввиду их бедности — по 2 руб. [109].

В 1882 г. туркмены Красноводского приставства, за исключением одного рода, были обложены кибиточной податью по 6 руб. с кибитки. В Ашхабадском уезде в том же 1882 г. был обложен податями только Нохур, тогда как остальное население уезда было временно освобождено от податей, как совершенно разоренное войной [110].

[106] Фонд 1, оп. 2, д. 3004, лл. 1—4.
[107] Фонд 1, оп. 2, д. 2933, л. 4.
[108] Фонд 97, оп. 1, д. 135, л. 21.
[109] Фонд 97, оп. 1, д. 71, л. 1.

Ахал-Текинский оазис в первые годы его присоединения к России

Присоединение Ахал-Текинского оазиса к России имело громадные последствия для его экономики. Степные и пустынные районы продолжали еще многие годы сохранять свой прежний характер обширных территорий, слабо связанных с остальным миром, но оседлые районы быстро втягивались в орбиту развивавшегося в России капитализма.

Важнейшее значение для развития края имела постройка Закаспийской железной дороги. Дорога начала строиться еще до завоевания Ахал-Текинского оазиса, первое время, как мы видели, в военных целях. Распоряжение о постройке дороги было дано 25 ноября 1880 г. Участок от Михайловского залива до Кизыл-Арвата протяжением в 217 верст строился в 1880—1881 гг. Движение до Кизыл-Арвата было открыто 20 сентября 1881 г. [111]. Прокладка Закаспийской железной дороги была крупнейшим событием в экономической жизни Туркмении; это был кратчайший и удобнейший путь к Каспийскому морю, на Кавказ и в Астрахань. Английские консулы в Персии подчеркивали «блестящую будущность, которая ожидает торговлю со Средней Азией» после создания Закаспийской железной дороги.

В 1881 г. были приняты меры к улучшению сухопутной связи между Кизыл-Арватом и Ашхабадом. Жители Ахал-Текинского округа «изъявили готовность исправлять безвозмездно» дорогу на указанном участке для колесной езды и для караванов. Возможно, это было сделано не без давления со стороны военных властей [112], но являлось новшеством в Туркмении,

[110] «Отчет... гр. К. К. Паленом. Налоги и пошлины», СПб., 1910, стр. 198.
[111] Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге [б. г. б. м.]. Руководителем работ был генерал М. Н. Анненков. К 1 января 1881 г. дорога была доведена до Бала-Ишема, к 25 апреля — до Ахча-Куймы, к 1 сентября — до Кизыл-Арвата. От Кизыл-Арвата до Чарджуя дорога сооружалась в 1885—1887 гг., а в 1888 г. она была доведена до Самарканда.
[112] Фонд 97, оп. 1, д. 124, л. 3.

где мало заботились о поддержании дорог в хорошем состоянии.

Громадное значение для Туркмении имело внедрение в сельское хозяйство новых сортов растений, в первую очередь хлопка. Уже в 1881 г. предприниматель И. Г. Хачатуров просил об отводе ему между Кизыл-Арватом и Анау в виде опыта одной десятины для разведения хлопка, шелковицы и индиго, а в случае удачи просил отвести участок не менее чем в 150 десятин. Просьба Хачатурова не была удовлетворена по неизвестной причине.

Вопрос о развитии хлопководства в Туркмении был заново поставлен в 1882—1883 гг., что видно из переписки известного фабриканта Тимофея Саввича Морозова с вице-директором Азиатского департамента. Морозов сообщал, что в 1882 г. «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова» отправило управляющему Закаспийской железной дороги несколько мешков семян хлопка для посева в Закаспийской области. Опыт оказался удачным. Директор товарищества Назаров писал в марте 1883 г., что он посылает для безвозмездной раздачи в Закаспийской области и Мерве 300 пудов хлопковых семян при помощи доверенного фирмы Коншина в Ашхабаде. Таким образом, два крупнейших текстильных предприятия тогдашней России — Морозовых и Коншиных обратили непосредственное внимание на Туркмению как район будущего хлопководства. В 1887 г. в Ахал-Текинском уезде уже раздавалось по 10 пудов хлопковых семян на кибитку для посевов.

Крупное значение имело возобновление в Ахал-Теке ирригационных работ. Военные разрушения сказались на оросительной сети территорий, занятых войсками, в силу чего и русские власти вынуждены были выдавать местному населению ссуды на поправку подземных колодцев (кяризов) и просто на хозяйственные нужды. Например, асхабадский староста Кушили-бек уже 30 июня 1881 г. обратился с просьбой к управляющему населением Ахал-Текинского уезда выдать ему для хозяйственных нужд ссуду в 100 руб. В апреле 1882 г. была дана ссуда в размере 320 руб. аулу Келят на исправление кяриза и т. д.

Вскоре же после присоединения Ахал-Теке к России в Туркмении были начаты геодезические и геологические изыскания. В Малых Балханах изучались месторождения минеральных красок [113].

Наконец, самым крупным и положительным явлением, связанным с присоединением Ахал-Теке к России, была отмена работорговли на всей территории, занятой русскими войсками. Этот пережиток далекого прошлого, уцелевший в Туркмении до конца XIX в., тяготел над ее населением как страшное проклятие. Рабство принимало ужасающие формы самой бессовестной эксплуатации человека человеком. Но здесь историк должен отступить в сторону и дать место более живому изложению. Об ужасах рабства лучше всего рассказывают замечательные романы «Рабы» и «Дохунда» таджикского писателя Садреддина Айни, в которых он показал плачевную участь рабов и бедняков в Средней Азии XIX в.

Отмена рабства была большим достижением, которое скоро стало ощущаться самими туркменами, тем более что в соседних странах (Афганистане и Персии) рабство сохранялось. Уже в 1883 г. «от текинцев Ахала, каррыкалинцев и от иомутов стали поступать частые просьбы о возвращении из Персии тех туркмен, которые были взяты в плен и обращены в рабство». Список пленных текинцев, находившихся в Персии, вновь был направлен русскому посольству в Тегеране [114], но персидские рабовладельцы все-таки удержали в своих руках значительное количество туркмен, в первую очередь детей и женщин. Вопрос о возвращении из Персии пленных туркмен был заново поднят уже после присоединения Мерва, когда персидские пленные возвратились из Туркмении на родину [115].

---

[113] Фонд 1, оп. 1, д. 12, лл. 4—5, 17 февраля 1883 г.
[114] Фонд 1, оп. 2, д. 2970, лл. 8—9, апрель 1883 г.
[115] Фонд 1, оп. 2, д. 2970, л. 2.

Глава III

ПОДГОТОВКА ПРИСОЕДИНЕНИЯ МЕРВА (МАРЫ) К РОССИИ

Сношения царского командования с Мервом после занятия Ахал-Теке

После занятия Каахки и Душака царскими войсками временной границей между Ахал-Текинским оазисом и Мары (Мервом) сделалась река Теджен. Она протекала в центре самостоятельного оазиса и не могла служить естественной границей. Теперь Мервский (Марыйский) оазис отделял от русских передовых постов лишь небольшой участок пустыни.

Вопрос о дальнейшей судьбе Мерва имел громадное значение, так как занятие этого города афганскими или персидскими войсками поставило бы со стратегической точки зрения под угрозу южную границу Российской империи. Следует учесть и то, что среди туркменской верхушки в Мерве существовала сильная группировка, стремившаяся к соглашению с Россией.

Сношения царского командования в Ашхабаде с Мервом приняли оживленный характер уже весной 1881 г. В марте в Ашхабаде были получены письма некоторых мервских старшин, в том числе Ходжа-Кули-хана (брата Коушут-хана), вдовы Нур-Верды-хана Гюль Джамал и ее малолетнего сына Юсуф-хана. Сводный брат Юсуф-хана, Махтум-Кули-хан, сражавшийся против русских и бежавший после падения Геок-Тепе в Мерв, также написал письмо в Ашхабад, обещая приехать в Мерв с текинцами. Ходжа-Кули-хан сообщал впоследствии, что отправил к приехавшему в Дерегез генералу Скобелеву Ак-Мурад-Бахадыра с письмом; в то время, по его словам, Скобелев «изволил приказать нам поехать в Мерв, и мы по приказанию генерала поехали в Мерв, где пробыли целый месяц, затем вернулись вместе с Ак-Мурад-Бахадыром в Теджен»[1]. К Скобелеву обращался с предложением услуг (при условии прощения Махтум-Кули-хана) и предводитель аламанщиков Азис-сардар из колена тохтамыш (род Векиль).

Услуги царскому командованию предлагал и Каджар-хан, писавший из Мерва в Ашхабад, что он держит под стражей англичанина (О'Донована) и хочет мира с русскими. Впрочем, Каджар-хан откровенно требовал присылки ему денег на том основании, что будто бы «мервский народ можно склонить на мир только деньгами»[2].

Положение сторонников присоединения Марыйского оазиса к России в Мерве в первые месяцы после взятия Геок-Тепе было очень тревожным, так как в Мерве царило большое возбуждение, подогреваемое беженцами из Ахал-Теке. «Мирная партия» в Мерве, по сведениям русского командования, предполагала даже выселиться в другое место. Количество кибиток, предполагавших переселиться, измерялось в 10 тыс., т. е. равнялось четвертой части всех кибиток, насчитывавшихся в Мервском оазисе. В июле 1881 г. в Ашхабад прибыли четыре аксакала племени векиль. Двое из них — прежние жители Ахала — желали переселиться в Ахал-Текинский округ с 10 тыс. кибиток, двое других хотели перебраться на Атек. По их сведениям из 40 тыс. кибиток в Мерве около 30 тыс. были враждебны царским войскам и ожидали вторжения.

Такие же сведения поступали от русского канонира Кидяева, попавшего в плен к туркменам Мерва и сблизившегося с ними. Кидяев писал, что его принимают за большого человека, в силу чего «английский посланник», якобы, требовал его выдачи, чтобы отправить в Кабул, где находился английский отряд. «Продайте мне пленника из Мерва, — будто бы говорил этот посланник, — он узнал все, как свои персты». По соображениям Кидяева, в это время в Мерве имелось 30 орудий, но не было снарядов и припасов, которые обещал дать «английский посланник». «Английским посланником»

---

[1] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 52. — Записка о сношениях с Мервом, 1881—1883 гг.

[2] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, 4, стр. 97.

был О'Донован, пробравшийся в Мерв после взятия Геок-Тепе [3].

Наиболее видным сторонником «мирной партии» в Мерве был Махтум-Кули-хан, считавший целесообразным заключение соглашения с Россией. Он учитывал вместе с тем, что пока еще не все жители Мерва разделяют его позицию, и писал генералу Рербергу в июле 1881 г.: «Если Вашему превосходительству угодно узнать о положении текинцев, то могу сообщить Вам, что дела их двигаются вперед. Собираюсь приехать к вам, но меня не пускают, да это хорошо, я и здесь больше пользы принесу Вам. Текинцы похожи на диких баранов и на куланов, с ними надо поступить как следует хорошо и постепенно направить их на путь истинный». Ту же мысль Махтум-Кули-хан и его сводный брат Мамед-Юсуф-хан повторили в письме к старшине Сеид-Назар-юзбаши в Каахку: «Текинцы теперь убедились, что, кроме русских, они ни с кем не сойдутся» [4].

Сильнейшим аргументом в пользу присоединения Мерва к России были постоянные и неразрывные связи важнейших частей Туркмении — Ахал-Теке и Мары (Мерва). Поэтому то в Ашхабаде, то в Мерве появлялись делегации «почетных ахальцев» и «почетных мервцев», а в августе 1881 г. Тыкма-сардар уже сообщал, что отправляет из Мерва в Ашхабад всех бежавших ахальцев. Царское командование считало возможным «дать мервцам избрать четырех ханов с разбором споров в Ашхабаде или с посылкой в Мерв русского уполномоченного» [5]. Таким образом, предполагалось подчинить Мерв царскому правительству, но оставить нетронутым его внутренний строй, подобно тому как это было сделано в Бухаре и Хиве, владетели которых стали вассалами русского царя, оставаясь самодержавными властителями по отношению к своим подданным.

[3] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 3. — В этом деле имеется подлинное письмо Кидяева. В числе сторонников присоединения к России Кидяев указывал: Аман-Гельды-хана, Аман-Мурат-бая, Хаит-Сары-бека, Нур-Эсен-хоза.

[4] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 44.

[5] Там же, л. 154.

Летом 1881 г. генерал Рерберг отправил в Мерв «почетных ахальцев», вернувшихся в Ашхабад в сопровождении делегации «почетных мервцев». Мервская делегация состояла из 108 человек. Колено отамыш представлял Майли-хан, именуемый также Ораз-Нияз-ханом; во главе делегации колена тохтамыш стоял Кара-Кули-хан. Царские власти раздали делегатам почетные халаты и потребовали прекратить аламанство. Предъявление этого требования вызвало недовольство мервских старшин, фактических предводителей аламанщиков. Никакого письменного договора между ними и представителями России не было заключено, так как царское командование считало, что «мнительные туркмены и вообще азиатские народы не охотники до письменных обязательств» [6]. Таким образом, был упущен благоприятный момент для заключения договора с Мервом, что облегчило английским агентам их пропаганду за подчинение Мервского оазиса Англии.

В сентябре 1881 г. в Ашхабад прибыла из Мерва новая депутация. Она состояла из 24 старшин отамышцев, родов сичмаз и даш-аяк вместе со 110 мервцами [7]. В октябре из Мерва приехали в Ашхабад старшины Карахан-бек и Анна-Мурад-бек с изъявлением покорности русскому правительству племени векиль, составлявшего четвертую часть населения Мервского оазиса. Генерал Рерберг заключил с ними «письменное условие», скрепленное присягой делегатов на коране [8].

В октябре — ноябре 1881 г. русское командование в Ашхабаде достигло еще больших успехов и стояло накануне полного подчинения мервских туркмен России. В клятвенном обещании, заключенном 16 ноября 1881 г. в Ашхабаде, прибывшие из Мерва старшины приняли такие обязательства:

1) «Никогда и ни под каким предлогом не поднимать ору-

[6] Фонд 97, оп. 1, д. 70 (О заключении с мервцами политических договоров, 1881—1882 гг.). — Текст условий опубликован в кн.: «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1882—1885 гг.». СПб., 1886, ч. I, стр. 12—14 (далее — «Афганское разграничение»). В состав делегации, кроме Майли-хана и Кара-Кули-хана, входили от колена отамыш 14 кетхудов (старшин) и 34 почетных жителя, от колена тохтамыш — 23 кетхуда и 34 почетных жителя.

[7] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 74.

[8] Фонд 97, оп. 1, д. 70, л. 24.

жия против русских и во всем слушаться приказаний и советов русских начальников, поставленных государем императором всероссийским над туркменскими народами.

2) Прекратить навсегда разбой и грабежи как проходящих через Мерв и другие земли караванов, так и жителей соседних туркменских и других стран, а также персидских земель. В случае же учинения кем-либо из нашего племени разбоев обязываемся подвергать виновных наказаниям по шариату и возвращать потерпевшему все награбленное имущество, а при невозможности этого исполнить возмещать потерпевшим стоимость награбленного. В этих случаях обязываемся безусловно выполнять решение русских властей.

3) Прекратить навсегда торговлю невольниками.

4) Принимать с должным почетом лиц, которые, по временам, будут посылаться в Мерв от русских властей и посылать от себя, по временам, особых посланцев к начальнику Закаспийской области.

5) Давать охрану русским торговым караванам, а также караванам других соседних народов, проходящим через Мерв в Хиву, Бухару и Персию, за установленную плату; кроме того, допускается взимание существующего по обычаю сбора с караванов. Размер этого сбора, а также плата за охрану караванов определяется по соглашению с начальником Закаспийской области».

Важным был пункт 6, по которому мервцы обещали: «Кроме русских посланцев, не допускать в свои земли агентов от других правительств».

Пункт 7 говорил об обязанности «давать лошадей с провожатыми за установленную плату для курьеров, которые будут посылаться от русских начальников в Закаспийской области в Хиву, Бухару, Ташкент и другие места».

В свою очередь русское правительство обещало:

«1) Не нарушать ни религии, ни обычаев, ни порядка управления, ныне в Мерве существующих.

2) Не назначать в Мерв особых русских начальников.

3) Не налагать на мервцев никаких податей.

4) Оказывать мервским туркменам в русских пределах то же покровительство, которое со стороны русского правительства оказывается подданным бухарского эмира и хивинского хана»[9].

Под обязательством подписались «уполномоченные» от находившихся в Мерве текке-туркмен. От имени русского командования обязательство подписал начальник штаба полковник Аминов. Впоследствии пункты этого клятвенного обязательства легли в основу условий присоединения Мерва к России.

Царские власти особенно стремились разъяснить, что не будут вмешиваться в духовную жизнь мервских туркмен и их обычаи. На этом настаивало и Министерство иностранных дел. В шифрованной телеграмме генералу Рербергу предлагалось сообщить туркменам Мерва, что «правительство наше обязуется не нарушать ни религии, ни обычаев порядка управления, существующего у туркмен, не назначать в Мерве властей своих, не налагать на них никаких податей и оказывать туркменам в русских пределах то же покровительство, которое оказывается подчиненным Бухарского эмира и Хивинского хана»[10]. Последний пункт условий и телеграмма Министерства иностранных дел подтверждают соображение, что будущее устройство Мервского оазиса мыслилось царскому правительству, как установление в Мерве порядков, подобных установленным в Бухаре и Хиве после их подчинения России: вассальная зависимость Мерва от России и сохранение старых внутренних порядков[11].

Министерство иностранных дел требовало, чтобы условия соглашения России с Мервом были заключены «с каждым

---

[9] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 1—2 (копия машинописью, сделанная очень неточно). В Архиве хранятся и варианты обещания (см. по старой нумерации д. 5138, — Клятвенное обещание 13 октября 1881 г.).

[10] См. П. Арбеков, *Захват Мерва*, — «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 48. — Характерно, что в сентябре 1881 г. министр иностранных дел, сообщая пункты письменных условий соглашения с Мервом, предлагал требовать от ханов, чтобы они выражали благодарность императорскому правительству и послали в подарок царскому двору несколько кровных туркменских лошадей.

[11] Этот факт почему-то до сих пор не отмечен в нашей исторической литературе, хотя он интересен для суждения о тактике, применявшейся царизмом в Средней Азии.

представителем рода письменно и скреплены печатями ханов», что и было выполнено начальником штаба войск Закаспийской области Аминовым [12]. Представители туркмен охотно шли на это, и в делах Закаспийской области имеются такие договоры со множеством печатей. Они никого не обязывали и так же легко заключались, как и разрывались по мере надобности. «Подобные документы, — читаем в записке, адресованной в Главный штаб из Ашхабада, — вообще имеют мало значения, далеко не выражают мнения или желания не только мервского народа, но даже отдельного рода, племени или отделения и вообще легко приобретаются» [13].

Царское командование в Ашхабаде на основании таких договоров добивалось хотя бы формального включения Мерва в состав империи. Но вопрос о Мервском оазисе был неразрывно связан с вопросом о его южных границах, что затрагивало агрессивные планы британского империализма. Поэтому действия командования непрерывно контролировались Министерством иностранных дел, стремившимся избежать опасных пограничных конфликтов.

Следует учесть, что Министерство иностранных дел было слабо осведомлено о действительном положении дел в Туркмении, пользуясь лишь сведениями штаба Кавказской армии. Однако на Кавказе плохо знали о положении в Туркмении после занятия Ахал-Текинского оазиса. Об этом свидетельствует запрос Кавказского военного округа, посланный в Ашхабад «О собрании возможно полных и обстоятельных сведений об Ахал-Текинском оазисе». В числе интересовавших штаб округа вопросов были и следующие: 7) Давно ли живут ахал-текинцы на своих местах, а также, когда частью из них был занят Мервский оазис; 8) Возможно подробные сведения о Мервском оазисе и путях, ведущих к нему; 9) Отношение ахал-текинцев к мервцам, Афганистану и Персидскому Курдистану; 14) Отношение текинцев за последние 10—12 лет к их соседям, Бухаре, Афганистану (Герату) и Персии; главнейшие военные действия и набеги текинцев в прежнее время; 15) Откуда текинцы снабжались оружием, порохом и вообще военным материалом; 17) Есть ли экономическая зависимость Ахал-Текинского оазиса от Персидского Курдистана и Северо-Восточного Хоросана и чем таковая выражается [14].

[12] См. П. Арбеков, *Захват Мерва*, — «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 49.

[13] Фонд 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15.

Из этих вопросов видно, что военные власти недостаточно ясно понимали, что между текинцами Мерва и Ахал-Теке существует неразрывная связь и что они были частью одного народа.

В июне 1881 г. генерал Рерберг, впрочем, получил отношение из штаба Кавказского военного округа, в котором признавалось «желательным более тесное сближение с Мервом» и предлагалось сообщить «возможно полные предположения Ваши по сему предмету». Однако сношения с Мервом нельзя было производить на расстоянии и руководство ими фактически было сосредоточено в руках командующего войсками в Ашхабаде, который должен был учитывать указания Министерства иностранных дел в связи с большим международным значением мервского вопроса. Отсюда проистекали те непрерывные колебания в правительственных кругах России, которые ярко отражались и в действиях царского командования в Средней Азии: то стремительное движение Скобелева, то медленные и осторожные переговоры Рерберга со старшинами Мерва и Теджена.

Мерв и соседние страны

Махтум-Кули-хан отмечал, что «прежде Ахал-Текинский оазис и жившие в Мерве племена векиль подчинялись нам, и мы жили на два дома, т. е. в Ахале и Мерве» [15].

Мервский (Марыйский) оазис, отделенный от соседних областей обширными степями и пустынями, занимал несколько обособленное положение среди других среднеазиатских территорий. Он нередко подвергался вторжениям войск соседних стран. Было ясно, что самостоятельное существование Мерва среди окружавших его больших государств невозможно. И не случайно среди мервских туркмен тотчас же после взятия Геок-Тепе обсуждался вопрос о будущей судьбе Мер-

[14] Фонд 97, оп. 1, д. 260, лл. 2—3, 30 апреля 1881 г.

[15] Фонд 1, оп. 1, д. 5160 (по старой нумерации).

ва. Речь могла идти только о подчинении какому-нибудь одному из трех государств: России, Англии или Персии. Это прекрасно понимали политические руководители Мерва. В письме мервских старшин к почетным лицам Ахал-Теке, написанном вскоре после взятия Геок-Тепе, читаем следующие весьма интересные строки: «Из Англии прибыл к нам англичанин и из Персии персиянин, с этим персиянином несколько мервцев уехало в Мешхед. Мы ни с какими державами не имеем вражды, день и ночь мы думаем о жалком положении ахальцев и не знаем, что с ними будет... Мы между этими тремя государствами [16], в недоумении, которое из них примет наше подданство, мы будем ему верноподданными» [17]. В зависимости от политической ориентации (на Россию, Англию или Персию) текинцы разделились на три части [18]. Бóльшая часть мервских старшин стремилась к соглашению с Россией, что впоследствии подтвердилось быстрым переходом некоторых мервских ханов на сторону России. Что касается широких кругов населения Мервского оазиса, то они (даже по документам царского командования) видели в присоединении к России выход из состояния анархии и угнетения со стороны туркменской верхушки.

Сношения Мерва с Персией

Непосредственным соседом Мервского оазиса была Персия, несколько раз в прошлом захватывавшая отдельные районы Туркмении. Еще в 1776 г. туркмены Ахал-Теке вели переговоры с Персией, соглашаясь признать покровительство шаха под условием получения от Персии 6 тыс. туманов в год на содержание фераджиев [19]. Но попытка персидского правительства насильственным путем утвердиться в Мерве кончилась для него военным разгромом, о котором долго помнили в Средней Азии и который окружал текинцев Мервского оазиса ореолом непобедимости: во время экспедиции 1860 г. против Мерва персидское войско (13 тыс. пехотинцев и 10 тыс. кавалеристов с 33 орудиями) было разбито мервцами. Большинство персидских пехотинцев попало в плен и только часть кавалерии спаслась бегством. После этого цена персидского раба на рынках Бухары и Хивы снизилась до 7 руб. с полтиной [20]. Пушки, захваченные у персов, долгое время стояли в крепости Мерва, как трофеи победы над завоевателями [21].

Пользуясь временным состоянием анархии, наступившей после взятия Геок-Тепе в пограничной полосе, персидские власти пытались расширить свои владения за счет небольших оазисов в районе Теджена и Мургаба. Персидский наместник Хоросана не только предпринимал попытки занять Каахку, Серахс и другие пограничные пункты, но и вел переговоры с некоторыми мервскими старшинами, приглашая их принять персидское подданство.

Особенно интенсивно развивались сношения Мерва с Персией в первые месяцы после падения Геок-Тепе. Представитель персидских властей в июне 1881 г. ездил в Мерв и вернулся в Мешхед вместе с 40 мервскими старшинами. Здесь старшины выясняли политическую обстановку, посетили русского агента в Мешхеде и наместника персидской провинции Хоросан, от которого получили богатые подарки. Энергичное представление русского посланника в Тегеране, требовавшего от персидских властей «совершенно отказаться от вмешательства в дела туркмен, живущих в Мерве и по Теджену», заставило правительство Персии отказаться от планов открытого военного захвата Мерва [22], но оно продолжало вести интриги в оазисе.

Персидские власти начали сооружение в Серахсе новой крепости Рукнабад [23]. Постройка крепости должна была ока-

[16] Т. е. Россией, Персией и Англией.

[17] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 56—57 (относится к 1881 г.; оно скреплено 27 печатями).

[18] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 54.

[19] Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. 1, стр. 132.

[20] [Kuropatkin], *Geschichte des Feldzuges Skobelews in Turkmenien nebst einer Uebersicht der kriegerischen Tätigkeit der russischen Truppen in Zentralasien von 1839—1876 von Kuropatkin*. Deutsch von Ulfrisch. Mühleheim am Rhein, 1904, S. 95 (далее — Kuropatkin, *Geschichte des Feldzuges Skobelews...*).

[21] См. «Опись медным пушкам-трофеям туркмен Мервского оазиса, находящимся при Мервском уездном управлении» (фонд 1, оп. 2, д. 6332, л. 16).

[22] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 61, 104.

[23] Фонд 97, оп. 1, д. 66, лл. 161, 163, 167, 171.

зать моральное воздействие на текинцев Мерва. Часть мервских старшин (в том числе Баба-хан) вела в это время переговоры с персидским наместником Хоросана (сипах-саларом), который призывал их подчиниться Персии, угрожая немедленной расправой в случае отказа. Характерна следующая фраза из письма наместника, которое было перехвачено царскими властями: «Ныне я прибыл, и аксакалы, представляясь мне, доложили о покорности вашей и мервского народа. Имея в виду, что цель начальников нашего правительства всегда стремилась к склонению вас к подданству и услугам, то я нашел нужным стремиться к обнадеживанию и успокаиванию вас и мервского народа. Если настоящее послание аксакалов и изъявление услуг с вашей стороны похожи на прежние слова, то для вас никакой пользы и плода не принесут, и упуская время и случай будете каяться, тогда как раскаяние для вас будет бесполезным, жизнь ваша с семействами, имуществом и племенем подвергнется уничтожению» [24].

Таким языком средневекового завоевателя говорил с текинцами Мерва персидский наместник, не имея никакой реальной силы для их покорения. Насилия и произвол персидских пограничных властей были настолько велики, что население мелких пограничных аулов бежало от них под покровительство России или на Теджен [25]. Персидские претензии на Мерв не находили серьезной поддержки среди туркмен и проявились лишь в виде демонстративных действий персидских властей в пограничных областях. Царские власти отмечали, что «влияние персов в Мерве ничтожно» [26]. И это несмотря на существовавшие издавна экономические связи Мерва с Персией [27].

[24] Фонд 97, оп. 1, д. 259, л. 2 (по старой нумерации д. 8293, 1881—1882 гг.).

[25] Фонд 97, оп. 1, д. 66, л. 163 (по старой нумерации д. 8286).— Перевод со сведений, 12 августа 1882 г.

[26] Фонд 1, оп. 2, д. 8318.

[27] Об этих экономических связях свидетельствует, например, следующий факт. Еще в августе 1881 г. текинцы подали царским властям просьбу о разрешении им чеканить персидский кран, так как русские деньги не принимаются в Мерве. В этом им, конечно, было отказано (фонд 97, оп. 1, лл. 1, 2).

Сношения Мерва с Хивой

Значительно бо́льшим влиянием в Мерве пользовались представители Хивинского ханства, которое с давнего времени претендовало на владение Мервским оазисом.

Английский путешественник Лэнсделл рассказывает о своем разговоре с хивинским ханом по поводу Мерва. Смысл суждений хана сводился к следующему: Мерв — независим, но хивинцы взяли его 60 лет тому назад, и только после прихода русских их господство было нарушено. Поэтому Мерв принадлежит хану, а так как хан зависит от России, то Мерв должен также принадлежать России [28].

Подчинение Хивинскому ханству, несомненно, представлялось для текинских старшин Мерва в некотором отношении выгодным, так как должно было носить характер вассальной зависимости. Но претензии Хивы шли значительно дальше и предусматривали полное подчинение Мерва.

В августе 1881 г. «командированный из Хивы» в Мерв для переговоров Хаджа-Эли-бей-Муртуза-хаджи писал в Ашхабад: «Хан наш прислал меня к мервцам с добрым советом и письмом; после нескольких дней совещания мервцы ответили мне, что они отправили к хану для мирных переговоров 24 почетных жителя». Вместе с мервцами для переговоров был послан канонир Кидяев, игравший у туркмен роль вынужденного посредника [29]. Результат этой поездки нам неизвестен, но из другого источника мы узнаём, что в Мерв был послан из Хивы специальный правитель Юсуф-бай, назначение которого «вызвало неудовольствие народа» [30].

П. Арбеков в статье «Захват Мерва» придает большое значение появлению Юсуф-бая в Мерве. «По своей сути, — пишет он, — назначение Юсуф-бая было переходным моментом к предстоящему окончательному захвату Мерва». В данном случае П. Арбеков основывается на письме, посланном в Хиву от имени ханов, аксакалов и всех членов родов отамыш и тохтамыш, в котором они обращались к хивинскому хану как «царю мусульман» с просьбой дать им «справедли-

[28] H. Lansdell, *Russian Central Asia,* vol. II, London, 1885, p. 486.

[29] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 91.

[30] Там же. — Письмо от 27 октября 1881 г.

вого начальника, знающего все правила мусульманской религии и шариата»[31]. Но такое пышное обращение вовсе не означало, что текинцы Мерва действительно готовы были пасть к ногам хана. Вся затея с обращением Мерва к Хиве была задумана в Петербурге, в силу чего генерал Рерберг вынужден был выразить одобрение назначению Юсуф-бая из Хивы, «так как оно состоялось согласно воле великого русского царя...».

Хивинский правитель опирался в Мерве на Кара-Кули-хана и с самого начала вызвал недовольство среди туркмен Мерва. Это признает и П. Арбеков, опубликовавший несколько любопытных документов, связанных с назначением Юсуф-бая, не замечая, что он сам подрывает версию об исключительном значении, которое имело появление в Мерве хивинского правителя. При этом П. Арбеков допускает фактическую ошибку, говоря, что Юсуф-бай оставался правителем до момента занятия Мерва царскими войсками: Юсуф-бай умер в октябре 1881 г., а в ноябре того же года из Хивы в Мерв прибыл новый правитель Абдурахман-бай-Беки-Магеррам-оглы[32].

Трудно установить, в чем выражалось правление хивинского ставленника в Мерве. Из письма Махтум-Кули-хана узнаем, что Абдурахман-бай-Беки-Магеррам-оглы прибыл для сбора «зякета» ($^1/_{10}$ хлебного урожая) и «баджа» (пошлины), в силу чего теперь «некоторые обращаются к правителю» («тату»). Махтум-Кули-хан писал далее, что «Кара-Кули-хан с несколькими лицами выписал в правители Абдурахман-бая-Беки-Магеррам-оглы, у которого видели «предписание Мамед-Рагим-хана», т. е. хивинского хана[33]. Сам же хивинский хан старался представить дело так, как будто Абдурахман или Рахман (Рахим в некоторых источниках) прибыл в Мерв по желанию туркмен.

В ярлыке хивинского хана «мервскому народу» говорилось, что в ответ на прошение Кара-Кули-хана и Ораз-Мамед-хана в Мерв назначен правителем Рахим-бай. Хан запрещал

[31] «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 50—51.

[32] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 103, 105, 154.

[33] Там же, л. 208. — Письмо от 9 января 1883 г.

грабежи (особенно направленные против русских), а также запрещал вести сношения с Англией, Персией и Афганистаном, потому что «приятели русского государства суть наши приятели и, наоборот, враги — наши враги». Выяснилось, что Рахим-бай раздает в Мерве деньги и намерен собрать с его жителей ушур-зякет ($^1/_{10}$ урожая хлебов)[34].

Приезд хивинского правителя был связан с попыткой части мервских старшин во главе с Кара-Кули-ханом поставить Мерв в непосредственную зависимость от бессильного хивинского хана при сохранении видимости подчинения России. В действительности хивинский правитель интриговал против России[35].

Стоявшего за спиной «тату» Кара-Кули-хана документы канцелярии Закаспийской области рисуют ярым противником России, но в своих письмах в Ашхабад он интриговал не против России, а против Махтум-Кули-хана и поддерживавших его мервцев. «Все отамышцы — воры и разбойники, пишите им письма построже, они никогда не исправятся», — писал, например, Кара-Кули-хан. В свою очередь текинцы из рода векиль жаловались, что Кара-Кули-хан дал знать сарыкам о приходе бухарского каравана и сарыки отняли 7 стад баранов. Когда Кара-Кули-хан был избран одним из ханов Мерва, мервский казий, ведавший судебными делами, немедленно сообщил в Ашхабад, что «дела идут по шариату через казия и, кроме меня, другого казия нет»[36]. Махтум-Кули-хан в свою очередь старался всячески очернить противника. Вся перепалка между Махтум-Кули-ханом и Кара-Кули-ханом была отражением внутренних распрей среди туркменских старшин. В то же время ход событий свидетельствовал и о честолюбивых замыслах царских генералов в Ташкенте и в Ашхабаде, соревновавшихся в стремлении поскорее захватить Мерв. За спиной хивинского хана стоял туркестанский генерал-губернатор Черняев, выполнявший поручения еще более высокого начальства. Сам министр иностранных дел Гирс в разговоре с английским представителем 24 октября 1883 г. упоминал

[34] Там же, лл. 209—213. — Ярлык от 28 ноября 1882 г.

[35] Фонд 1, оп. 5, д. 437, л. 22.

[36] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 138. — Письмо казия от 23 мая 1882 г.

о посредничестве генерала Черняева и о данном им совете мервским туркменам признать над собой власть хивинского хана [37].

В конечном итоге тайные интриги правителя из Хивы и Кара-Кули-хана не могли заставить мервских туркмен подчиниться хивинскому хану. Это и было выражено в письме в Ашхабад от имени туркмен разных родов: «Мы выше себя не считаем уркенджа (Хивы) и, кроме Асхабада, другому месту подчиняться не будем» [38].

Английские агенты в Мерве

Враждебные России настроения поддерживались в Мерве главным образом старшинами, стремившимися сохранить свою независимость при помощи какого-либо иностранного государства. Некоторые из них пытались заручиться помощью Великобритании, хотя расчеты на получение с ее стороны «бескорыстной поддержки» были в высшей степени наивны.

Интересный очерк деятельности английских агентов и шпионов в Средней Азии сделал Н. А. Халфин. Он справедливо отмечает, что деятельность этих агентов была далеко не столь успешной, как ее изображали английские авторы. К такому выводу можно добавить следующий факт. Небезызвестный Батлер, например, приписывал себе заслугу укрепления Геок-Тепе «на основе новейших данных европейской фортификационной науки» [39]. На самом же деле крепость Геок-Тепе сохранила черты старинных туркменских крепостей. Совсем анекдотический характер имели заявления Батлера об «укреплении» им Ашхабада и Мерва. В первом вообще не было солидных укреплений, во втором грандиозная туркменская крепость средневекового типа была построена Коушут-ханом.

Крупнейшим английским агентом, действовавшим в Туркмении, был известный уже нам О'Донован—английский авантюрист и разведчик. О'Донован считается свидетелем взятия

[37] «Афганское разграничение», ч. II, стр. 47.

[38] По старой описи д. 8318, л. 361. — Записка о сношениях с Мервом, 7 июня 1882 г.

[39] Н. А. Халфин, *Английская колониальная политика на Среднем Востоке*, изд. САГУ, Ташкент, 1957, стр. 57.

Геок-Тепе, но он находился в отдалении от туркменской крепости и видел только бегство ее защитников, отметив нежелание царских войск преследовать бежавших противников. Лэнсделл отмечает, что все английские путешественники были военными и до О'Донована побывали только на границе Туркмении. О'Донован как корреспондент «Дейли Ньюс» выехал с Кавказа для сопровождения русской экспедиции против Ахал-Теке. Но генерал Тергукасов выслал его на персидскую территорию. Только после приезда Скобелева О'Донован получил разрешение прибыть в русский отряд. Не попав вовремя в Геок-Тепе, он решил любой ценой проехать в Мерв. 22 февраля он выехал из Мехка и сделал за 24 часа 120 миль [40]. По русским сведениям, О'Донован приехал в Мерв в начале 1881 г. из Келята в Персии, где пробыл 23 дня в гостях у местного персидского феодала («ильханея») Бейбут-хана. «В Мерве О'Донован не имел постоянного местожительства и разъезжал из аула в аул». О'Донован уехал из Мерва в конце июля 1882 г. [41].

О'Донован утомительно подробно говорит о своем пребывании в Мерве. Этот английский наблюдатель и самозванный посол не был другом текинцев. Он рассказывает о своих чаепитиях и пирах с мервскими старшинами, рисуя туркмен «жадными дикарями», которые должны были служить орудием британского империализма, но не оправдали возлагавшихся на них надежд. Интересно отметить, что даже царские офицеры говорили о туркменах, своих врагах по оружию, более благожелательно, чем этот человек, прикидывавшийся другом текинцев, но ненавидивший их от всей души [42].

Значение записок О'Донована в том, что они в какой-то мере отражают настроения старшинских мервских группиро-

[40] H. Lansdell, *Russian Central Asia*, vol. II, p. 467.

[41] Фонд 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15; См. также приложение 1.

[42] O. Donovan, *The Merv oasis. Travels and adventures East of the Caspian during the years 1879—80—81*, London, 1882, vol. II, pp. 287—391. — О'Донован старался привлечь внимание английского общественного мнения к Мерву. Он 27 марта 1882 г. делал доклад в Королевском географическом обществе: «Мерв и его окрестности» (см.: В. А. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*. СПб., 1894. стр. 101—102).

вок. Его записки рисуют обстановку вражды и зависти между мервскими ханами. Махтум-Кули-хан, прибывший в Мерв после поражения при Геок-Тепе, например, явно боялся своими беседами с О'Донованом вызвать подозрения у других ханов. Собрания меджлиса происходили в красиво убранной юрте. Но это отнюдь не народные собрания: на них присутствует всего человек 25 [43].

На собраниях О'Донован нагло разыгрывал роль представителя британского правительства. Он заявил, что Кандагар и Ашхабад должны стать границами продвижения русских и английских войск и ссылался на какое-то соглашение (agreement between Russia and England) между Россией и Англией. Мервские ханы спросили О'Донована, на каких условиях «английский падишах» возьмет их под свое покровительство, будут ли они нукерами (вассалами, слугами) или подданными. О'Донован ответил, что не имеет достаточной информации по этому поводу, но запросит английское правительство. «Во всяком случае, — заявил он, — туркмены не будут платить какую-либо дань». В таком же духе происходили и дальнейшие переговоры. «В целом же, — по словам О'Донована, — собрание нотаблей, кажется, было удовлетворено» [44]. С бахвальством пишет О'Донован, что ему были оказаны почести как представителю британского правительства. Этому сообщению, впрочем, нельзя доверять. Ведь «английский посланник» выбрался из Мерва при помощи русских военных властей. Но о таких досадных мелочах О'Донован, конечно, предпочел забыть.

Авторитет О'Донована, основывавшийся на обмане, не мог держаться длительное время. Да и воспоминания его наполнены лишь рассказами об его встречах с ханами, о пьянстве и пр. В русских донесениях сообщается, что падению престижа О'Донована «немало способствовало поведение самого г. О'Донована, который, по свидетельству всех прибывших из Мерва туземцев, ежедневно в излишестве предавался употреблению спиртных напитков. Кроме того, О'Донован нуждался в Мерве в деньгах и задолжал, что окончательно уронило его в глазах туркмен» [45].

[43] O'Donovan, *The Merv oasis...*, pp. 206—207, 220.
[44] Ibid., pp. 221—223.

О'Донован «красочно» описывает народное собрание, на котором было постановлено «отпустить» его в Мешхед (19 июля 1882 г.). Все жадно прислушивались к происходившему обмену мнениями. Однако благополучное отбытие О'Донована из Мерва в значительной мере было подготовлено письмом в Мерв, присланным командующим войсками генералом Рербергом. По русским сведениям, О'Донован уехал, «оставив в Мерве долги и незавидную репутацию».

О'Донован признает существование в Мерве большого количества туркмен, стоявших за присоединение к России. «Я уже сказал, — пишет он, — что существует зародыш русской группировки в Мерве» [46]. В числе «интригующих» в пользу прихода русских в Мерв упоминается Баба-хан. Впрочем, оценка Баба-хана как «интригана» не соответствует действительности. Это был один из туркменских старшин, реально оценивавших обстановку и не доверявших английскому агенту.

О'Донован всячески подогревал надежду некоторых мервских туркмен на содействие Англии. Так, в одном письме, полученном русским командованием, сообщалось: «На днях прибыли в Серакс [47] 32 человека англичан оружейных мастеров, которые высланы Англией с целью поправлять ружья и имеющиеся в Мерве орудия и руководить народом, двое из них в настоящее время уже в Мерве и предполагают послать за остальными» [48]. Однако в действительности сообщение о «32 английских оружейниках» оказалось мифом, который распространял О'Донован для укрепления своего влияния.

Какими «утками» питались в это время английские газеты, видно из сообщений «Дейли Ньюс», перепечатывавшихся и в русской прессе. Так, 16 февраля (нового стиля) 1881 г. в этой газете напечатано: «Абиверд, 1 февраля Махдум-Кули-хан с 5000 всадников прибыл в Теджend. Русский раз-

[45] Фонд 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15.
[46] O'Donovan, *The Merv oasis...*, pp. 212, 429.
[47] Т. е. Серахс.
[48] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 54.

ведочный отряд прибыл в Асхабад и Аннау. Абиверд, 2 февраля. 5000 русской кавалерии с 16 орудиями прибыли в Асхабад и Аннау. Текинцы со своими конями умирают в степи в огромном числе за недостатком воды и пищи. Они не сделали еще никаких приготовлений к дальнейшему сопротивлению. Келат, 2 февраля. Мервские старшины держали совещание, на котором решили сопротивляться до последней крайности. Они предполагали сосредоточить все силы для того, чтобы воспрепятствовать доступу к Тедженду, где стоит сейчас Махдум-Кули-хан с 5000 текинцев. Русские еще в Асхабаде. Генерал Скобелев предполагает идти по персидской территории. Депутация из 30 мервских старшин отправилась в Кандагар искать помощи. Келат, 4 февраля. Русские собирают припасы, подготовляясь к движению на Тедженд. Туркмены, по слухам, пытаются отвести течение реки к востоку в направлении к Мерву, чтобы лишить русских воды. Скобелев заявляет о своем намерении идти по пограничной персидской территории» [49].

Откуда эти 5000 всадников прибыли на Теджен, конечно, не объяснено, так как такого количества всадников не могло остаться под командой Махтум-Кули-хана после падения Геок-Тепе. В мае того же года «Московские ведомости» поместили такую корреспонденцию: «Мервский корреспондент „Daily News" телеграфирует от 7 мая: „Туркмены усиленно воздвигают обширные укрепления, которые почти готовы. Уверенность в дальнейшем наступлении русских неискоренима. Здесь находится до 37 пушек различного калибра, большею частью отнятых у персиян. Надеются, что британские войска прибудут в Герат, а оттуда в Мерв. Здесь сильно желают союза с Англией. Посланник шаха, прибывший для переговоров о возвращении Мерва под персидское владычество, отправился назад с отказом. Русские агенты продолжают хлопотать о том, чтобы Мерв покорился. Бо́льшая часть ахалтекинцев или возвратилась в Енги-Шехр, или эмигрировала в Хиву. Макдум-Кули все еще здесь, но колеблется. Нет признаков наступления русских. Крайняя восточная позиция их в Асхабаде"» [50].

[49] «Московские ведомости», 10.II (по старому стилю) 1881 года (перепечатано из «Дейли Ньюс»).

В своих сообщениях О'Донован создавал видимость наличия в Мерве крупных военных сил, изображая Махтум-Кули-хана то героем сопротивления, то «сомневаясь в его готовности» вновь сражаться с русскими войсками.

Конец деятельности О'Донована в Мерве был почти комическим. Этот корреспондент-«полководец» остался недоволен туркменами, оказавшимися дальновидными и отклонившими его провокационные предложения. «Очевидцы рассказывают, что в минуту отъезда О'Донован был в «сильно возбужденном состоянии, махал саблею и угрожал возвратиться в Мерв врагом, во главе английских войск».

Из Мерва О'Донован поехал в Мешхед в сопровождении 20 или 30 мервцев, людей «мелких, без всякого значения», по словам старшины селения Каахки. По другим сведениям, спутники О'Донована провожали «английского посланника» до Мешхеда с тем, чтобы получить от него деньги, которые он им задолжал. Пленный канонир Кидяев сообщал, что «англичанина продали за тысячу кранов» (400 руб.). Правда, О'Донован доставил английскому правительству прошение за подписью некоторых старшин, но такого рода документы, по свидетельству участников событий, легко приобретались в Мерве и не выражали мнения местного населения или какой-либо его части [51].

Сиях-Пуш и его сторонники

Помимо сторонников соглашения или подчинения тому или иному соседнему государству, в Мерве возникла группировка людей, стремившихся создать здесь своеобразное мусульманское государство наподобие государства Махди в Судане. Попытка эта была явно обречена на провал, так как туркмены никогда не отличались религиозным фанатизмом и не знали ничего похожего на кавказский мюридизм. Эта попытка была связана с деятельностью некоего Сиях-Пуша, имя которого русские источники переводили, как «носящий черные одежды»,

[50] «Московские ведомости», 13. V. 1881.

[51] Фонд 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15.

«черноризец». Учеником его был Ахмед-шах. Сиях-Пуш впервые появился в Иолотане и вел интриги среди сарыков. В делах Закаспийской области имеется несколько писем самого Сиях-Пуша и донесения о нем и его учениках, в том числе об Ахмед-шахе. Что это за письма, видно по делу, которое носит название «Перевод с адреса на конверте письма индейца Ахмед-шаха, писанного на персидском. Настоящее письмо удостоится дойти до правительства царя царей русского. Писал Ахмед-шах индейский. Желание бедных жителей Индии в том, чтобы письмо это, выступив из Индии, дошло до Асхабада и пусть извинят»[52]. Имя Сиях-Пуша в донесениях царскому командованию принято было за нарицательное. По одному сообщению «Сиях-Пуш уговорил всех сарыков единогласно быть подданными английского правительства»[53]. Позже Сиях-Пуш и индиец Ахмед-шах («индеец» официальных документов) стояли во главе мервцев, оказавших сопротивление русским войскам.

Официальные русские представители считали, что Сиях-Пуш был «таинственной личностью, приобретшей известность под именем Сиа-Пуша (черноризца) и старательно скрывавшей свою национальность». Сиях-Пуш появился в Туркмении после взятия Геок-Тепе, но вначале действовал нерешительно, проживая вместе со своими приверженцами (в числе которых были два индийца и один афганец) большей частью в Пенде и только иногда приезжая в Мерв, где его сторонником был Топаз-Каджар-хан. «Выдавая себя за лицо, облеченное духовною миссиею, Сиях-Пуш внушал туркменам, что они не должны бояться русских и подчиняться им, и обещал им деньги, оружие и внешнюю помощь». Сеид Сиях-Пуш выдавал себя за последнего мусульманского пророка Махди. Под видом текинского ишана он пробрался в Ахал-Текинский оазис, собрал там порядочный «зякет» деньгами, верблюдами, баранами. Он же разрешал аламанство в Афганистане. По мнению

[52] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 315—316, 318, 319 (1 мая 1883 г., письмо доставил житель Мерва).

[53] Фонд 1, оп. 5, д. 437, лл. 105—106 (Получено 4 мая 1883 г. от душакского жителя Молла-Сигат-Мамеда).

русского посланника в Тегеране[54], Сеид Сиях-Пуш был фанатиком, подосланным английским посланником Стюартом. Но Сиях-Пуш не прочь был завести сношения с царским командованием, предлагая ему сообщить мервцам, что «к их нации вражды нет»[55].

После занятия Мерва царскими войсками Сиях-Пуш был арестован, и начальник Мервского округа Алиханов оставил описание его внешности: «Это был замечательно красивый брюнет, лет тридцати трех, с матово бледным лицом, с большими выразительно задумчивыми глазами, с маленькой бородкой и с длинными, распущенными по плечам волосами. На голове он носил тюрбан, повязанный вокруг высокой, остроконечной тюбетейки, как его повязывают только индусы и авганцы. Глаза также были насурмлены по обычаю этих народов. Вообще же вся внешность и костюм его напоминали аскета-дервиша. По-персидски он говорил прекрасно, по-туркменски — с акцентом авганца, и писал на этих языках изящным почерком». Сиях-Пуш держал себя на допросах с большим достоинством и спокойствием, смотрел прямо в глаза допрашивающему. Ответы его были типичными ответами фанатика, уверенного в своей миссии, завещанной ему от бога. «Я — создание бога; зовут — человеком; моя нация — человечество». На вопрос, зачем он явился среди туркмен, Сиях-Пуш говорил: «Цель известна одному богу» и пр. Все попытки добиться от него вразумительного ответа остались безрезультатными. Наиболее вероятным было предположение, что Сиях-Пуш явился агентом Эйюб-хана, претендента на афганский престол, надеявшегося с его помощью использовать туркмен в борьбе против афганского эмира[56].

Эту версию и принимают некоторые авторы как вполне

[54] Там же, лл. 105—106. — Облик Сиях-Пуша как авантюриста интересно очерчен в статье Н. А. Халфина «Султанская Турция и английская агрессия в Средней Азии» («Труды Среднеазиатского государственного университета им. Ленина», т. XCIV, 1957, стр. 29—46). Подлинное имя его Шир-Али, он был выходцем из Северо-Западной Индии.

[55] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 317—319.

[56] М. Алиханов-Аварский, *Закаспийские воспоминания*, — «Вестник Европы», 1904, октябрь, стр. 455—456.

достоверную [57], но она несколько упрощает действительность, превращая Сиях-Пуша в обычного агента иноземных претендентов на Мерв. А между тем мусульманская пропаганда против русских велась и в Персии. Так, в июле 1883 г., по сведениям русских агентов, в Мешхеде произошло следующее: «В одной из мечетей Мешхеда, в то время, когда проповедник Шейх Мегди говорил проповедь, явился к нему некий татарин из Дерегеза по имени Ходжа-Али и просил его передать присутствовавшему в мечети народу, что христиане окружили их со всех сторон и выстроили на местах, где стояли прежде мечети и кладбища правоверных, винокуренные заводы и что его, мусульманина, хотели наказать за то, что он попытался воспротивиться этому: Шейх Мегди исполнил просьбу помянутого татарина, оказавшегося персидским подданным и в то же время английским шпионом, которого проживающий ныне в Мешхеде английский агент полковник Стюарт принял под свою защиту и освободил из беста, в котором помянутый человек скрывался во избежание наказания за ограбление дома и сада русского подданного» [58].

Особенно муссировались английской агентурой ложные слухи о различных притеснениях, которые якобы ожидают жителей Мерва при занятии этого города войсками России, в частности, «что русские берут большие подати, заставляют принимать христианство и отбирают женщин» [59].

Среди влиятельных сторонников Англии в Мерве называли Дурды-ходжу (из рода бек) «как духовное лицо», а также Курбан Пеньвана (род бахши) «как знатное лицо в своем роде». Первый будто бы получал от английских агентов ежемесячно 100 кранов, а второй — 60 кранов. Дурды-ходжа попал в плен к русским после занятия Геок-Тепе.

Группировка, связанная с английскими агентами, была в Мерве не очень значительной. Да и самая деятельность английских агентов в Мерве была не столь активной, как это

[57] «История Туркменской ССР», стр. 135.

[58] Фонд 1, оп. 2, д. 4991 (по старой нумерации). — Сообщение Мельникова из Тегерана генералу А. В. Комарову.

[59] Фонд 1, оп. 2, д. 7666 (по старой нумерации), 12 сентября 1881 г. (со слов торговца Павла Обелова).

часто изображается в сочинениях по истории Средней Азии в конце XIX в.

Действительная опасность заключалась не в столкновении царского командования с английскими агентами в самой Туркмении, а далеко за ее пределами — в столкновении британского и русского империализма и их колониальных вожделений. Поэтому было бы совершенно напрасно изощряться в доказательствах того, что русские колониальные круги были лучше английских и наоборот. Но в положении России и в положении Англии в Средней Азии была существенная разница. Неустойчивая граница на юге России была опасна не только для российских владений на Кавказе и в Средней Азии, но и для всей страны в целом. А недавняя крымская кампания показывала уязвимость русских границ на юге. Занятие Ашхабада и Мерва укрепляло русские границы в Средней Азии, но ни в какой мере не могло служить базой для дальнейшего продвижения на юг, тем более в Индию. Возможный же захват Мерва английскими войсками открывал бы для них путь в Среднюю Азию. Те, кто пишут о равенстве интересов России и Англии в Средней Азии, забывают о том, что от Мерва до Москвы куда ближе, чем до Лондона.

В правительственных кругах Петербурга учитывали возможность столкновения с Англией из-за колоний. В записке под названием «Экспедиция в Ахал-Теке 1880 г.» генерал-майор Ю. Борх указывал на усиление английского влияния в Персии и отмечал: «Рождается вопрос о том, русское или английское влияние должно первенствовать в Персии». Автор утверждал, что не пройдет и года, как англичане займут Герат, а может быть, и Мерв [60].

Досужие политики всех мастей и национальностей старались всячески стравить Россию с Англией, чтобы нагреть руки на конфликте между ними. В этом смысле очень интересно высказывание графа Иорка фон Вартенбурга, выпустившего книжку, в которой доказывалось, что текинская экспедиция была вызвана стремлением России подготовить для наступле-

[60] Архив Гродекова. Папка № 2. — Докладная записка. Экспедиция в Ахал-Теке, 1880 г.

ния на Индию базу на Каспийском море, чтобы поддерживать сообщение через туркменские пустыни. Оценивая возможные последствия англо-индийской войны, Вартенбург писал: «В этой предполагаемой борьбе в Средней Азии Россия ставит на карту лишь некоторую долю своего политического обаяния; Англия же рискует всем» [61]. Так, немецкий граф усиленно подталкивал царские военные круги к войне с Англией, уверяя, что они якобы могли только выиграть от войны.

Однако серьезные политики и в России и в Англии хорошо понимали, что военное столкновение этих держав в Средней Азии не в их интересах.

И пресловутая угроза Индии со стороны России была разоблачена не кем иным, как премьером Великобритании Бальфуром, который заявил в палате общин, что обширные, большей частью пустынные пространства, отделяющие Россию от Индии, представляют собой «лучшую защиту» для Индии [62].

Слабость английских позиций в Средней Азии хорошо сознавали и сами английские колониальные круги. Поэтому они всячески старались прикрыть свои агрессивные замыслы заботами о независимости Афганистана, хотя как раз Англия и представляла угрозу для его самостоятельного существования. Дипломатическая переписка между Россией и Великобританией показывает, что британское правительство считало себя вправе вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Английское министерство иностранных дел самодовольно заявляло в 1872 г., что афганский эмир «обнаруживал полную готовность следовать данным ему правительством Индии указаниям» [63].

Положение на границах Средней Азии значительно осложнилось в 1881 г., когда в Афганистане утвердился на престоле Абдурахман-хан, которого англичане настойчиво призывали к наступлению на север. Уже в конце 1881 г. среди мервских туркмен ведется активная антирусская агитация. Положение

[61] «Рост России в Азии». Сост. граф Иорк фон Вартенбург, Ташкент, тип. штаба Туркестанского военного округа, 1900, стр. 83, 121.

[62] Н. А. Халфин, *Английская колониальная политика на Среднем Востоке*, Ташкент, 1957, стр. 208.

[63] «Афганское разграничение», ч. II. стр. 3.

в Мерве так обрисовано в русском документе (сентябрь 1881 г.): «В Мерве 6000 всадников дано от общества разрешение аламанить во все стороны. Махтум-Кули-хан получил подарки от англичан и от авганцев из Герата и приглашен для свидания с ними в Серакс. Со взятием Абдурахманом Герата влияние Англии на Мерв может легко возобновиться и наше влияние на эту страну изменится к худшему» [64].

После получения этих сообщений царское командование вызвало Махтум-Кули-хана из Мерва. В ноябре 1881 г. он получил предложение от командования вернуться в месячный срок в Ашхабад под угрозой конфискации всего его имущества. В ответ Махтум-Кули-хан писал: «сердце мое близко к вам», но приехать отказался. В тот же день было получено неверное сообщение от некоторых мервских кетхудов (старшин) такого характера: «Все афганские войска прибыли в Герат; говорят, идут весною на Мерв. Мервский народ отправил кетхудов к вам, прося защиты белого царя» [65].

В январе 1882 г. слухи о том, что «английские войска скоро придут освободить текинцев от русских», стали распространяться и в Ахал-Текинском оазисе. В ауле Багир, в непосредственной близости к Ашхабаду, царские власти арестовали двух пропагандистов, подкупленных О'Донованом и прибывших из Мерва; там же было обнаружено некоторое количество ружей и холодного оружия [66].

Предполагаемое наступление афганского эмира явно встревожило население Мерва, тем более что сторонники подчинения Мерва афганскому эмиру не составляли сколько-нибудь заметной группировки. Да и сам Афганистан в это время яростно отстаивал свою самостоятельность от английских посягательств [67], и эмир Абдурахман фактически не мог стремиться к завоевательным действиям в Туркмении.

Коншинский караван

В этой обстановке в Мары (Мерв) направился так называемый коншинский караван. Появление этого каравана в городе

[64] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 105, 31 октября 1881 г.

[65] Там же, лл. 109, 119, 123, 125.

[66] Фонд 1, оп. 1, д. 13, л. 3, 25 января 1882 г.

[67] См. Сеид Кассем Риштия, *Афганистан в XIX в.*, М., 1958.

было неожиданным, но вполне объяснимым событием, поскольку Мервский оазис уже вступил в торговые отношения с Россией. Русские деньги и товары уже обращались на мервском рынке, а Ашхабад был местом сбыта продуктов питания и скота из Мерва. В Мерве, несмотря на враждебное отношение части его населения к России, основное военное снаряжение было русским, а не английским и не персидским. На базарах Мервского оазиса русские патроны продавались по 6—7 кранов за штуку. В аулах Мервского оазиса наряду с персидскими кранами чеканилась поддельная русская монета [68].

Текстильную фирму Коншиных в караване представлял Северьян Яковлевич Косыха. Его называли приказчиком, хотя он носил значительно более высокое звание доверенного фирмы, что соответствовало примерно заведующему отделением или филиалом фирмы в каком-нибудь городе.

Главное действующее лицо, принимавшее участие в караване, прапорщик, а впоследствии полковник Алиханов, в сущности первый исказил основную идею этого предприятия, рассказывая о караване с комическими подробностями, как о своего рода комедии с переодеванием [69]. Между тем отправка каравана имела большое значение для установления непосредственных связей Ахал-Теке с Мервским оазисом. О судьбе каравана лучше всего судить по официальным бумагам и донесениям Алиханова и Косыхи, а не по позднейшим высказываниям, когда опасности и трудности, сопровождавшие движение каравана, уже забылись.

Инициатива организации каравана принадлежала военному ведомству, представители которого обратились к главе видной текстильной фирмы Н. Н. Коншину с предложением «послать караван в Ахал-Теке для занятия рынка, дабы не от-

[68] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 277 и 304. — Продажу русских патронов в Мерве видел ашхабадский житель Паша-сардар-Вели-Мургадоглы (старшина фераджиев) — донесение от 14 марта 1883 г. Их продавали торговцы из Хивы. Сообщение о чеканке поддельной монеты относится к 12 апреля 1883 г.

[69] Статьи Алиханова о караване появились на станицах «Московских ведомостей» (13, 14, 15, 17, 18, 22, 25 VI. 1882) под названием «Русские в Мерве».

дать его англичанам» [70]. Коншин повел переговоры с другими московскими текстильными фабрикантами, но получил отказ, вследствие чего взял на себя все расходы по отправке каравана.

Разного рода мануфактурные товары были отправлены водным путем из Москвы. В Красноводск они прибыли 6 августа 1881 г. [71], но только в сентябре удалось доставить товары в Ашхабад и начать там торговлю. Самыми крупными покупателями оказались персы из Хоросана, так как ахальские текинцы были разорены, а население Мерва относилось «к русским все еще очень недоверчиво» [72]. Косыха, на основании докладной записки которого рассказана начальная история каравана, приписывает себе идею дальнейшего следования каравана в Мерв, но царская администрация стремилась использовать отправку каравана для разведывательных целей.

Смысл посылки каравана в Мерв объяснен в телеграмме, посланной из Ашхабада в Тифлис в январе 1882 г. «На этих днях отправляется отсюда в Мерв русский караван Коншина: обставлю караван насколько возможно безопаснее, снабдив его конвоем из милиционеров и письмами к известным мне более влиятельным туркменам. Прошу почтительно Вашего распоряжения командировать охотника офицера в штатском костюме для маршрутной съемки и собирания военных сведений» [73]. Таким образом, коншинский караван был задуман как

[70] Из письма, посланного из Петербурга в Ашхабад 12 августа 1881 г. выясняется, что великий князь Николай Михайлович во время пребывания туркменской делегации в столице просил Тыкма-сардара купить у туркмен два или три хороших ковра с обещанием уплатить за них деньги. Составитель письма (подпись неразборчива) просил купить ковры, но деньги заплатить из сумм Закаспийской области, уверяя, что «деньги во всяком случае будут немедленно возвращены». В этом письме упоминается о подготовке каравана Коншина (фонд 97, оп. 1, д. 138, лл. 1—2).

[71] Фонд 97, оп. 1, д. 185, л. 8.

[72] Докладная записка доверенного фирмы Коншина Северьяна Яковлевича Косыхи напечатана в сб. «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России», сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца, Ашхабад, 1946, стр. 203—205 (далее — «Россия и Туркмения»).

[73] Фонд 1, оп. 2, д. 5159, л. 1.

предприятие разведывательного характера, хотя офицер и поехал в Мерв в качестве приказчика текстильной фирмы (это обстоятельство, как далее будет видно, не обмануло туркмен). В особом обращении царские власти просили ханов и кетхудов «племен в Мерве и его окрестностях» об оказании содействия купцу «Саверьяну Косыхе, доверенному Коншина, отправившемуся с русскими товарами в Мерв».

В обращении говорилось, что начальник штаба разрешил «нашему купцу» отправиться в Мерв с караваном русских товаров для торговли «с нашими мервскими соседями», и выражалась надежда, что это послужит началом будущих торговых отношений с Мервом. Здесь содержалась также просьба оказывать Косыхе «всякое содействие и гостеприимство и где нужно будет снабдить его конвоем для ограждения его каравана от других людей, которых, к сожалению, в Мерве еще много, но которые рано или поздно будут жестоко наказаны» [74]. Так, после пожеланий «всего лучшего от бога», начальник штаба довольно откровенно заявлял, что за торговыми делами стоит военная сила.

Караван состоял из 20 верблюдов, которых сопровождали десять всадников и два «охотника для исследования страны». Он выступил из Ашхабада 3 февраля 1882 г., навьюченный по преимуществу тканями и галантереей («красным московским товаром»). В числе «охотников», переодетых в приказчиков фирмы Коншина и посланных в Мерв, был прапорщик Алиханов. В своих воспоминаниях Алиханов говорит о главных участниках каравана следующее: «На время путешествия мы переменили и свои фамилии: Косых назвался Северин-баем, Соколов — Платон-агой, а я — Максутом, казанским татарином. Несмотря, однако, на всю эту комедию, мы далеко не напоминали истых иомудов. В особенности наружность Косыхи невольно переносила воображение в кумачный ряд нижегородской ярмарки» [75].

Караван прибыл в Каахку 8 февраля. Отсюда Алиханов сообщал в обычном для него шутовском стиле: «Комедию разыгрываем пока почти талантливо» [76]. В Каахке выяснилось, что население этого аула готово поддержать русских, но опасалось персидского нападения и просило даже прислать русский гарнизон. Караван двинулся дальше в Теджен, но здесь было иное настроение. Ходжа-Кули-хан и Овез-сардар, «эти столпы Тедженского оазиса», всячески уговаривали Алиханова перейти на другую, более неудобную дорогу в Мерв, а не двигаться по Карры-Бентской дороге. В 60 верстах от Мерва караван был встречен посланными Комек-бая, караван-баши, или начальника коншинского каравана. У него караван должен был остановиться в Мерве. Люди Комек-бая предложили проехать аулы отамышцев ночью, так как отамышцы были якобы враждебны русским. Совет был принят, и караван 15 февраля 1882 г. ночью для того, чтобы не привлечь внимания текинцев, прибыл в Мерв. Сделано это было по совету Комек-бая, опасавшегося, что «первое появление русских в Мерве днем произведет возмущение черни» [77].

Купец (Косыха) и приказчик (Алиханов) сообщили в Ашхабад, что караван прибыл благополучно и что отамышцы настроены к нему благожелательно. Отамышцы, «на которых так несправедливо клеветали, прочли письмо при собрании более 200 представителей народа и, несмотря на свою отдаленность, первые прислали выразить нам по этому поводу свои дружественные чувства».

Положение руководителей каравана в Мерве было тем не менее крайне сложным. Алиханов так характеризовал политическую обстановку, сложившуюся в это время в Мерве. На стороне русских стоял Махтум-Кули-хан, «молодой человек лет 25, умный и симпатичный», глава рода векиль. Руководителем Махтума была его мачеха, вдова Нур-Верды-хана, «голос которой в делах векильского рода» имел «гораздо большее значение, чем самого ее пасынка» (мнение Алиханова). Противником русских был вновь избранный глава «бекского рода» Кара-Кули-хан, «энергичный мужчина лет 30, вылитый китаец по физиономии». Во главе родов бакши и сичмаз находился

[74] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, л. 3.

[75] М. Алиханов-Аварский, *Закаспийские воспоминания*. — «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 81.

[76] «Московские ведомости», 15. VI. 1882.

[77] «Россия и Туркмения», стр. 204 (докладная записка Косыхи).

18-летний «рябой олуховатый парень» Майли-хан, отец и дед которого были также ханами отамышцев. В этой характеристике мервских ханов не было ничего нового по сравнению с тем, что давали более ранние сообщения о положении в Мерве. Все три хана в сущности не занимали резко враждебной позиции по отношению к России, но Кара-Кули-хан, как мы видели выше, держался хивинской ориентации, тогда как Махтум-Кули-хан, особенно тесно связанный с Ахал-Теке, склонялся в сторону соглашения непосредственно с русским командованием в Ашхабаде.

Положение коншинского каравана в первые дни его пребывания в Мерве было крайне опасным. На другой день после вступления каравана в город Комек-бай собрал «совет ханов кетхудов» (выражение Косыхи), который только после долгих прений разрешил начать торговлю. Видимо, об этом совещании 15 старшин «мервского народа», в том числе и трех мервских ханов, говорит Алиханов: «Русские были приняты почти как подсудимые, никто не пошевельнулся, никто не прервал гробового молчания». Совещание продолжалось почти полтора часа. После продолжительного молчания один старик сказал, что торговля дело хорошее, но они опасаются за ответственность, если дурные люди нападут на караван: «Поезжайте в Асхабад, сговоритесь с ними и соедините прежде два народа». Но русские настаивали на открытии торговли в Мерве, и собрание разошлось, ничего не решив. Однако через два часа после собрания к Косыхе и Алиханову явилась депутация бекского рода с заявлением, что они «свергнут Кара-Кули-хана, если тот будет продолжать свои враждебные действия» против русских. Майли-хан, глава отамышцев, также прислал письмо, в котором писал, что «вместе с избравшим его народом он считает нас дорогими гостями Мерва и готов исполнить все наши желания». В такой сложной ситуации вынужден был изменить свою позицию и Кара-Кули-хан. Он пригласил русских на обед. Приглашенные пошли к нему, впрочем, спрятав под одеждой по два револьвера. Алиханов был удивлен бедностью Кара-Кули-хана, который живет, по его словам, «как последний чарва на Ахале, но около дома 150 кибиток нукеров, получающих за свою полицейскую службу денежное

вознаграждение от народа»[78]. Кара-Кули-хан задавал приезжим каверзные вопросы, вроде таких: «Кроме торговли имеем ли другие цели и поручения, причины покорения Ахала, придут ли русские» и пр. Куда раньше пойдут русские: в Месхед (т. е. Мешхед), в Саракс (т. е. Серахс) или в Мерв, стараясь получить соответствующий ответ.

Пользуясь относительной свободой передвижения по Мервскому оазису, Алиханов осмотрел крепость в Мерве. Несмотря на свою внешнюю грандиозность, крепость произвела на него жалкое впечатление. Тем не менее царское командование в Ашхабаде сообщило в Петербург, что крепость «громадная и сильная».

Мервские ханы посещали Алиханова и вели с ним и его спутниками длительные беседы, стараясь выяснить намерения царского правительства. Алиханов писал: «Посещения ханов продолжаются. Разница только в том, что Кара-Кули-хан делает это ночью, тайно от народа, а прямодушный Майли-хан — среди бела дня. Являются толпы разных кетхудов, аксакалов и затевают бесконечный гурун — беседу с зондированием целей нашего приезда, говорят они до одурения, но уходят в себя, как черепахи, каждый раз, когда вопрос наш кажется выпытыванием сведений географического или статистического характера».

Донесение Алиханова позволяет глубже выяснить обстановку в Мерве. По сведениям, собранным Алихановым со слов текинцев, в Мервском оазисе насчитывалось 46 тыс. кибиток (или 230 тыс. жителей), из которых подавляющее большинство (36 тыс. кибиток) принадлежало текинцам. Следует отметить, что количество населения Мервского оазиса было установлено Алихановым путем простого умножения количества кибиток на 5. Видимо, Алиханов считал, что в кибитке в среднем жило 5 человек. Таким образом, цифра населения в Мервском оазисе, сообщаемая Алихановым, приблизительная.

Внимание Алиханова было целиком обращено на туркменских старшин и ханов. Однако его донесение позволяет заметить, что туркменская верхушка не была всевластна без под-

[78] Фонд 1, оп. 2, д. 5159, л. 38 (Письмо от 27 июля 1882 г.).

держки широких масс. Так, например, изменил свои политические симпатии на протяжении нескольких дней Кара-Кули-хан, поскольку выбравший его в ханы род беки был им недоволен.

В настроении туркмен за короткое время пребывания каравана в Мерве произошли большие сдвиги в сторону сближения с Россией. Алиханов объяснял это тем, что «мервцы и вообще туркмены чрезвычайно сметливы и едва ли верят тому, что мы торговцы». В этих словах выразилась самоуверенность колониального офицера, по мнению которого для занятия Мерва в первую очередь нужны военные мероприятия. Объяснять мирные стремления коренного населения только боязнью перед силой оружия — обычный образ мыслей колониальных военных властей. В действительности перемена в настроении мервских туркмен в значительной мере была достигнута и раздачей товаров в кредит мервским туркменам. Ведь Мерв вел при посредстве среднеазиатских купцов торговлю с Россией, откуда поступали ткани, посуда и прочие предметы. Эта сторона пребывания коншинского каравана в Мерве осталась мало затронутой в донесении Алиханова, но рассмотрена в докладной записке Косыхи. Правда, Косыха остался недоволен торговой деятельностью каравана, которая шла «весьма вяло»; только часть товаров была продана за деньги, значительно больше было роздано в кредит. Косыха особенно жаловался на то, что в Мерве русские деньги еще не имели «силы ходячей монеты», и персидские краны ценились там значительно дороже, чем в самой Персии. В докладной записке Косыхи указывалось и на трудности сообщения с Мервом. Все эти соображения были совершенно справедливы с точки зрения интересов Коншинской мануфактуры или какой-либо другой московской фирмы, которая попыталась бы завести постоянную торговлю с Мервом; ведь коншинский караван дал только убытки. Вот почему призывы русских властей к Коншину о посылке нового каравана, чтобы «приучить мервцев к торговле и мирной жизни», остались безрезультатными [79]. Но сама по себе попытка начать торговлю с Мервом заслуживает внимания. Это и вызвало появление в «Московских ведомостях» статьи Николая Курова. По его мнению, целью посылки каравана было «занять Ахал-Текинский, Мервский и Хорасанский рынки, не отдать их в руки англичан» [80].

[79] Там же, л. 50, 18 марта 1882 г. — «Честь и слава Вам и вашему молодцу», — писал начальник отделения Коншину, величая Косыху обычным несколько презрительным названием торговых приказчиков того времени, хотя Косыха по смелости никак не уступал О'Донована.

Появление русских в Мерве произвело на местных туркмен большое впечатление. «Теперь, когда русские люди были в Мерве, можно считать Мерв наполовину покоренным» [81], — говорили текинцы. Выяснилась полная возможность установления торговых отношений Мерва с Ашхабадом, что и было тотчас учтено некоторыми мервскими туркменами. Комек-бай, ранее не живший в Ахале, построил в Ашхабаде дом с лавками, осмотрел построенный участок железной дороги и отправился в Бухару с небольшим караваном, нагруженным изделиями из железа и нефтепродуктами [82].

Торговля со Средней Азией, уже вошедшей в состав России, представляла собой гораздо большие выгоды для туркмен, чем торговля с Персией, непрерывно нарушавшаяся грабежами на дорогах и произволом персидских чиновников.

Раздача в долг мервским туркменам части товаров коншинского каравана представляется особенно целесообразным мероприятием для установления русского влияния в Мерве. Этим путем в торговлю с Россией были втянуты многие жители Мерва, что способствовало и распространению в оазисе русских монет. В Ашхабад Алиханов и Косыха вернулись 16 марта 1882 г.; в Москву Косыха возвратился только 25 мая.

Усиление в Мерве стремлений к соглашению с Россией

Непосредственным результатом появления русского каравана в Мерве было усиление прорусской группировки среди мервских туркмен. В Ашхабад отправлялись новые депутации из Мерва. Вместе с коншинским караваном в Ашхабад прибыла депутация от Майли-хана. В марте 1882 г. принял «клятвенное обещание» в верности Рос-

[80] «Московские ведомости», 31. VI. 1882.

[81] Фонд 1, оп. 2, д. 5159, л. 54. — Донесение Алиханова, 1882 г.; сообщение начальника Закаспийской области 27 июли 1882 г. в Главный штаб.

[82] Там же, л. 55.

сии от имени тохтамышских племен Кара-Кули-хан. Говоря о клятвенных условиях, принятых текинскими коленами отамыш и тохтамыш 26 марта 1882 г., П. Арбеков считает, что в то время был создан особый «институт ханов» этих племен, будто бы облегчивший царскому командованию овладение Мервом [83]. Но никакого «института ханов» ни тогда, ни позже не было создано. Мы видим в Мерве то четырех, то трех ханов, а Кара-Кули-хан даже занимал позицию, несколько враждебную по отношению к закаспийскому командованию. Один из мервских ханов, Махтум-Кули-хан, установил связь с русскими властями. Он имел чин майора милиции, а в июле 1883 г. ему возвратили саблю и револьвер, отобранные по возвращении из Мерва в Ашхабад. Возвращению оружия был придан характер особой «монаршей милости» [84].

Таким образом, вожди обоих колен текинцев Мерва признали свою зависимость от России задолго до того, как началось продвижение царских войск от Теджена к Мерву, чему английские газеты придавали значение военной демонстрации, заставившей мервских туркмен присоединиться к России. «Клятвенные условия», которые принимали туркмены, не заключали в себе полного признания господства России в Мервском оазисе. Они ограничивались обещаниями прекратить аламанство и не допускать враждебных действий против русских. Однако они были как бы переходной ступенью к признанию Мервом своей зависимости от России. Поэтому, сообщая об их принятии в Главный штаб, генерал Рерберг добавлял: «При этом я послал ханам приказание прочесть условия во всех аулах, дабы всякий мервец знал, что от них требуют. Ввиду начавшегося водворения внутреннего порядка в Мерве и торговли, договор этот, если не последует постороннего вмешательства, нарушающего последовательность наших сношений с Мервом, может иметь значение в будущем».

В мае 1882 г. мервские ханы снова повторили свои клятвенные обязательства [85]. Однако эти обещания при перемене

[83] «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 49.

[84] «Россия и Туркмения», стр. 222.

[85] Фонд 97, оп. 1, д. 70, лл. 67—68, 71, 73. См. подлинник «клятвенных обещаний» (там же).

обстановки в Мерве подчас теряли свое значение. Вскоре после заключения клятвенного условия с племенем векиль в составе новой депутации из Мерва оказались те же векильцы, которые сообщили, что не знают, кем были уполномочены их делегаты на заключение клятвенного условия, хотя и соглашались подписать его. Депутация из 43 человек предлагала заключать условия с отдельными обществами, т. е. селениями, а не родами, за которые в Мерве «никто отвечать не может».

Сторонника сближения с Россией выдавал себя Баба-хан, который приехал в Ашхабад вместе с 29 делегатами. В письме на арабском языке он писал генералу Рербергу: «Уважаемый генерал. Мы остались довольны оказанным нам уважением. Мы передали народу наш разговор. Народ говорит, что если наймете тысячу человек верховых и сто человек рассыльных, то примет ваше подданство, в противном случае не могут согласиться на ваше предложение. При сем отправили вам кетхудов Сардара и Таджа. Посылаем вам один компас. Абдурахман-хан вступил в Герат, сипах-салар приглашает к себе для переговоров, приехать к нему или нет?». Так Баба-хан осторожно напомнил об афганских (эмир Абдурахман-хан) и персидских (сипах-салар — наместник Хоросана) сношениях с Мервом.

Переговоры с Баба-ханом затянулись. Как сын Коушут-хана, фактически создавшего из Мерва особое владение, Баба-хан, видимо, стремился использовать царские войска для создания в Мерве самостоятельного ханства. Генерал Рерберг сообщал в Петербург, что Баба-хан отказался заключить письменное условие с русским командованием на том основании, «что власти над мервским народом в настоящее время не существует, что он ни за кого не может поручиться». Получив отказ в своих требованиях, Баба-хан вернулся в Мерв [86]. В марте 1882 г. он послал в Бухару своих представителей. Царское командование считало, что Баба-хан непопулярен в Мерве и устанавливает связь с Бухарой для интриг [87].

[86] Фонд 87, оп. 1, д. 70, л. 17.

[87] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 134 (Письмо в Петербург от 17 марта 1882 г.).

Среди мервских ханов в сущности не было сколько-нибудь сильного политика с определенными взглядами. Да и положение самих ханов было непрочным. Даже наиболее самостоятельный из них — Кара-Кули-хан находился под постоянной угрозой лишения ханского сана. Насколько непрочной была его позиция, видно из отношения Кара-Кули-хана к своему близкому родственнику Комек-баю — караван-баши коншинского каравана, использовавшему свои русские связи для организации торговли с Ашхабадом и Бухарой.

Кара-Кули-хан то угрожал Комек-баю смертью за помощь русскому каравану, то присылал к нему своего приближенного, требуя, чтобы караван-баши расхваливал его, Кара-Кули-хана, перед русскими.

Переговоры представителей царского командования с ханами иногда превращались в водевиль. Так, Махтум-Кули-хан заявлял на совещании Алиханова и Косыхи с мервскими туркменами, что прибывшие русские могут пробыть в Мерве «два или три базара», после чего им следует вернуться в Ашхабад с уполномоченными от Мерва. «Ответ очень хороший, вырвалось у меня», — рассказывает Алиханов. — «Хороший или не хороший, но он наш ответ», — возразил хан с особенным ударением к общему, по-видимому, удовольствию. Этот фарс был... необходим: в народе ходили толки о сочувственном отношении Махтум-Кули-хана к появлению здесь первых русских, и он действительно передал нам тайно накануне, что в собрании будет говорить некоторые вещи только для виду».

Махтум-Кули-хан готов был взять на себя роль посредника и представителя мервских туркмен. Вскоре после возвращения коншинского каравана в Ашхабад, Махтум-Кули-хан требовал расширения своих полномочий, надеясь занять такое же видное положение, как и его отец Нур-Верды-хан. Махтум-Кули-хан просил командующего войсками Закаспийской области предоставить ему власть над народом, «чтобы никто из текинцев не вмешивался в дела народа, просил дать ему царскую грамоту на свободу». Махтум-Кули-хан поступал, как и другой претендент на ханскую власть в Мерве — Баба-хан, сын Коушут-хана, настаивавший на найме тысячи верхо-

вых и ста рассыльных, явно подражая своему отцу [88]. Оба ханских письма были написаны в связи с какими-то переговорами, которые Алиханов втайне вел во время своего пребывания в Мерве, раздавая обещания ханам и не заботясь об их выполнении.

Сношения Махтум-Кули-хана и Баба-хана с представителями русского командования в Ашхабаде имели большое значение для дальнейших событий. Ведь Махтум-Кули-хан и Баба-хан были сыновьями двух виднейших туркменских ханов, об авторитете которых даже позднейшие сведения сообщали следующее: «Из всех ханских родов туркмены признают настоящими и родовыми только два: именно род Нур-Верды-хана и род Коушут-хана» [89].

Вопрос о присоединении Мерва к России был фактически уже решен, и только иностранное вмешательство оттянуло присоединение Мервского оазиса к России еще на год, вызвав новые политические осложнения в Мерве.

Новые политические осложнения

Положение в Мерве осложнилось в конце 1882 г., когда некоторые мелкие царские отряды потерпели урон от мервских аламанщиков. По свидетельству Алиханова, аламанство в Туркмении оживилось в 1882 г., «а в следующем оно приняло размеры просто небывалые». На грабежи начали выезжать из Мерва партии иногда до тысячи и более всадников [90].

Нападения совершались главным образом на персидскую территорию, но отдельные отряды делали набеги и на территорию, находившуюся под контролем русских властей. Безнаказанность аламанщиков способствовала тому, что в Мерве усилились группировки, враждебные России, тем более что одним из условий соглашения с Россией было прекращение аламанства. О таких настроениях в Мерве свидетельствует сообщение из Каахки, согласно которому «в Мерве неспокойные подняли голову... Мервские нукеры всех племен будут

---

[88] П. Арбеков, *Захват Мерва*, — «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 50.

[89] Фонд 1, оп. 2, д. 5087, лл. 9—11.

[90] Алиханов-Аварский, *Закаспийские воспоминания*, — «Вестник Европы», М., 1904, сентябрь, стр. 93.

подчинены Кара-Кули-хану, который будет ханом для всего Мерва» [91].

К этому времени относятся и новые попытки английских агентов вмешаться в туркменские дела. Еще в апреле 1882 г., по сведениям Министерства иностранных дел, английский полковник Стюарт направился в Мерв «для переговоров с туркменами».

Несколько позже другой английский агент, Стивенс, завел переписку со старшинами Мерва, Иолотана и Теджена, предлагая им принять «покровительство Англии» [92].

В конце 1882 г. в Мерве появились четыре английских тайных агента под видом турецких подданных, побывавших в Мекке. Из Мерва они перешли к сарыкам в Пендинский оазис. Тогда же из Герата в Мерв приезжал посланный от английского агента текинец Чабан-Азиз-оглы. «Эти два случая, — писал коммерческий агент России в Мешхеде Насырбеков, — как сообщают мне из Мерва, повлияли на текинцев настолько, что они теперь в душе не чувствуют больше той осторожности и повиновения, с которыми они относились прежде» [93].

В январе 1883 г. Насырбеков сообщал, что Стивенс, секретарь английской миссии в Тегеране, пытался получить в Мешхеде заем у торгующих там афганских купцов, но не нашел у них достаточно денег. Со Стивенсом ехал английский агент в Мешхеде Мирза-Аббас-хан. «Для чего он занимает деньги и на какую цель намерен употребить их, неизвестно, — писал Насырбеков, — однако, судя по нахождению при нем в служении текинцев, представляется мысль, что может быть для употребления на возбуждение текинцев Мерва против нас...» Предполагалось, что Мирза-Аббас-хан поедет в Мерв, а Стивенс прямо на Атек [94]. В ответ на это сообщение генерал Рерберг отправил в Мерв к Махтум-Кули-хану и в Каахку к старшине Сеиду-Назар-юзбаши требование не принимать англичан.

[91] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 143. — Сообщение от 30 ноября 1882 г.

[92] Фонд 1, оп. 2, д. 437, лл. 24—26, 37. — Сообщение от 1 марта 1883 г.

[93] Фонд 1, оп. 2, д. 5178, лл. 19—21. — Сообщение от 9 января 1883 г.

[94] Фонд 1, оп. 2, д. 437, лл. 19—21 (по старой нумерации д. 5178). — «По сообщениям о прибытии в Мерв англичан», 1883—1885 гг., письмо от 9 января.

Однако в Министерстве иностранных дел считали крайне нежелательным вступать в конфликт с Англией. Поэтому в Петербурге отклонили предложение Рерберга об аресте Стивенса и распорядились обращаться с ним «как с путешественником», но стараться не допустить его в Мерв. Мирза-Аббас-хан и два англичанина при двух конвойных 26 января 1883 г. прибыли в Серахс. По донесению Сеид-Назар-юзбаши из Каахки, «английский бояр» приехал в Серахс с 30 всадниками. Всего же в караване Стивенса насчитывалось 70—80 человек.

Мирза-Аббас-хан и англичане предполагали ехать к сарыкам, а затем в Мерв, но по дороге из Зейраба (вероятно, Зерабада) на них напал соединенный отряд мервских и серахских аламанщиков. Из конвоя путешественников было убито 9 и ранено 12 человек. Английский агент спасся бегством в Серахс, а оттуда в Чаачу и в Келат [95].

История с «английским бояром» напоминает скорее оперетку, чем серьезное политическое предприятие, показывая, какая анархия царила тогда в Мервском (Марыйском) оазисе. Тем не менее бегство «английского бояра» сильно подорвало в Мерве позиции сторонников соглашения с Англией. В то же время заметно усилилась деятельность хивинского «тату» и его сторонников. Вскоре после неудачной экспедиции Стивенса в Ашхабаде было получено письмо из Мерва от Махтум-Кули-хана с сообщением о наличии там двух групп: одна поддерживает русских, говоря, что «они суть нукеры великого генерала в Асхабаде», другая во главе с Кара-Кули-ханом враждебна русским. Противником русских письмо называло также хивинского «правителя» Рахман-бая, раздававшего по 5—10 теньги (хивинские деньги) своим сторонникам. Махтум-Кули-хан писал: «Хивинец Рахман-бай-тат отправился в Иолотан к сарыкскому Сары-хану, где, переговорившись с сарыками, поставил племянника своего предводителем на Иолотане. На Иолотане имеется один англичанин с тремя товарищами, с которыми Рахман-бай ночью секретно имел разговор, но в чем

[95] Там же, лл. 19—21.

заключался этот разговор, неизвестно». Махтум-Кули-хан сообщал также, что Кара-Кули-хан получает через своих людей сведения из Ашхабада [96].

Пользуясь своим влиянием в Мерве, Махтум-Кули-хан добился отправки в Ашхабад письма, под которым подписалось пятьдесят мервских туркмен. В письме заявлялось: «Мы, большие и малые племена отамыш и тохтамыш, подтвердив слова Махтум-Кули-хана, остаемся подданными Его Величеству Государю Императору... Между тем несколько человек из дурных людей, искав себе помощь, хотят правителя из Хивы... Затем, если Вы найдете нужным командировать сюда одного благонадежного человека, то это было бы причиною исправления дурных людей и упрочения дела» [97]. К числу этих «дурных людей» принадлежал, согласно письму, Кара-Кули-хан. Он совместно с Рахим-баем послал в Хиву «просить правителя» у хивинского хана или у «ярым-падишаха» (туркестанского генерал-губернатора).

Сообщение Махтум-Кули-хана было направлено прежде всего против его соперника Кара-Кули-хана. Это внушает мысль, что дело шло не столько о враждебности последнего к России, сколько о разных ориентациях мервских ханов. Упорное стремление Кара-Кули-хана связаться с хивинским ханом и «ярым-падишахом» показывает, что и туркестанский генерал-губернатор не прочь был приложить свои руки к «умиротворению» Мерва в пику начальнику Закаспийской области, тогда как ашхабадские власти вовсе не были склонны передавать свои функции по сношению с Мервом в чужие руки. Такое предположение находит подтверждение в книге Лэнсделла, о которой говорилось выше. Он сообщает (это относится примерно к ноябрю 1882 г.), что 100 человек пришли в Хиву из Мерва просить хана управлять ими. Хивинский хан преподнес подарки прибывшим и послал их в Петро-Александровск к русским властям, которые их приняли. Лэнсделл пишет, что в газетах в начале мая сообщалось, будто спустя шесть месяцев пришло другое посольство из Мерва от Кара-Кули-хана,

[96] Там же.

[97] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 264—265.— Письмо было получено 28 февраля 1883 г.

главы рода бек, который узнал о приезде генерала Черняева в Хиву и послал к нему гонца, добиваясь присылки представителя Хивы для управления туркменами. Кара-Кули-хан будто бы был сильнейшим и наиболее признанным вождем в стране. Он добился, по Лэнсделлу, большого авторитета благодаря участию в набегах (by his forays), раньше чем стал политическим вождем. Его набеги были прославлены во всей степи и даже в Хиве [98].

В дальнейшем Кара-Кули-хан не проявил себя врагом присоединения Мерва к России, видимо, прекрасно сознавая неизбежность этого. После занятия Мерва царским отрядом он остался жить в Мерве. Однако Кара-Кули-хан и хивинский правитель не прочь были поинтриговать, опираясь на помощь «ярым-падишаха», т. е. «полугосударя», как переводит это слово Алиханов.

В этом свете интересно и другое сообщение, полученное в Ашхабаде от Юсуф-хана, сводного брата Махтума-Кули-хана. Он писал, что мервцы привели из Хивы правителя Бабаджан-бека, а сарыкцы — другого и что при хивинском правителе находятся два англичанина, которые отправляются в Мешхед, а из Герата на Мургаб пришли 200 афганцев [99]. В письме Юсуф-хана, как мы видим, переплетаются слухи о прибытии хивинских «правителей», англичан и афганцев, хотя интересы Хивинского ханства и Афганистана в Средней Азии были совершенно противоположны.

Алиханов подтверждает, однако, что Кара-Кули-хан и хивинский правитель, с одной стороны, и генерал Черняев, с другой — не только поддерживали связь между собой, но и вели подготовку к подчинению Мерва хивинскому хану. Прибыв в Мерв в начале 1884 г., Алиханов обнаружил в нем хивинского «правителя» Атаджан-бая, имя которого сходно с упомянутым в письме Юсуф-хана именем Бабаджан-бека. Мы не беремся устанавливать, одно ли это лицо с Атаджан-баем или нет, да это и неважно для нашего повествования. Важнее отметить, что «хивинский хан назначил, а случившийся в Петро-Александровске генерал Черняев утвердил Атаджан-бая

[98] H. Lansdell, *Russian Central Asia,* vol. II, pp. 487—488.

[99] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 339.— Получено письмо 15 мая 1883 г.

правителем Мерва»[100]. Алиханов был крайне поражен, когда «правитель» предъявил ему бумагу на джагатайском языке, в которой хивинский хан назначал «хакимом» в Мерв упомянутого Атаджан-бая. Еще более был поражен Алиханов, увидя печать и подпись генерал-лейтенанта Черняева с резолюцией: «Утверждаю Атаджан-бая правителем Мерва»[101].

Попытка хивинских властей утвердиться в Мерве фактически вела к присоединению Мерва к России, но на крайне невыгодных условиях для туркмен, так как Мервский оазис в этом случае становился вассальным владением Хивинского ханства, подчинявшегося России, но сохранявшего под защитой царских войск все черты восточной деспотии со всеми ее ужасами. Непосредственное присоединение Мерва к России, несмотря на колониальный характер управления царского правительства, было более выгодным для туркмен, чем господство хивинского хана.

Тревожное положение в Мерве усугублялось усилением деятельности афганского эмира и стоявших за его спиной английских генералов. В марте 1883 г. старшина в Каахке сообщил, что салор, прибывший из Кабула в Герат, рассказывал, будто бы английские войска пошли из Индостана на Кабул для борьбы с русскими на афганской границе. Он добавлял, что будто бы эмиру Абдурахман-хану высланы деньги на 33 слонах. Такой слух распространялся как среди сарыков, так и текинцев Мерва.

Живший среди сарыков в Пенде некий Молла-Аллах-Назар-ишан сообщал в мае 1883 г. Махтум-Кули-хану: «Правитель Герата вместе с Азис-сардаром (он из мервских текинцев — брат тедженского аксакала Эвез-сардара) отправился в Кафыр-Кала к английским войскам. По приказанию афганского эмира Абдурахман-хана, джернель (начальник) с 1000 сарбазами приехал на Мургаб и остановился там». О том же писал старшина сарыков в Пенде: «После премногих поклонов заявляю Вам, что афганцы, будучи нукерами Англии, поселили выше нас на Мургаб из племен джемшид, хезаре и пурус-клой, через что мы, сарыки, находимся в тревожном и беспокойственном положении. Во-первых, мы мусульмане, во-вторых, из происхождения Гусейн-хана, и, в-третьих, отамыш, тохтамыш и ялкамыш суть три брата, из коих старшие отамыш и тохтамыш. И ввиду этого и по долгу милосердия к кровным родственникам мы надеемся на Вас, чтобы Вы каким бы то ни было путем распоряжения взяли нас под свое начальство, по мере возможности быть причиною избавления нас от жестокостей афганцев и англичан»[102].

Тревожное состояние в Мерве усиливалось еще участившимися случаями нападений на русские отряды, жертвой чего явился, в частности, топограф Парфенов[103]. Политическое положение в Мерве еще более осложнилось после того, как Махтум-Кули-хан покинул Мерв и отправился с туркменской делегацией представляться Александру III. Это событие вызвало недовольство среди некоторых туркмен и нечто вроде «правительственного переворота», если можно говорить о «перевороте» там, где фактически не было единого правительства. О том, что произошло в Мерве, имеется интересное сообщение из Каахки, старшина которой, как мы знаем, был агентом царского командования в Ашхабаде. После того как Махтум-Кули-хан «к вам приехал, — читаем в сообщении, — весь мервский народ собрался и выбрал в ханы Каджар-Топаза и сына Балкары-хана».

Напомним, что Топаз-Каджар-хан считался сторонником Сиях-Пуша. Эти события опровергают версию о том, что Сиях-Пуш был агентом свергнутого афганского эмира Эйюб-хана, так как причиной такого поворота в настроении мервских туркмен был приезд из Афганистана в Мерв 10—12 всадников для набора мервцев в нукеры, т. е. на военную службу афган-

[100] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 109.

[101] Там же, стр. 106—107. — Документы о сношениях хивинского хана с туркестанским генерал-губернатором напечатаны в сб. «Россия и Туркмения», стр. 214—216.

[102] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 341, 343. — Оба сообщения получены 17 мая 1883 г.

[103] См. «Московские ведомости», 14. III. 1883. — «Сообщается о казни, произведенной 16 февраля мервца сердаря Берды-Абу, осужденного 14 февраля в Асхабаде полевым военным судом за нападение на топографа Парфенова и об утверждении приговора и ссылке в каторжные работы без срока его соучастника и приближенного нохура Аман-Дурды».

скому эмиру Абдурахману, врагу Эйюб-хана. «Вследствие этого мервцы, поставив во главе народа Каджар-хана, нанимают нукеров, говоря, что их хан есть Абдурахман-хан», — сообщали из Каахки 29 апреля 1883 г.

На активизацию деятельности Абдурахман-хана в Средней Азии жаловалось и Министерство иностранных дел в записке, врученной английскому послу в Петербурге в декабре 1883 г. В ней говорилось, что отряд кавалерии Абдурахман-хана собран на левом берегу Аму-Дарьи, вооруженные суда ходят по этой реке и всадники несколько раз даже переправлялись через Аму-Дарью [104]. Однако уже через несколько месяцев, 1 января 1884 г., произошел генгеш, провозгласивший присоединение Мерва к России. Что же именно подтолкнуло туркмен к принятию окончательного решения о присоединении к России? Ответ на этот вопрос мы найдем в обстоятельствах, предшествовавших генгешу.

[104] «Афганское разграничение», ч. II, стр. 29.

Глава IV

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЕРВА (МАРЫ) К РОССИИ

Объяснение причин присоединения Мерва к России в исторической литературе

События, приведшие к присоединению Мерва к России, М. А. Терентьев рисует следующим образом. Путешествие персидского шаха по Хоросану, предпринятое им с громадным конвоем, было будто бы принято туркменами за начало военной экспедиции против Мерва. Туркмены решили предупредить персов и направили в Персию шайки аламанов. Приверженцы России в Мерве пострадали от аламанов и обратились за помощью в Ашхабад. Новый начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А. В. Комаров [1] в ответ двинул на Теджен отряд, занявший развалины крепости Карры-Бента. Навстречу царскому отряду вышла делегация мервцев [2]. Это произошло в конце 1883 г., а 31 января 1884 г. в Ашхабад прибыли все четыре хана Мерва с делегацией из 24 «почетных мервцев» и приняли подданство России от имени туркмен Мерва. Через месяц в Мерв был двинут царский отряд, который встретил небольшое сопротивление мервцев во главе с Каджар-ханом.

Изложение событий в Мерве М. А. Терентьевым показывает, что он пользовался недоброкачественными материалами при описании присоединения Мервского оазиса к России. Приблизительно такое же изложение хода событий в Мерве было помещено в английских и индийских газетах, на основании которых Лэнсделл сообщает следующее (его рассказ напеча-

[1] Александр Виссарионович Комаров был начальником Закаспийской области в 1883—1890 гг.

[2] М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, СПб., 1906, стр. 242—245.

тан в 1885 г.): в ноябре 1883 г. пограничные персы, страдая от набегов мервцев, обратились за помощью к генералу Комарову, который послал войска запугать мервцев, но с приказанием остановиться в 100 милях от Мерва, пока Алиханов с небольшим отрядом войдет в Мерв с письмом к одному из ханов. Алиханов должен был требовать подчинения волнующихся мервцев на условиях, что они откажутся в будущем от рабства, освободят своих рабов и отдадут добычу, захваченную в Персии. Мервцы согласились и освободили между прочим 37 русских подданных. Далее, представители Мерва сопровождали Алиханова при его возвращении и объявили о своем подчинении России. Через несколько месяцев после этого, согласно индийским известиям, еще до того как представители Мерва вернулись, некие ханы Баба и Каджар отказались «изъявить покорность». Когда русские приблизились опять, чтобы вступить во владение Мервом, они держались, как и раньше, на расстоянии и вызвали этих недовольных. Баба-хану был послан халат и 600 туманов; то же было предложено Каджар-хану, который не принял подарка и вступил в борьбу с русскими войсками, но после нескольких стычек, когда дальнейшее сопротивление стало бесполезным, приверженцы Каджар-хана бежали [3].

В приведенном сообщении привлекает внимание указание на обращение населения пограничных с Персией районов к генералу Комарову за помощью и на то, что противником присоединения Мерва к России был Каджар-хан. Однако рассказ Лэнсделла носит общий характер и в сущности дает понятие только о некоторых событиях, сопровождавших вступление русских войск в Мерв, выпячивая деятельность Каджар-хана, возглавлявшего враждебную России группировку.

Как видим, русские военные авторы, подобные М. А. Терентьеву, выдвигали на первый план чисто военные причины, побудившие мервских туркмен отказаться от бесполезного якобы сопротивления русским войскам. Английские авторы, подобные Лэнсделлу, также стремились подчеркнуть, что Мерв был фактически оккупирован русскими войсками. Таким образом, и русские военные писатели и английские публицисты отмечали решающую роль военной силы.

[3] H. Lansdell, *Russian Central Asia*, vol. II, London, 1885, pp. 484—488.

Но у нас есть и третий, официальный источник сведений о присоединении Мерва к России. Это записка о Мерве, приложенная к ответу статс-секретаря Гирса от 17 марта 1884 г. на ноту английского посла. В этой записке сообщается, что отряд, посланный к Карры-Бенту, был выдвинут «для предостережения мервцев». Военная демонстрация «заставила мервцев подумать о последствиях их образа действий. Собравшись на совет, главные предводители их решили лично отправиться в Карры-Бент для заявления начальнику отряда нашего, что мервцы признали свою неспособность к самостоятельному управлению и что они ходатайствуют перед правительством государя императора о присылке в Мерв русского должностного лица для водворения там порядка и безопасности» [4].

Таким образом, в отличие от Терентьева и Лэнсделла официальная правительственная версия выдвигала уже не военную демонстрацию, а обращение мервцев к царю с просьбой навести у них порядок. При этом сознательно умалчивалось, что обращение было поддержано собранием представителей, ибо такая форма его явно противоречила самодержавным приемам управления Российской империей, где всячески избегали даже упоминания о представительной системе управления, хотя бы в виде представителей родовой знати. К тому же российское Министерство иностранных дел признавало, что «для нас самих добровольное подчинение мервцев было событием столь же неожиданным, как и для Англии». Это признание императорскими дипломатами своей неосведомленности в среднеазиатских делах было продиктовано не только желанием оправдаться перед английским кабинетом в нарушении обещания не занимать Мерв, но и соответствовало действительности, так как постановление генгеша от 1 января 1884 г. и на самом деле быстро разрешило вопрос о присоединении Мерва к России.

Попытка объяснить неожиданно быстрое присоединение

[4] «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885», СПб., 1886, ч. II, стр. 57.

Мервского оазиса к России была сделана 29 лет тому назад П. Арбековым в его статье «Захват Мерва», напечатанной в 1931 г. Статье предшествует набранное крупным шрифтом краткое предисловие такого характера: «В январе этого года исполнилось 50 лет со времени захвата царским правительством Туркмении. Публикуемые документы опровергают сообщения историков в погонах, рисовавших захват Мерва, как добровольное признание мервскими туркменами власти „белого царя"». Уже в предисловии заключено недоразумение: так, «историки в погонах», т. е. царские генералы, как раз больше всего напирали на то, что именно военная демонстрация на Теджене повлекла за собой занятие Мерва русскими войсками.

Но в погоне за сенсацией автор статьи делает и другие ошибки, ссылаясь при этом на документы архива в Ашхабаде. Он устанавливает «следующие моменты поглощения Мерва: 1) предварительная разведка через влиятельных туркмен, уже подкупленных правительством, — Махтум-Кули-хана и др.; 2) организованная рекогносцировка — посылка каравана Коншина с двумя разведчиками-офицерами; 3) заключение договоров с родовыми вождями; 4) создание института ханов племени отамыш и тохтамыш; 5) назначение под давлением Петербурга хивинским ханом правителя Мерва Юсуф-бая; 6) действие отряда полковника Муратова и захват Мерва» [5].

На первый взгляд перед нами ясная схема, которая подкрепляется ссылками на соответствующие архивные источники. В действительности же она основана на случайных документах и на полном игнорировании печатной литературы по истории присоединения Средней Азии к России. Так, никакого «создания институтов ханов племен отамыш и тохтамыш» не было. Два колена текинцев отамыш и тохтамыш существовали задолго до появления царских войск в Туркмении, а четыре мервских хана являлись представителями четырех родов мервских текинцев.

Совсем анекдотично звучит пункт 5 схемы Арбекова о давлении Петербурга на хивинского хана и назначении Юсуф-бая правителем в Мерв. Юсуф-бай умер задолго до занятия Мерва

[5] «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 47—52.

царскими войсками и скорее тормозил присоединение Мерва к России, чем способствовал ему.

Статья П. Арбекова кончается сообщением, что 1 декабря 1884 г. (?) к Мерву подошел отряд Муратова, заставивший ханов безоговорочно признать власть «белого царя». Дата «1 декабря 1884 г.» является, видимо, простой опечаткой (вместо 1 декабря 1883 г.), но даже и с такой поправкой сообщение П. Арбекова остается неверным. Как ниже будет видно, отряд в первой декаде декабря 1883 г. появился на Теджене, отделенном от Мерва пустынным участком в 120 верст (по расчетам Алиханова). Здесь отряд стоял, не двигаясь дальше к Мерву. Таким образом, выводы П. Арбекова относительно причин присоединения Мервского оазиса к России основаны на игнорировании им ряда фактов.

События, приведшие к присоединению Мерва к России, кратко изложены и в «Истории Туркменской ССР», но, к сожалению, не без некоторых фактических неточностей [6].

Положение в Мерве и на Теджене в конце 1883 г.

Присоединение Мары (Мерва) к России в конечном итоге было для мервских туркмен наилучшим выходом из того тяжелого положения, в каком Мервский оазис находился в течение трех лет.

После присоединения Ахал-Теке к России в Мервском оазисе все более развивалось состояние анархии. Косыха прямо заявлял, что в Мерве «царит полная анархия», что ханам подчиняются только во время войны и аламанства, в обычное же время ханы «в сущности ничего не значат» [7].

К концу 1883 г. набеги мервских и сарыкских аламанщиков на соседние районы приняли угрожающие размеры. При набеге на персидскую крепость Янгы-кала аламанщики угнали, например, 600 баранов [8]. В ноябре 1883 г. распространи-

[6] «История Туркменской ССР», т. I, кн. II, Ашхабад, 1957, стр. 130—135.

[7] «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца, Ашхабад, 1946 (далее —«Россия и Туркмения»).

[8] П. Арбеков, *Захват Мерва*,— «Туркменоведение», 1931, № 1—2. стр. 51.

лись слухи о формировании громадного отряда аламанщиков в 7 тыс. человек, который будто бы предполагал напасть на Дерегез и Келат. Местом формирования отряда в донесении царского политического агента в Дерегезе указывался Таникон, вблизи Карры-Бента на Теджене [9].

Борьба с аламанством явилась удобным предлогом для выдвижения царского отряда на Теджен, но не следует забывать и о действительном ущербе, который аламанство наносило самому Мерву. Между тем положение Мерва как области, фактически ни от кого не зависевшей, способствовало развитию аламанства. Грабежи, обогащавшие главным образом вожаков аламанов, т. е. наиболее реакционные слои туркменской верхушки, наносили ущерб бедному населению, мешали нормальной обработке полей и садов, нарушали торговые связи и создавали атмосферу постоянной необеспеченности населения. Среди оседлых туркмен Теджена и Мерва, естественно, крепли стремления к прекращению анархии в стране путем ее присоединения к России. Об этом говорили с достаточной ясностью и сами туркмены. В январе 1883 г. старшина Каахки, сообщая о приготовлениях к войне с Россией в Герате, добавлял: «Хотя в Мерве бедный класс народа и баи, занимающиеся лишь хозяйством и скотоводством, не желают быть во враждебных отношениях с русскими, кетхуды как должностные лица, управляющие разными обществами, и аламанщики, предпочитающие ремесло разбойничества, думают быть во вражде с русскими». Старшина пессимистически добавлял, что «в конце концов мервцы не обойдутся без боя» [10], т. е. без столкновения с царскими войсками.

В конце 1883 г. положение в Мерве осложнилось еще больше. В ноябре этого года каахкинский старшина требовал посылки к нему конных казаков или сотни берданок для защиты от нападения мервцев [11]. Один из русских сторонников в Мерве [12] доносил 17 ноября 1883 г., что почти каждый день получается бумага из Хивы, что Мерв уступлен белым царем Хиве.

[9] Дело 8319 (по старой нумерации). — О собирании слухов.
[10] Фонд 1, оп. 5, д. 437 (по старой нумерации д. 5178), л. 77.
[11] Фонд 1, оп. 5, д. 435 (по старой нумерации д. 5160), л. 310.
[12] Это был Сары-батыр из рода бахши.

Разноречивые слухи сбивали с толку текинцев Мерва. За спиной сторонников различных ориентаций в действительности стояли определенные мервские старшины, а исконные аламанщики пользовались благоприятной ситуацией для грабежей и насилий.

Невыносимое положение, создавшееся в Мерве, заставляло мервских земледельцев (дехкан) искать убежища от произвола старшин и непрерывного аламанства в более безопасных местах, побуждая их к массовому переселению в Тедженский оазис, старшина которого открыто признавал власть России и обращался к русскому командованию в Ашхабаде за помощью и указаниями.

Еще в начале 1883 г. тедженский аксакал Гаким-хан сообщил в Ашхабад, что тедженцы выбрали его ханом и выделили ему в помощь 5—6 верховых. Выборы в ханы прошли не совсем гладко, ими были недовольны мервские «саллах-дехкане», занявшие земли на Теджене для обработки. Переселение мервцев на тедженские земли вызвало конфликт между местным населением и пришельцами. В связи с этим на Теджене и возникло напряженное положение.

Генерал Рерберг предложил дать визу [13] «честным» саллах-дехканам, а неповинующихся арестовывать и посылать в Ашхабад. В справке о занятии саллах-дехканами места под посевы на Теджене дехкане характеризовались как «беспокойный элемент населения», перекочевки которых следовало бы запретить. Но когда Гаким-хан просил заступиться за бедняков-дехкан на Теджене, генерал Рерберг ответил, что он распорядился их не притеснять. В новом своем письме Гаким-хан сообщил, что дехкане получили землю и воду и остались довольны, что караван-баши Аллаверды едет в Ашхабад с пятью верблюдами для продажи пшеницы.

Из переписки командующего войсками в Закаспийской области с тедженским ханом видно, что Теджен в 1883 г. фактически признавал уже главенство России. Таким образом, появление русских войск на Теджене не было внезапной военной демонстрацией.

[13] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, лл. 200—242.

Вместе с тем вырисовывается и та общественная среда, которая поддерживала стремление присоединиться к России. Это в первую очередь дехкане, готовые покинуть плодородные земли Мерва, чтобы спастись от аламанства и произвола, те самые чомуры, беднейший слой туркменского населения, страдавший от произвола и грабежа ханов и их дружинников.

К концу 1883 г. все яснее стало определяться положение Мервского оазиса на международной арене. Большое впечатление в Мерве произвела встреча нового командующего войсками в Закаспийской области генерала Комарова с персидским шахом. Она состоялась 13 июля 1883 г. в Буджнаурде [14] и опровергла слухи о возможной поддержке Мерва со стороны Персии. Во время движения отряда Муратова, посланного на Теджен, в Ашхабад прибыл специальный представитель персидского правительства, и в Мерве распространились слухи о предстоящем прибытии персидских войск для похода «на мервцев» [15].

В самом Мервском оазисе царила крайне сложная обстановка. Туркменские старшины и ханы метались в разные стороны, надеясь найти опору у соседних государств. Майли-хан в письме из Мерва (в феврале 1883 г.) сообщал, что прибывший из Хивы правитель потребовал предоставить ему право приговаривать к смертной казни, с чем согласились некоторые старшины. Таким образом, приезд хивинского правителя Бабаджан-бека привел к совершенно обратным результатам, чем предполагали чиновники Туркестанского генерал-губернаторства. Правитель смотрел на Мерв как на часть Хивинского ханства и пытался обложить местное население, вообще не знавшее налогов и повинностей, тяжелыми податями. Результатом этого было усиление среди части туркменских старшин проанглийской ориентации. Майли-хан сообщал слухи об англичанине (по-видимому, Стивенсе), прибывшем в Серахс, и добавлял: «Если англичанин прибудет в Мерв и раздаст денег текинцам, то они будут к вам во вражде». Сам же он за-

[14] Фонд 1, оп. 5, д. 607, лл. 66, 67.— В документе сказано «прием был... почетным».

[15] П. Арбеков. *Захват Мерва*,— «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 51—52.

являл о преданности России: «кроме генерала, другого начальника не имею и никому нукером не буду, кроме вас».

Подобные заверения в определенной степени показательны для настроения мервских ханов. Не менее показательно и то, что еще генерал Рерберг санкционировал поселение на Теджене Баба-хана [16], того самого, которого Лэнсделл изображал заклятым врагом России. Тедженский оазис все больше становился убежищем для мервских туркмен, почему-либо недовольных положением дел в Мерве.

Царское командование ожидало наибольшего сопротивления от ханов, которым присоединение Мерва к России угрожало потерей их политического влияния. Командование рассчитывало привлечь их на свою сторону путем подкупа. Уже в конце 1882 г. генерал Рерберг секретно предлагал «в видах прекращения грабежей и для получения возможности продвинуть необходимость занятия Мерва» назначить содержание четырем мервским ханам в размере 2400 руб. в год каждому [17]. Предложение Рерберга было принято российским правительством и осуществлено после занятия Мерва, хотя и встретило вначале противодействие туркестанского генерал-губернатора, находившего такое мероприятие «вредным» [18].

Большинство мервских ханов уже к концу 1883 г. перешло на сторону России. Было сломлено сопротивление реакционной старшинской верхушки, заинтересованной в аламанстве и работорговле. Чомуры же, как мы видели выше, вовсе не были заинтересованы в отстаивании привилегий старшин в Мерве. Не были популярны среди туркмен и призывы к священной войне против русских.

Ко времени присоединения Мерва к России сильно развились торговые связи Мерва с Ашхабадом. Прямым следствием организации коншинского каравана явилось открытие склада Коншиных в Ашхабаде с товарами на солидную сумму в 400 тыс. руб. Мервские купцы стали посещать Ашхабад, доставляя туда свои и бухарские товары [19].

[16] Фонд 1, оп. 2, д. 8318, л. 237.

[17] Там же, л. 179.

[18] «Россия и Туркмения», стр. 220.

[19] Там же, стр. 217.

Необходим был повод к тому, чтобы мервские туркмены высказались за присоединение Мерва к России. Таким поводом послужило появление небольшого царского отряда на Теджене.

Занятие царскими войсками Теджена и поездка Алиханова в Мерв

Занятие Тедженского оазиса царскими войсками явилось ответом на нападение аламанщиков на русский топографический отряд. По требованию генерала Комарова, глава аламанщиков был выдан мервцами и казнен. Вслед за тем небольшой отряд прибыл в Тедженский оазис, фактически уже присоединенный к России.

Царский отряд направился на Теджен в ноябре 1883 г. Начальником отряда был командир Таманского полка полковник А. Муратов, начальником полкового штаба — полковник Закржевский, должность отрядного адъютанта занимал Алиханов. Переводчиками при отряде служили князь Маргани и Плиев. Весь отряд состоял из сводного батальона закаспийских стрелков, двух сотен казаков Таманского полка и 20 туркменских джигитов. Отряд имел на вооружении четыре горных орудия. Хотя Алиханов и называет этот отряд «солидной демонстративной колонной», на самом деле силы отряда были совершенно недостаточны для занятия Мервского оазиса, если бы местное население решило оказать серьезное сопротивление. Вспомним, что войска Скобелева насчитывали около 10 тыс. человек. Не приходится говорить, что отряд Муратова, названный тут же самим Алихановым «маленьким», не являлся серьезной угрозой для Мерва. Таким образом, в отличие от экспедиционной армии Скобелева на Теджен был выдвинут незначительный разведывательный отряд. Уже это опровергает версию о военном захвате оазиса. Без согласия самих туркмен нельзя было занять Мерв. К тому же Министерство иностранных дел упорно призывало избегать какого-либо применения вооруженной силы: «Следует действовать путем убеждений и внушений» [20].

Отряд Муратова в начале декабря 1883 г. дошел до Теджена и расположился у плотины Карры-Бент. По словам Алиханова, главной целью, поставленной перед отрядом, была демонстрация. Полковник Муратов получил такое предписание от начальника области: «По прибытии отряда на Теджен отправить в Мерв с несколькими джигитами переводчика, который должен предъявить тамошним властям наше требование о прекращении аламанства и о выдаче 14 пленных персов, захваченных мервцами во время последнего их набега на Хорасан» [21].

С занятием Тедженского оазиса участь соседнего Мерва была решена. Уже 15 декабря 1883 г. Махтум-Кули-хан писал о настроениях в Мерве: «Большинство жителей говорит: в случае прибытия наших войск исполнять всякое приказание их, а меньшинство, чтобы не исполнять их приказаний». В тот же день полковник Муратов сообщал из Каахки: «В Мерве уже знают о движении русского отряда, идущего, по дошедшим туда слухам, совместно с войсками шаха. Известие это произвело в оазисе переполох, равносильный панике. Положительно все аламаны вернулись домой, исключая мелких партий в 3—4 человека... Вообще движению отряда придается большое значение» [22].

В первой декаде декабря отряд утвердился на Теджене, куда текинские ханы доставили продовольствие [23]. Дальнейшее движение отряда было приостановлено, так как, по распоряжению командующего войсками Закаспийской области, «переход за Теджен строжайше запрещен без особого на то разрешения» [24].

К сожалению, официальные документы плохо отразили события в Мерве в период с ноября 1883 г. по март 1884 г. За описаниями различных торжеств скрываются внутренние сдвиги в Мерве, приведшие к постановлению генгеша о присоединении к России. Этот недостаток отчасти восполняется воспоминаниями Алиханова.

Перед нами любопытный источник. В нем события, проис-

---

[20] Фонд, 1, оп. 2, д. 8318, л. 178.

[21] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 95.

[22] Фонд 1, оп. 2, д. 8319, л. 185.

[23] Дело 9495 (по старой нумерации). — Сообщение в Ашхабад от 21 декабря 1883 г.

[24] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18.

ходившие в Мерве в январе—феврале 1884 г., описаны очевидцем. В то же время это источник своеобразный, которому свойственны все недостатки мемуарной литературы и в первую очередь крайняя субъективность изложения. Алиханов был типичным колониальным офицером — лихим, смелым, дерзким, хитрым, предприимчивым, умевшим заслужить доверие туркмен и одновременно двуличным, смотревшим на них сверху вниз. Он охотно козырял перед туркменами своей принадлежностью к мусульманству, но сам был далек от строгих взглядов правоверных мусульман Средней Азии. Мусульманство для него было только удобной ширмой, чем пользовалось командование в Ашхабаде, чтобы показать, что и мусульмане могут продвигаться на царской службе.

К тому же Алиханов написал свои воспоминания через 20 лет после описываемых в них событий, издав их в 1904 г. По собственным словам Алиханова, до него этих событий «не коснулся в печати ни один из участников, да и вообще обстоятельного их изложения не было вовсе» [25]. А между тем, по его словам, уже на глазах складывались различные легенды и анекдоты, которые способствовали «сгущению тумана» вокруг присоединения Мерва к России.

Воспоминания Алиханова — источник пестрый. Громадным их недостатком является прежде всего форма изложения — нарочито литературная, с длинными диалогами, рассуждениями и т. д. Этот, к сожалению, довольно распространенный вид изложения иногда крайне затрудняет использование мемуарной литературы для установления истины. В погоне за острым словцом, за забавным анекдотом автор «Закаспийских воспоминаний» порой забывает о самом важном, о том громадном историческом событии, которое происходило на его глазах — о присоединении Мерва к России, рисуя свои переговоры с туркменами в полукомическом виде. И тем не менее мы не можем обойтись без анализа воспоминаний Алиханова как единственного очевидца, оставившего сведения о генгеше 1 января 1884 г.

Решительным моментом в переговорах русского командования с Мервом была командировка туда Алиханова.

[25] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 73.

Алиханов изображает свою поездку как предпринятую по собственной инициативе, но это пустое бахвальство. Оно опровергается рапортом полковника Муратова, к которому приложена копия его письма, посланного мервским ханам. В письме сообщается, что Муратов прибыл на Теджен по приказанию командующего войсками генерала Комарова «для переговоров по некоторым делам, касающимся мервского населения». В связи с этим Муратов «на днях» пришлет в Мерв доверенных лиц и надеется, что ханы окажут им помощь в действиях, «клонящихся как к вашим личным, так и к народным пользам и благополучию» [26]. Таким образом, миссия Алиханова в Мерве была решена командованием в Ашхабаде и разговор Алиханова с Муратовым с точки зрения исторической достоверности ничуть не более ценен, чем те речи, которые Фукидид вкладывает в уста своих героев.

В рапорте генерала Комарова сообщается, о каких делах должен был вести переговоры Алиханов. Во время формирования отряда для посылки на Теджен в Ашхабаде находились представители персидского наместника в Хорасане, а также посланцы из Мерва, обсуждавшие вопрос о постройке новой плотины на Теджене, куда предполагали переселиться безземельные туркмены из рода бахши. «Старшина их, — как пишет генерал А. В. Комаров о главе туркменской делегации, — зная о переговорах, которые я вел с персидским ханом, и о том, что близ Мешхеда собраны персидские войска, подумал, что составляется союз для наказания мервцев за их аламаны, и высказал мне свой страх от последствий такого соглашения; я не стал его уверять в противном, а сказал только, что единственное спасение их заключается в точном и скором исполнении требований русского правительства. В этом же смысле я дал ответ и ханам родов векиль и бахши, обратившимся ко мне с вопросом, что им делать в случае, если персияне двинутся в Мерв» [27].

Алиханов выехал из Карры-Бента 22 декабря 1883 г. в сопровождении 25 казаков Таманского полка и 12 джигитов

[26] П. Арбеков, *Захват Мерва*. — «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 51—52.

[27] Фонд 1, оп. 2 (по старой нумерации), лл. 15—18.

туркменской милиции. С ним ехал Махтум-Кули-хан, вызвавшийся поехать в Мерв «добровольно», а также чеченец юнкер Пацо-Плиев, как и Алиханов, — мусульманин. Таким образом, в составе отряда, посланного в Мерв, находились единоверцы мервских туркмен, что, конечно, не было случайным выбором, так как в Мерве с подозрением относились к приезжавшим офицерам немусульманского вероисповедания [28]. Из джигитов трое уже побывали в Мерве с коншинским караваном.

Небольшой отряд Алиханова проделал путь из Тедженского оазиса к Мерву за три дня и имел три ночлега под открытым небом (надо было пройти 120 верст). О движении отряда уже знали мервские ханы, выехавшие ему навстречу. По рассказу Алиханова, они встретили отряд на втором переходе, перед вечером, «на равнине». Мервцы ждали русский отряд, выстроившись на конях в одну линию, а перед ней выдвинулись вперед представители трех текинских родов: векиль, бахши и сичмаз. Это были: «совершенный еще мальчик» Юсуф-хан, «старый аламан Сары-батыр-хан», «тщедушный и обезображенный оспой» Майли-хан. Не было только четвертого хана — Кара-Кули-хана, вместо него от рода беки выступал Мурад-бай, «один из наиболее состоятельных людей Мерва».

Официальное донесение Комарова говорит об этом по-иному. В первый день отряд встретили представители родов векиль, бакши и одной трети рода бек. Это были ханы Магомед (Мухаммед) Юсуф, Сары-батыр и Мурад-бай. На второй день отряд был встречен Майли-ханом, представителем рода сичмаз; в его доме и ночевал Алиханов со спутниками [29]. Комаров отмечает, что род бек разделился на две части. Одна часть избрала своим ханом Мурад-бая, «которого теперь признают в этом звании почти все остальные части этого рода» [30].

---

[28] Доклад генерала Комарова от 7 февраля 1884 г. («Россия и Туркмения», стр. 241—244). Алиханов всячески принижает роль Махтум-Кули-хана и путает числа («Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 94—97).

[29] «Россия и Туркмения», стр. 242.

[30] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18.

Известие о встрече отряда Алиханова проливает свет на неясный период переговоров, которые царское командование вело с мервскими ханами после занятия Теджена. Вместе с тем опровергается и версия Алиханова о его внезапном решении отправиться в Мерв, поскольку в этом оазисе все было уже фактически подготовлено к приему русских представителей. В самом деле, если бы Алиханов поехал в Мерв «по внезапному решению», то каким образом на полпути он мог бы встретиться с туркменскими ханами через полтора дня после выхода из Теджена. Кто мог известить туркменских ханов о движении отряда, когда от Теджена до Мерва считалось три дня пути. Ясно, что Алиханов напрасно приписывает себе инициативу в организации прибытия русских представителей в Мерв, всячески стараясь отодвинуть на задний план Махтум-Кули-хана, в лице которого мервские туркмены видели главного посредника между Мервом и Россией. Отправка туркменской депутации в пустыню была подготовлена заранее самими мервскими ханами для почетной встречи с представителями от всех четырех текинских родов. Именно к Махтум-Кули-хану и его товарищам, а не к Алиханову и можно применить туркменскую договорку, которую вспоминает Алиханов: «Хороший посредник соединяет племена, дурной их губит» [31]. Хорошими посредниками были сами туркмены во главе с Махтум-Кули-ханом.

Алиханов и далее изображает себя главным действующим лицом происходивших событий: он переезжает из аула в аул, уговаривая не сопротивляться русским войскам во избежание кровопролития, заставляет хивинского «правителя» Бабаджан-бая (у Алиханова — «Атаджан-бая») отказаться от своих претензий, а афганского комиссара капитана Искандер-хана, гостившего у мачехи Махтум-Кули-хана, — спешно отбыть на родину и т. д. [32]. Делая эти замечания, мы отнюдь не хотим умалить значение деятельности Алиханова. Ведь и Комаров при-

---

[31] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 103.— Следует отметить, что донесение Комарова было основано на рапорте Алиханова. Однако этот источник рисует события иначе, чем Алиханов в своих воспоминаниях.

[32] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 109.

знает, что Алиханов вел переговоры с четырьмя мервскими ханами, посетив их «одного за другим». Алиханов предлагал мервцам, чтобы они просили назначить в Мерв «не такого человека, как хивинец Бабаджан-бек, а человека, окруженного силой и с правом наказывать вредных, поощрять и награждать послушных и благонамеренных» [33]. Но он не ставил вопроса об окончательном присоединении Мерва к России, что было решено самими туркменами.

Донесения генералу Комарову рисуют картину разногласия среди мервских ханов, большинство которых тем не менее склонялось к соглашению с Россией. Переговоры Алиханова с видными мервскими деятелями в целом прошли успешно. Ему даже удалось склонить на свою сторону ишана, представителя мусульманского духовенства, пользовавшегося большим влиянием среди туркмен.

И все-таки положение оставалось сложным, и можно было опасаться внезапного нападения на отряд. Среди мервских туркмен были еще колебания, вызванные тем, что Мерв как бы сделался центром притязаний ряда соседних государств. Майли-хан даже образно сравнил Мерв с девушкой, руки которой ищут 5—6 соискателей, а «за кого выйдет невеста неизвестно» [34].

Большие опасения вызывали Сиях-Пуш и его сторонники, которых поддерживал Кара-Кули-хан. Когда Алиханов решил двинуться в Мерв, Махтум-Кули-хан посоветовал проехать в крепость Коушут-хан-кала пораньше, пока в базарный день не соберется много народу. Но Алиханов с казаками опоздали и им пришлось проезжать «среди значительного сборища». Тем не менее отряд совершил свой путь благополучно [35].

Дальнейшее было подготовлено переговорами Алиханова с туркменскими старшинами, выступавшими от имени четырех родов текинцев.

Наиболее опасным человеком в Мерве был Кара-Кули-хан, опиравшийся на фанатических сторонников Сиях-Пуша и на хивинского правителя. С ним-то Алиханов и повел переговоры,

[33] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18.

[34] Там же.

[35] «Россия и Туркмения», стр. 242—273.

о которых в туманной форме рассказывает в своих воспоминаниях, может быть, потому, что ему был оказан довольно обидный прием, как об этом говорили другие туркменские ханы: вопреки обычаям, Кара-Кули-хан и хивинский правитель Бабаджан встретили Алиханова и ханов только у входа в кибитку. Алиханов посоветовал правителю из Хивы добровольно покинуть Мерв, но хивинский правитель сослался на то, что он утвержден в должности туркестанским генерал-губернатором, и предъявил соответствующий документ, выданный ему в апреле 1883 г. в Петро-Александровске. По донесению Комарова, «успеха Алиханов не достиг». Тут же выясняется и причина неудачи: «Кара-Кули-хан отнесся саркастически к ожиданию хороших результатов от созыва представителей народа». Как видим, результаты будущего генгеша были неясны, и Кара-Кули-хан серьезно думал, что генгеш даст отрицательный ответ на предложения Алиханова. Одно это уже явно подрывает версию о заранее подготовленном решении туркменских представителей на генгеше.

Положение в Мерве осложнилось появлением английских агентов, распускавших слухи, будто к Мерву идет шеститысячный английский отряд, прибывший уже в Герат. Эти агенты явились с провокационными воззваниями к вдове Нур-Верды-хана и мачехе Махтум-Кули-хана — Гюль-Джамал, — но были арестованы и отправлены в Ашхабад [36]. Последующие события привели к созыву генгеша.

Генгеш и присоединение Мерва (Мары) к России

К сожалению, источников о генгеше 1 января 1884 г. у нас очень мало. Алиханов приписывает себе заслугу принятия генгешем решения о присоединении Мерва к России, как и созыв генгеша.

Между тем даже из его воспоминаний видно, что главную роль играла Гюль-Джамал. Он признает, что на генгеш собралось до трехсот представителей, причем каждый приезжал с двумя-тремя провожатыми. Для того чтобы поставить кибитки собравшимся, пишет Алиханов, прокормить их и сотни лошадей, по крайней мере, три дня, потребуется «несколько ты-

[36] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18.

сяч кранов, которых у меня тоже не было». В данном случае выручила Гюль-Джамал, давшая средства и разославшая 28 декабря 1883 г. гонцов с приглашением на генгеш. Алиханов приписывает себе даже инициативу созыва генгеша, но, по его же словам, «генгеш собирался на назначенное место по приглашению одного из главарей народа» [37], кем Алиханов, конечно, не был.

Алиханов со свойственной царскому чиновнику иронией говорит о подготовке к генгешу. Под наблюдением Гюль-Джамал свозят кибитки и устанавливают их на ближайшей поляне, режут баранов, пекут хлеб, варят рис. 30 декабря стали съезжаться участники совещания, началось угощение, слышались гортанные песни, монотонный рокот дутары. Однако тут же, вступая в противоречие с самим собой, Алиханов рисует величественную картину туркменского генгеша. «Около десяти часов утра 1 января 1884 года все съехавшиеся ханы, кетхуды, аксакалы всех родов и колен мервских текинцев, в числе трехсот человек, уселись огромным кольцом на равнине за аулом Ханши. За ними сплошной стеной теснились две-три тысячи любопытных».

Донесения генерала Комарова подтверждают, что инициатива созыва генгеша исходила от Гюль-Джамал. «На общем совете с этой семьей (Комаров имеет в виду Гюль-Джамал, Махтум-Кули-хана и Мухаммед-Юсуф-хана) решено было для обсуждения мервских дел созвать генгеш, т. е. всех родовых старшин, и притом за счет Гюль-Джамал» [38]. Именно Гюль-Джамал готовила все необходимое для приема, так что 1 января 1884 г. не встретилось никаких препятствий открыть народное собрание. Донесение отмечает, что при Гюль-Джамал находился и брат ее мужа Казы-хан. Таким образом, созыв генгеша был подготовлен вдовой Нур-Верды-хана, понимавшей вместе с ее родичами, что только решение генгеша будет авторитетным для мервских туркмен.

Рассказ Алиханова о 1 января 1884 г. многое исказил в истории присоединения Мерва к России, и только с большим трудом можно установить действительное значение генгеша. Однако и Алиханов признает, что только генгеш мог решить такой важный вопрос, «каким в данном случае явилось принятие или отклонение русского подданства. Только такое собрание могло дать тот или иной ответ, имеющий значение и силу».

Когда генгеш собрался, Алиханов был приглашен на собрание и произнес речь, в которой требовал прекращения аламанства и торговли людьми: «теперь прошел и для Мерва предварительный период увещаний и доброго слова, неуспех которых привел Хиву и Ахал к падению». Алиханов особенно подчеркивал обещание сохранить в неприкосновенности религию туркмен, ссылаясь на то, что одна пятая российских подданных, в том числе и он сам, — мусульмане. Произнеся свою речь, Алиханов покинул собрание и в его отсутствие генгеш после обсуждения вынес решение о присоединении Мерва к России. Вслед за тем Алиханов был снова призван на генгеш, от имени которого Махтум-Кули-хан сказал: «Мервский народ безусловно принимает русское подданство; обязуется выдать всех пленных, возвратить же ограбленный скот затрудняется, так как он весь им съеден или продан, затем просит о прощении всех провинившихся прежде, и для управления собой желает иметь русского начальника, о чем всеподданнейше прошение напишут вслед за сим, а для подачи его пошлют 4 хана и 24 старшины по одному от каждой канавы, каковых 2000 кибиток» [39].

В тот же день был написан и протокол генгеша. В нем «ханы, старшины и уполномоченные представители родов и колен мервского народа... единогласно постановили принять русское подданство» [40]. Сохранилось прошение мервских жителей

---

[37] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 111.

[38] Фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18.

[39] Там же.

[40] «Вестник Европы», 1904, сентябрь, стр. 113; Куропаткин днем созыва генгеша называет 13 января 1884 г., а прибытие мервских ханов в Ашхабад относит к 12 февраля, в переводе на европейское летосчисление [Kuropatkin], *Geschichte des Feldzuges Skobelews in Turkmenien nebst einer Uebersicht der kriegerischen Tätigkeit der russischen Truppen in Zentralasien von 1839—1876 von Kuropatkin*. Deutsch von Ulfrisch. Mühlheim am Rhein, 1904, S. 195 (далее — Kuropatkin, *Geschichte des Feldzuges Skobelews...*).

о принятии Мерва под власть России. В нем говорится, что «жители Теке» после прибытия к ним штаб-ротмистра Алиханова и майора Махтум-Кули-хана собрались у семьи Нур-Верды-хана, где выслушали Алиханова и вынесли решение «о принятии в подданство России».

В связи с этим мервцы просили о назначении в Мерв начальника с властью наказывать преступников и содействовать добрым людям. Третьим пунктом прошения была просьба о помиловании «нашим ворам и кальаманам за грехи их, совершенные до настоящего дня, повторять их после этого они не будут» [41].

Как мы видим, генгеш в сущности обсуждал три вопроса: первым и важнейшим был вопрос о присоединении Мерва к России. Вторым и третьим, менее важными, но очень существенными для мервцев, были вопросы об управлении Мервом и о прощении аламанщиков. Главным оратором, выступившим на заседании генгеша, явился Махтум-Кули-хан, сформулировавший выраженные позднее в прошении пожелания мервских туркмен [42].

Постановление генгеша, как мы видим, вынесено было единодушно; состав генгеша никем не был заранее подобран, и мы вправе говорить о волеизъявлении туркменского народа, в доступной тогда для него форме решения собрания представителей родов. Конечно, это волеизъявление производилось в условиях давления военного отряда, стоявшего на Теджене, но оно не было продиктовано только отчаянием или отсутствием мужества; ведь мы видели, как героически туркмены сражались под Геок-Тепе. Постановление генгеша предоставляло возможность выхода из сложившейся в Мерве обстановки. В этом смысле особенно интересно приведенное выше письмо Махтум-Кули-хана о согласии мервцев подчиниться русским [43].

Весь ход событий, приведший к решению генгеша 1 января 1884 г., показывает, что постановление о присоединении Мерва к России было вынесено добровольно, хотя и не без колебаний

[41] «Россия и Туркмения», стр. 231.

[42] Там же.

[43] П. Арбеков, *Захват Мерва*,— «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 52.

и сопротивления со стороны некоторых групп населения, находившихся под влиянием фанатических проповедников «священной войны против неверных».

Наиболее щекотливым для старшин Мерва был вопрос об отмене работорговли и выдаче пленных без выкупа. Однако подавляющее большинство туркмен не имело рабов и не принимало участия в аламанстве. Следовательно, отмена работорговли затрагивала лишь богатые слои населения, а не весь туркменский народ. При этих условиях решение генгеша о присоединении к России можно было предугадать.

Но трактовка присоединения той или иной области к России мирным путем очень не нравилась иностранным авторам. Лэнсделл, например, высказывает «подозрение», что дело происходило иначе. По его домыслам, Алиханов собрал туркменских вождей и, угрожая нападением большой армии, заставил их отправиться в Ашхабад и подчиниться. Так майор Алиханов превращается во всесильную фигуру, а его разведывательный отряд в большую армию. При этом Лэнсделл «забывает», каких усилий стоило для России взятие Геок-Тепе, хотя Ахал-Текинский оазис был значительно меньше населен, чем Мерв и окружающие его оазисы.

Для передачи прошения о принятии мервских жителей в российское подданство 25 января в Ашхабад прибыла их делегация во главе с ханами, за исключением Кара-Кули-хана, отказавшегося подписать прошение и оставшегося в Мерве вместе с хивинским правителем. С ними приехали также 24 старшины, по одному от каждых двух тысяч кибиток. В прошении ханы и старшины выражали намерение «подчиниться воле вашей», просили назначить в Мерв начальника и простить всех участников аламанства. К прошению было приложено клятвенное обещание за многими печатями, его подтверждавшее [44].

31 января 1884 г. в Ашхабаде состоялась торжественная встреча мервской делегации, которая приняла присягу «на вер-

[44] «Россия и Туркмения», стр. 231—235.—Цифра старшин, принявших подданство, в телеграммах различна; в одной (26 января) указано 25 старшин, в другой 24 (31 января) (см. также фонд 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18).

ность царю». Сары-батыр-хан, Майли-хан, Мурад-хан и Юсуф-хан получили чины капитанов милиции [45], остальным членам делегации были розданы золотые медали. Кара-Кули-хан бежал из Мерва в Хиву вместе с хивинским правителем, опасаясь преследования закаспийских властей.

«Условия» присоединения Мерва

Некоторый свет на переговоры мервских старшин с царским командованием о присоединении Мерва к России проливают так называемые «условия», на которых жители Мерва вступили «в русское подданство». Военные власти всячески хотели подчеркнуть, что Мерв подчинился русскому царю в силу выдвижения царского отряда на Теджен, но даже официальное заявление, сделанное от имени Александра III генералом Комаровым в Ашхабаде и обращенное к мервским старшинам, показывает, что правительство согласилось дать мервцам «гарантии и условия, на которых они отныне вступают в русское подданство».

Условия, данные Мерву, представляли собой своеобразную жалованную грамоту, которая была выдана «снисходя к прошению, поданному четырьмя ханами и двадцатью четырьмя избранными народом старшинами от каждой большой канавы». Так, решение генгеша в представлении царских чиновников превратилось в прошение, «всемилостивейше» одобренное царем. За верноподданнической формой «условий» не так легко разобрать первоначальное зерно требований, выдвинутых мервскими туркменами.

«Условия» состояли из 10 пунктов. Из них в сущности шесть (2, 4, 6, 8, 9 и 10) могли входить в те пожелания, которые выдвинули сами мервские представители, остальные, по-видимому, были составлены царскими властями. В пункте 1 «условий» объявляется о принятии в российское (в подлиннике — «в свое», т. е. царское) подданство всех туркмен отамыш и тохтамыш, живущих в Мерве и на Теджене. Пункт 2 содержит заверение в том, что мусульманское вероисповедание туркмен «остается неприкосновенным». При этом указывается

[45] В телеграмме генерала Комарова от 31 января 1884 г. ханы названы так: Сары-батыр, Араз-Нияз Майли, Магомет-Юсуф, Мурад-Орбад-бек оглы («Россия и Туркмения», стр. 230).

на то, что «миллионы мусульман», царских подданных, никогда не были стесняемы в свободном отправлении своей веры. По пункту 3 устанавливается занятие Мерва русским отрядом. Пункт 4 предусматривает назначение в Мерв русского офицера «для общего управления народом» и право ханов заведовать «каждым из четырех племен Мерва», за что им назначается «приличное содержание». Пункт 5 гласит о сохранении суда «по вере и обычаям народным», но под руководством начальника Мервского округа. Пункты 6 и 7 устанавливают ответственность за разбой, запрещают аламанство и торговлю рабами. Пункт 8 провозглашает равенство туркмен в правах с остальными русскими подданными. В пункте 9 на туркмен налагается обязательство очистить все колодцы на караванных путях и обеспечить безопасное следование караванов в Хиву и Бухару «как по этим дорогам, так и в Персии и Афганистан до границ Мерва». Последний, 10 пункт устанавливает, что число стражников (фераджиев), какое жители Мерва должны выделить для службы при начальнике и ханах, будет установлено впоследствии [46].

При переговорах с представителями Мерва наиболее существенным для туркмен был вопрос о сохранении их внутреннего устройства, своего рода автономии Мерва. Этим требованиям как будто отвечают сохранение в руках ханов права «заведования» четырьмя племенами Мерва и установление судопроизводства «по вере и обычаям народным», т. е. по шариату и адату. Но эти привилегии мервских туркмен обставлены такими условиями, которые делали их иллюзорными. Так, должность ханов из выборной превратилась в назначаемую с оговоркой: «Порядок замены настоящих ханов определится впоследствии. Но никто не будет назначен вновь ханом иначе, как по представлению начальника области».

В руки начальника Мервского округа, таким образом, фактически передавалась вся власть над Мервом. Даже обещание судить «по вере и обычаям народным» фактически под-

[46] «Условия» напечатаны в сб.: «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Краевое управление», СПб., 1910, стр. 31—32, приложение, стр. 324.

верглось ущемлению: ряд судебных дел подлежал ведению царских судов. Пункт 6 гласил: «Виновные в измене, разбое, грабеже и других уголовных преступлениях против русских и казенного имущества судятся и наказываются по русским законам». Но где же была гарантия того, что под рубрику преступлений, совершенных «против русских», нельзя было подвести самую обычную ссору, затеянную самим русским. Ведь судил-то начальник округа.

Для «условий» характерно отсутствие в них точных указаний по ряду важных вопросов, в первую очередь по поводу рабства. Пункт 7 о запрещении аламанства и работорговли изложен в «условиях» кратко и несколько уклончиво: «Захват в плен кого бы то ни было и продажа людей на будущее время строго запрещается». В этом вопросе царское правительство шло на смягчение «условий». Очень неясно, до полной бессмыслицы, изложен и пункт 9 о безопасном следовании караванов «в Персии и Афганистан до границ Мерва». В опубликованном виде, если даже считать, что в него вкралась опечатка (вместо «Афганистан» надо читать «Афганистане»), этот пункт возлагает на мервцев обязанность обеспечить безопасность пути караванов в Персию и Афганистан, что было невозможно выполнить. По-видимому, 9-й пункт был сформулирован нарочито неясно, так как в момент составления «условий» нельзя было определить, какие территории, прилегающие к Мервскому оазису, отойдут к России, а какие останутся во власти Персии и Афганистана.

Царское правительство, принимая «условия», прекрасно понимало, что после ввода войск в Мерв позиции сторонников борьбы с Россией будут подорваны в корне. Практически распоряжение Мервским оазисом перешло к царскому командованию в Ашхабаде. Тем не менее положение в Мерве в первые годы после его присоединения к России значительно отличалось от того, какое сложилось в Ахал-Теке, где царское командование и чиновники безраздельно господствовали над населением. Конечно, это было только кратковременным отличием, так как власть мервских ханов все более уменьшалась, а само население Мерва, как и в Ахал-Теке, фактически было отстранено от управления.

Запрещение аламанства и работорговли на практике стало обозначать очень скоро безусловное преследование этих явлений на территории Туркмении, и это было, пожалуй, самой светлой стороной деятельности царской администрации в Туркмении.

Текст «условий» был подписан генералом Комаровым 31 января 1884 г., когда мервская депутация прибыла в Ашхабад. В телеграммах от 20 и 21 января Комаров определяет некоторые принципы управления Мервом, вошедшие в «условия». Управление Мервом мыслилось Комаровым по образцу управления в Ахал-Теке[47], но особое положение Мервского оазиса еще сохранилось на протяжении ряда лет.

Занятие Мерва (Мары) царскими войсками

Занят Мерв был особым отрядом под командованием генерала А. В. Комарова. Однако занятие прошло не совсем гладко, так как против царских войск выступила часть мервского населения во главе с Каджар-ханом и Сиях-Пушем, которые призывали к «священной войне против иноверцев». Сиях-Пуш проповедовал джехад (священную войну), надеясь создать в Мерве независимое мусульманское государство. К этому движению примкнули некоторые мервские жители, в их числе Каджар-хан, честолюбивый, но в сущности очень недалекий человек. В кругах русских дипломатов поясняли, что «Сиях-Пуш в последнее время явно действовал в интересах Эйюб-хана и как видно дело должно было разыграться так, чтобы он при проследовании в Бухару, став во главе мервских текинцев и иолатанских сарыков, пошел бы в Меймене, население коего все время поддерживает сношение с ним, приглашало его править ими, и откуль уже выступил бы против Афганистана»[48]. Однако все это, как мы видели, было домыслом.

В агитации против «иноверных» приняли участие некоторые мусульманские муллы. Они проповедовали, что «по корану запрещается мусульманам уступать свою землю без боя». Спровоцированная ими часть населения выступила против рус-

[47] «Россия и Туркмения», стр. 237.

[48] Там же, стр. 251.

ского отряда, который во главе с генералом Комаровым двинулся в Мерв. Но эти действия не были поддержаны большинством мервских жителей. По донесению генерала Комарова, они спокойно ждали русских и даже выслали своих баранов «на пастьбу к стороне отряда». Этот частный факт, отмеченный в донесении, является многозначительным и говорит о проявлении доверия к русскому отряду. Ведь первое, с чего начинали аламанщики, был угон скота.

Дальнейшие события представляются нам в таком виде. Отряд генерала Комарова выступил из Карры-Бента 25 февраля 1884 г. Он состоял из 4 рот пехоты, 2 сотен казаков и 20 джигитов и имел четыре орудия [49]. За первые сутки был сделан переход в 18 верст. Лагерь разбили на ночлег близ развалин одной крепости. 27 февраля отряд расположился биваком вблизи искусственного озера Карыб-Ата. Предполагалось, что на следующий день навстречу отряду прибудет Алиханов с ханами, старшинами и лучшими людьми Мерва. Действительно, в 11 часов утра 28 февраля в лагерь прискакал Алиханов с четырьмя ханами. Вместе с ними прибыли на конях «почетные мервцы» (более 300 человек). Они расположились впереди лагеря шеренгой по племенам. Начальник отряда роздал им печатные экземпляры объявления о принятии Мерва в подданство России. Объявление было прочитано и подробно разъяснено Комаровым.

В то время как эта церемония, не лишенная картинности, происходила вблизи русского лагеря, верстах в шести от него появился вооруженный отряд мервцев в 4 тыс. человек. Каджар-хан, принимавший участие во встрече с Комаровым, внезапно покинул отряд и умчался к мятежным текинцам. Это произошло в 4 часа вечера, во время обеда, на который начальник отряда пригласил «почетных мервцев». «Резко выйдя с обеда», Каджар-хан сел на лошадь и ускакал. Тотчас же для рекогносцировки были посланы всадники ахал-текинской милиции и полусотня казачьего полка. Еще раньше все ханы отправились выяснять, зачем появился вооруженный отряд мервцев. При заходе солнца они возвратились и доложили,

[49] Там же, стр. 253. Примечание.

что мервцы частично разошлись. Тем не менее более 2 тыс. человек под предводительством афганца Ахмед-шаха [50] и Каджар-хана остались и объявили, что будут стрелять в ханов и старшин, если те не уедут.

В этот день никаких столкновений не произошло.

29 февраля отряд Комарова снова двинулся в путь и подошел к аулу Абдал-Топаз. Жители аула вышли навстречу и привезли на продажу хлеб, масло и другие продукты. Они были настроены дружелюбно. В 5 часов вечера было получено донесение, что в нескольких верстах от военного лагеря собираются мервцы для нападения на отряд Комарова.

На этот раз дело дошло до открытого столкновения: «послышались залпы, громкие крики «алла» и усиленная пальба». На пригорке показался зеленый значок — знамя «священной мусульманской войны». Вокруг него было примерно 200 конных и пеших мервцев. Казаки бросились в атаку и разогнали нападавших, которые оставили на месте боя убитых и «священное» знамя. Это была небольшая стычка: с русской стороны один всадник был легко ранен, мервцы потеряли 5 чел. убитыми. Среди убитых зачинщиков джехада оказался мулла Дурды-хан — сторонник английской группировки. Ранены были сын Каджар-хана и его двоюродный брат.

Стычка 29 февраля на сутки задержала отряд у Абдал-Топаза. 1 марта были получены сведения, что в Мерве поднимается движение против царских войск, хотя большинство населения не желает принимать участия во враждебных действиях против русских. Примкнувших к Каджар-хану и Сиях-Пушу насчитывалось больше 1000 человек. Они захватили два орудия, которые стояли на лафетах в крепости, и поставили их на валу. Характерно, что в этот же день к Комарову явились представители мусульманского духовенства из колена отамыш во главе с восьмидесятипятилетним Ходжа-ишаном, пользовавшимся особым уважением и влиянием. Ишаны и муллы заявили о своей преданности Российской империи. Таким образом, была подорвана идея «священной войны», не имевшая глубоких корней среди населения Мерва. Тем не менее в даль-

[50] Это был сторонник Сиях-Пуша — Ахмед-шах «Индейский», о котором упоминалось выше.

нейшем против русских войск выступил довольно значительный отряд числом до 2 тыс. человек. Этот отряд был плохо вооружен, как отмечают даже донесения царских офицеров. «У многих были лишь палки с привязанными ножницами для стрижки баранов».

Решительные события разыгрались в ночь со 2 на 3 марта. Около полуночи к Комарову прискакал всадник с известием о приближении к русскому лагерю мервского ополчения. В сторожевой цепи и в разъездах завязалась перестрелка, вслед за тем примерно в 600 шагах от каре показался отряд мервцев, часть которых под покровом ночной темноты подкралась к русскому отряду шагов на 200 и открыла стрельбу. Против них был открыт огонь из двух горных орудий, а когда атакующие приблизились настолько, что «явилась возможность стрелять в них прицельно», было сделано 3 залпа.

«После первого залпа неприятель, видимо, замялся, после второго его гик и вой замолкли совершенно, а третий залп был сделан уже по бегущим». Технический перевес царских войск был настолько очевидным, что дальнейшее сопротивление мервцев являлось совершенно бессмысленным. Преследование бегущего неприятеля было вскоре прекращено. Сражение в ночь со 2 на 3 марта не было кровопролитным. У нападающих было убито около 20 человек и ранено более 40, в отряде Комарова смертельно ранен один рядовой. Среди нападавших царило фанатическое воодушевление. По донесению Комарова, один туркмен, подосланный Каджар-ханом, успел пробраться через цепь под видом милиционера и с обнаженной саблей ворвался в кибитку начальника отряда. Здесь он был застрелен людьми одного туркменского хана, якобы «возмущенного таким ужасным, по их понятиям, нарушением правил гостеприимства», хотя в сущности непонятно, с какими правилами гостеприимства надо было считаться во время ночной схватки.

Отряд двинулся дальше 3 марта и быстро дошел до реки Мургаб. Там он расположился биваком у самого базара. Все было спокойно. Инициаторы ночной атаки Каджар-хан и Сиях-Пуш скрылись, и первой мерой царской администрации в Мерве было объявление о выдаче награды в 1000 руб. тому, кто

арестует этих людей или будет содействовать их поимке. Вскоре Каджар-хан и Сиях-Пуш взяты были в плен в одном ауле в 25 верстах от Мервской крепости.

4 марта 1884 г. можно считать первым днем занятия Мерва царскими войсками. В этот день Комаров объявил о начале деятельности Мервского окружного управления.

С 10 марта начальник отряда начал объезд аулов тохтамышского колена, отмечая, что везде им было «найдено полное спокойствие и полное подчинение власти ханов и Окружного управления»[51]. Жизнь в Мерве постепенно нормализировалась. Во второй половине марта из Мерва отправились первые торговые караваны в Бухару, Хиву и Мешхед. В Бухару отправился и русский караван с мануфактурой, принадлежавшей фирме Коншиных.

Так произошло овладение Мервом русскими войсками. Попытка Каджар-хана и Сиях-Пуша воспрепятствовать вступлению в Мерв отряда Комарова, как мы видим, не была поддержана большинством населения. Действия Каджар-хана и Сиях-Пуша шли вразрез с постановлением генгеша 1 января, и участники генгеша в решительный момент отказали им в поддержке. Генерал Комаров подчеркивал: «Остававшиеся все время при отряде старшины и почетные мервцы вели себя безукоризненно и не подали ни малейшего повода сомневаться в их верности».

Туркменские старшины, способствовавшие присоединению Мерва к России, получили награды, хотя и довольно скромные. По признанию царских властей, «награждены мервцы были не особенно щедро».

Главная сторонница (по мнению царского правительства) присоединения Мерва к России — Гюль-Джамал — получила в награду подарки, присланные ей из «кабинета его величества» с особым курьером, что должно было подчеркнуть их значение. Ей были вручены два массивных золотых браслета с драгоценными камнями, золотой пояс и соболий халат, крытый золотой парчой. Кроме того, она получила пожизненную пенсию в 2 тыс. руб. ежегодно. Эти подарки представляются

[51] «Россия и Туркмения», стр. 253—255.— Донесение начальника Закаспийской области генерала Комарова от 29 мая 1884 г.

довольно незначительными, учитывая, что она, как гласили официальные документы, «несомненно, являлась в то время душою партии, желавшей присоединения к России и поэтому ее заслуга в этом деле весьма велика» [52]. Пасынку и сыну Гюль-Джамал — Махтум-Кули-хану и Юсуф-хану также были назначены пенсии.

Спустя 25 лет после присоединения Мерва к России царские власти, оценивая роль отдельных ханов, также на первом месте ставили Гюль-Джамал. Она «как вдова Нур-Верды-хана, пользуясь особым почетом и громадным личным влиянием среди всех текинцев без различия рода, употребила это влияние, чтобы склонить мервцев принять подданство Белого Царя и этим существенно способствовать мирному присоединению Мерва к Империи». Отмечалось, что сын ее Юсуф-хан также во многом способствовал присоединению Мерва, Сары-батыр-хан, «как родовой хан колена бахши склонил свой род к принятию русского подданства». То же сделал Мурад-хан Арбабеков (род бек) и Майли-хан (род сичмаз). О Баба-хане сказано, что он, «пользуясь, как сын Коушут-хана, большим влиянием и почетом среди текинцев», вместе с братьями призывал мервцев стать русскими подданными. В числе людей, способствовавших присоединению Мерва к России, названы также Анна-Дурды-хан и Эвез-Мурад-хан [53]. Таким образом, фактически почти все влиятельные старшины Мерва, в том числе дети и родственники видных текинских деятелей Коушут-хана и Нур-Верды-хана, поддержали мирное присоединение Мерва (Мары) к России.

Это присоединение вызвало значительное возбуждение в английских колониальных кругах. Британский кабинет министров, ссылаясь на более ранние заявления царских дипломатов, заявлял, что Россия нарушила свои обязательства не занимать Мерва. Министерство иностранных дел России отводило упрек, отмечая, что оно не делало об этом формальных заявлений. Многозначительно подчеркивалось, что императорский кабинет постоянно воздерживался от каких бы то ни было замечаний по поводу сделок, в разные времена заключенных Англией с пограничными государствами и значительно расширивших сферу ее деятельности вдоль индийской границы.

[52] Фонд 1, оп. 2, д. 5087, лл. 9—11.

[53] Там же, лл. 9—11 и 19—24.

Вопрос о Мерве привел к осложнению англо-русских отношений, что проявилось в Кушкинском пограничном инциденте, о чем будет речь далее.

Мервский (Марыйский) оазис в первые годы после присоединения к России

На первых порах управление Мервом было сосредоточено в руках русских военных властей и мервских старшин. Весной 1884 г. были открыты управления в Мерве и Теджене. Исполняющим должность начальника Тедженского округа был назначен майор милиции Махтум-Кули-хан, а начальником Мервского округа — штаб-ротмистр Алиханов [54].

Инструкцией от 1 февраля 1886 г. был определен примерный штат приставства Мервского уезда. Оно состояло из пристава, его помощника или хана, шести родовых старшин с помощниками или кетхудами в каждом ауле, казия и диван-беков, т. е. членов «народного» суда, а также пачмана — сборщика установленных пошлин [55].

Таким образом, в Мерве была сохранена видимость прежних порядков, и туркменская верхушка, как и раньше, вершила дела под надзором начальника (позднее — пристава), назначавшегося царским командованием в Ашхабаде. Для выполнения роли начальника Мервского округа с точки зрения царских властей чрезвычайно подходил именно Алиханов. Это был человек, несомненно, способный и храбрый и в то же время жадный, склонный к различного рода вымогательствам, к получению от местного населения взяток и «подарков», как показывает дело о его злоупотреблениях в Мерве. Царская администрация в Туркмении опиралась на ханов, назначав-

[54] Фонд 1, оп. 2, д. 1099; д. 4154, лл. 11—14, 32.— В 1884 г. Алиханову был возвращен чин майора (в 1873 г. он был разжалован в рядовые за столкновение с одним офицером). После упразднения этого чина Алиханов стал подполковником (см. В. Прасолов, *Мургабский поход 1885 г., завершившийся боем с афганцами на Кушке 18 марта*, СПб., 1910, стр. 2—12).

[55] Фонд 1, оп. 2, д. 5227, лл. 16—18.— Об открытии Пендинского приставства, 1885.

шихся по одному от каждого из четырех родов текинцев. Эти ханы получили чины капитанов милиции. Ниже стояли старшины, кетхуды и казии, руководствовавшиеся адатом и шариатом.

Царское правительство не очень доверяло своим ставленникам из числа туркменской знати и уже в 1884 г. вскоре после занятия Мерва предложило создать особые приставства в Серахсе и Иолатане во главе с приставами «немусульманского вероисповедания» [56].

Тем не менее мы вправе говорить о том, что даже царская администрация была менее страшной для населения, чем угрожавшая ему власть хивинских или персидских феодалов. Пользуясь неясностью границ на Атеке, персидские власти, например, снимали туркменские посевы [57].

Мервские туркмены довольно быстро привыкли к солдатам, стоявшим гарнизоном в Мерве, и не проявляли к ним враждебности. Об этом красноречиво говорит донесение начальника уезда Алиханова по поводу человечного поступка одного туркмена. Несмотря на запрещение купаться в Мургабе, новобранец Михаил Цепка полез в реку и был захвачен течением. Видя это, текинец Сеид Магомет Бабаханов, даже не раздеваясь, отважно прыгнул с кручи в воду и вытащил на берег полумертвого солдата. «Опасность, которой подвергался Бабаханов, видна уже из того обстоятельства, что и сам он мог доплыть обратно к берегу только благодаря веревке, вовремя брошенной ему другими текинцами», — писал Алиханов и ходатайствовал о награждении храброго текинца медалью [58].

Присоединение Мервского оазиса к России с самого начала было связано с двумя прогрессивными мероприятиями: отменой работорговли и борьбой с аламанством. Даже враждебные России путешественники заявляли, что ни один англичанин не имеет никакого представления «о страшных страданиях» пленных, превращаемых в рабов. Между тем Мервский оазис до его присоединения к России был одним из основных рынков рабов в Азии.

[56] «Россия и Туркмения», стр. 269.

[57] Там же, стр. 266.

[58] Фонд 1, оп. 2, д. 6495, л. 1, 22 мая 1885 г.

Отмена работорговли провозглашалась Российским правительством во всех областях, присоединявшихся к России. Однако это условие выполнялось рабовладельцами в Мерве с крайней неохотой и медлительностью. Прошло два-три месяца после вступления русских войск в Мерв, а освобождение пленных еще не было осуществлено полностью. В марте 1884 г. начальник округа сообщил из Мерва, что «со времени занятия Мерва русскими войсками и по настоящее число ко мне явилось 93 освобожденных туркменами пленных перса, из них 50 выразили желание возвратиться на родину». В Мерве оказалось 14 пленных бухарцев, а в Бухаре 22 пленных текинца. 126 бухарских подданных, взятых в плен, были освобождены в Мерве в феврале и марте 1884 г. [59]. По воспоминаниям Алиханова, всех пленных персов «оказалось около семисот человек разных возрастов и положений, не исключая и персидских офицеров, захваченных еще в 1860 г.» [60].

Аламанство также продолжалось еще длительное время и после занятия Мерва. В 1885 г. Алиханов сообщил, что житель местечка Мыджаур Анна-Нефес-сардар-Куват-Ших-оглы, скрываясь в Иолатане и Пенде, по-прежнему занимается аламанством, «несмотря на уговоры соплеменников». Требуя ареста аламанщика, Алиханов писал, что строгое наказание Анна-Нефеса «необходимо для искоренения существующего среди туркмен убеждения, что русские простят безразлично все преступления, совершенные как до, так и после занятия нами Мерва». Он же признавал, что в марте 1884 г., т. е. в первые месяцы царского управления, пришлось идти на высылку Нефес-сардара, который считался весьма способным человеком, добавляя, что уже в 1885 г. Нефес получил возможность вернуться в Мерв [61].

Присоединение Мерва к России создало ряд трудностей для торговых сношений Мерва с Персией и Хивинским хан-

[59] Фонд 1, оп. 5, д. 610, лл. 5, 20.

[60] «Вестник Европы», 1904, октябрь, стр. 456—457.— Алиханов пишет в своих воспоминаниях, что пленные персы были переданы персидским властям в течение двух недель, но этому противоречит его же собственное донесение, приведенное выше.

[61] Фонд 1, оп. 2, д. 640, л. I.

ством. Хивинские пограничные власти тотчас же подняли пошлины на туркменские караваны, что вызвало жалобы мервских торговцев. «С одних только текинских караванов,— сообщал Алиханов весной 1884 г. о повышении пошлин в Хиве, — начали там взимать „пач" не в количестве $^1/_{40}$ стоимости груза, а $^1/_{10}$». Впрочем, начальник Аму-Дарьинского отдела со слов хивинского хана объяснял, что увеличение пошлины распространено в Хиве на всех торговцев, а не только на мервцев [62].

Одновременно персидские власти в Мешхеде подняли сборы с мервских караванов до $^1/_{20}$ ценности груза. Алиханов в ответ на это повысил пошлины, какими облагались персидские караваны, хотя и опасался сокращения торговли с Персией. Он полагал, что после этого бухарские и персидские караваны будут направляться через Афганистан, и отмечал, что главнейшим источником дохода ханов, шедшего на содержание их нукеров, был «пач» или караванная подать. Поэтому Алиханов назначил мервца на должность сборщика «пача». Увеличение пошлины на мервские товары в Мешхеде объяснено было Алихановым следующим образом: «Мервские торговцы и караван-баши заявили мне, что после принятия русского подданства персидские власти Мешхеда, крайне недовольные этим событием, подняли пошлину с одних только мервских караванов до $^1/_{20}$ ценности груза». Персидские пограничные власти пользовались всяким случаем, чтобы взыскать высокие пошлины с товаров, провозимых из Персии в Мерв и обратно. Вскоре после присоединения Мерва к России персидские власти брали с туркмен такие пошлины («бадж») с товаров, привозившихся из Мешхеда в Ахал-Теке: за чай и красный товар — $^1/_{20}$ стоимости, с головы крупного рогатого скота по 40 коп., с барана по 10 коп., с лошади по 2 руб., а с породистых жеребцов по 4 рубля (10 кранов), за ткани — $^1/_{40}$ стоимости, с соли — по 2 крана (80 коп.) с каждого верблюжьего вьюка (от 12 до 16 пудов) [63].

В донесениях Алиханова не все ясно. Да это и понятно, так

[62] Фонд 1, оп. 2, д. 6705, лл. 1, 4, 1884—1885 гг.

[63] Фонд 1, оп. 2, д. 8346, л. 1.— Сообщение Сеид-Назар-юзбаши, старшины Каахки, от 12 мая 1884 г.

как Алиханов представлял собой типичную фигуру гоголевского городничего и наверняка прикладывал свои руки и к «пачу», и к «баджу», и к прочим пошлинам, в силу чего его сообщение о торговых затруднениях марыйских караван-баши, вероятно, нуждается в некоторых поправках.

Присоединение Мерва (Мары) к России сказалось на всем облике города, сохранявшего до этого все черты средневекового восточного поселения. Переустройство города началось тотчас же после его занятия русскими войсками. В конце 1885 г., согласно официальному годовому отчету, в нем было уже 116 отстроенных или строящихся домов, 447 лавок и магазинов, 4 караван-сарая, 4 гостиницы и 11 казенных зданий, не считая казарм и бараков. Эти постройки были сооружены из жженого и сырого кирпича и составляли 18 кварталов. Вдоль широких улиц тянулись арыки с проточной водой и были посажены деревья. Установлены были также фонари.

Действительность была, конечно, значительно скромнее официального годового отчета. Здания в Мерве были неказистыми постройками, чаще всего из непрочного сырого кирпича, да и они не предназначались для туркменского населения. В них размещались всякие канцелярии колониального аппарата, жили царские чиновники и офицеры дислоцированных в городе воинских частей.

В городе появились пришельцы из других мест, привлеченные возможностью выгодно торговать и заниматься ремеслами. Пришлое население Мерва состояло из русских, армян, персов, бухарцев и евреев. Интернациональный характер нового Мерва ярко проявлялся в том, что торговой частью Мерва заведовали три базарных старшины: армянский, татарский и еврейский. Еврейская группа торговцев была настолько значительна, что в городе имелась синагога.

В Мерве были 123 лавки, торговавшие мануфактурой, галантереей, бакалеей (бакалейные товары тогда именовались «колониальными») и гастрономией. Кроме того, в городе насчитывалось 13 булочных и хлебопекарен, два колбасных заведения. Трактиров, кухмистерских (столовых) и чайных было 29, водочных складов 13. Много было кирпичных заводов (54). Последние отвечали потребностям строящегося города, но

название «завод» плохо обрисовывает тип этих мелких предприятий.

Любопытны сведения о ценах на продукты в Мерве 1885 г. Хлеб и мясо стоили сравнительно дешево и по тогдашнему времени: пуд пшеничной муки — 45 коп., фунт хлеба — 2 коп., фунт говядины — 10 коп., баранины — 6 коп., коровьего масла — 20 коп., бараньего сала — 10 коп., пара фазанов—10 коп. Зато непомерно дороги были овощи: пуд картофеля и пуд капусты стоили по 4 руб.

Русское население Мерва на первых порах складывалось из военных и чиновников, для которых была построена православная церковь. Условия жизни для них были настолько выгодными, что в городе возникла даже особая слободка, где несколько десятков солдатских жен занимались по преимуществу стиркой белья, зарабатывая на этом от 15 до 30 руб. ежемесячно, сумму по тем временам довольно значительную. Новый город был спланирован на берегу Мургаба, где желающим раздавались безвозмездно участки по 200 кв. сажен [64].

Присоединение Иолатана и Серахса

Вслед за присоединением Мервского оазиса произошло присоединение к России оазисов Иолатана и Серахса. Сарыки, населявшие Иолатанский и Пендинский оазисы, по преданию, происходили от брата родоначальников текинцев. Эта племенная близость сарыков и текинцев была использована царским правительством как доказательство невозможности разделения трех туркменских племен под властью двух государств [65], что, впрочем, соответствовало и действительным интересам туркмен. Уже в феврале 1884 г. сарыки Иолатана прислали депутацию в Мерв, заявляя о своем желании принять подданство России. Вместе с депутацией, возвращавшейся в Иолатан, был послан уже упоминавшийся выше инженер П. М. Лессар, оставивший интересное описание своего путешествия. Лессара сопровождали переводчик Хатым и шесть туркмен, в том числе один житель Мерва.

Путники выехали из русского лагеря у Мерва 4 марта

[64] Фонд I, оп. 2, д. 5130, *лл.* 22—23. Выписка из годового отчета за 1885 г.

[65] «Афганское разграничение», ч. I, стр. 32.

1884 г. За несколько верст до Иолатана их встретил старшина Сары-хан с сыном и влиятельными местными жителями, а при въезде в город — все население. По свидетельству Лессара «оживление всего вышедшего навстречу населения носило самый дружественный характер». 7 марта «весь вечер ханы писали прошение о принятии иолатанцев в русское подданство, чтобы на следующий день отправить его в Мерв» [66]. Для окончательного урегулирования вопроса о присоединении Иолатана к России туда был командирован Махтум-Кули-хан, который вернулся в Мерв с сообщением о положительном отношении к этому сарыков. Депутация сарыков, состоявшая из 12 уполномоченных с двумя ханами, прибыла в Ашхабад 21 апреля 1884 г. и принесла присягу. Начальником Иолатанского оазиса был назначен Сары-хан.

При этом в Иолатане произошел характерный инцидент, обнаруживающий крайнюю бесцеремонность царских властей. Гуссейн-хан, глава сарыкской депутации, ездившей раньше в Ашхабад, выразил протест против назначения Сары-хана старшиной, за что тотчас же был взят под стражу. Это было таким нарушением обычаев, что «целая депутация седобородых сарыков с Сары-ханом во главе» явилась просить об освобождении Гуссейн-хана. Их просьба была удовлетворена.

Присоединение Иолатана было осуществлено мирным путем. Лессар отмечал: «Видно было, что в Иолатане приходу русских радовались более искренне, чем в Мерве». 12 мая 1884 г. Иолатанский оазис сделался приставством Мервского округа. В мае того же года был занят царскими отрядами Серахс, населенный салырами (салорами) [67].

По поводу присоединения обоих оазисов к России возникла дипломатическая переписка. Английское министерство иностранных дел обратило внимание российского правительства на то, «что русские агенты были отправлены в Пенде с целью добиться подчинения туркмен-салоров». В записке Министерства иностранных дел России признавалось, что на-

[66] П. М. Лессар, *Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салоров)*, СПб., 1885, стр. 9—15.

[67] М. Алиханов-Аварский, *Закаспийские воспоминания*, — «Вестник Европы», 1904, октябрь, стр. 458—471.

чальник Закаспийской области отправил двух агентов осмотреть местности, расположенные к югу от Мерва. Это «сделано было по ходатайству самих туркмен». Серахс был окончательно присоединен к России только в 1886 г.[68].

Однако вопрос о присоединении Иолатана и Серахса не играл важной роли. Настоящий международный конфликт возник не из-за них, а из-за Пендинского района.

Присоединение Пендинского оазиса

Пендинский конфликт показывает, как колониальные противоречия начинались из-за мелких территориальных недоразумений. Сам по себе Пендинский район имел и для России и для Англии второстепенное значение. Правда, в исторической литературе иногда высказывались соображения о том, что появление русских войск в Пендинском районе представляет собой «большую опасность» для Афганистана и даже для английского владычества в Индии[69]. Но такая точка зрения опровергается всей историей колониальной политики Англии на Среднем Востоке, в особенности в 1881—1885 гг., когда она рассматривала Афганистан как свою колонию. В частности, англо-русская дипломатическая переписка свидетельствует об отстранении афганского правительства на второй план английскими эмиссарами. Даже официальная записка посла Великобритании в Петербурге признавала, что в Таш-Кепринской битве «британские офицеры руководили афганцами, но не принимали участия в бое».

Пендинский оазис мог считаться независимым, и жители его находились в постоянной борьбе за независимость против Афганистана и Персии. Во время действий царских войск при взятии Геок-Тепе и при занятии Мерва жители Пенде склонялись в сторону присоединения к России. Интереснейшие сведения о положении в Пендинском оазисе сообщает Лессар, посетивший этот район вскоре после присоединения Мерва, в марте 1885 г. Аулы пендинских сарыков произвели на Лессара благоприятное впечатление: «По обстановке аулов видно, что здесь весь народ должен быть очень и очень состоятельный: кибитки новые, чистые, у каждого хозяина их по нескольку». Сарыки приветливо встретили Лессара и находили справедливым, что Мерв был занят русскими войсками, считая, впрочем, еще более справедливым, если бы царь возвратил Мервский оазис сарыкам, когда-то его занимавшим. Пендинские сарыки соглашались присоединиться к России, но боялись афганцев: ведь Мерв далеко, тогда как «афганцы близко и убьют их жен и детей»[70].

Лессар, книга которого появилась еще до Таш-Кепринского столкновения, отмечает ухудшение положения пендинских сарыков после занятия Мерва, когда афганский эмир Абдурахман стал заявлять свои претензии на Пенде. Афганский эмир имел сборщика податей, который появлялся в Пенде и собирал плату за пастьбу сарыкских стад на афганской территории. «С осени прошлого года» (1884) афганские власти потребовали, чтобы сарыки Пенде уплачивали подать с урожая ($^1/_{10}$ часть), что должно было означать признание пендинскими сарыками их подданства эмиру. Лессар в связи с этим отмечает, что сарыки весьма враждебно относятся к этим требованиям, но сопротивляться им не могут и что «в случае появления русских в Пенде они будут встречены в высшей степени сочувственно громадным большинством населения оазиса»[71].

Часть сарыков Пенде и Иолатана признавала власть бухарского эмира, но чисто номинально. Притязания эмира на Пендинский оазис не были обоснованными, так как этот оазис был тесно связан с Мервом и остальной частью Туркмении. Только умышленная тенденциозность заставляла английские военные круги писать о «страшной опасности», которая якобы ожидала английские колонии в Индии в случае занятия русскими войсками Пендинского и Мервского оазисов. Небезызвестный Роулинсон заявлял, что Герат в Афганистане находится в руках той европейской державы, которая овладе-

[68] «Афганское разграничение», ч. II, стр. 59.— Дата его присоединения дана в «Отчете... гр. Паленом. Краевое управление».

[69] См., например, статью Е. Л. Штейнберга «Война Афганистана за независимость в 1878—1880 годы» («Исторический журнал», 1941, № 2, стр. 56—67).

[70] П. М. Лессар, *Юго-Западная Туркмения...*, стр. 20—21.

[71] Там же, стр. 63—64.

ет Мервом и которая, таким образом, будет угрожать Индии [72]. К этому прибавлялись опасения английских капиталистов о возможности вытеснения на рынках Персии и Афганистана английских товаров русскими [73].

Вопрос о Пендинском оазисе возник после присоединения Мерва. Лондонская конференция 1884 г. постановила организовать совместную англо-русскую комиссию для определения пограничной черты между Россией и Афганистаном. Тем самым как бы было признано право Англии распоряжаться в Афганистане как в зависимой от нее стране. Обширная дипломатическая переписка между правительствами России и Великобритании по поводу установления русско-афганской границы показывает, что за спиной афганского эмира фактически стояли английские генералы. Министерство иностранных дел России отмечало, что оно не поддерживает прямых сношений с афганскими властями [74], а принимает посредничество английских колониальных властей.

Действия афганского эмира Абдурахмана были продиктованы его английскими советниками, что не скрывал и сам эмир. По его словам, англичане уверяли: «Какое бы место ни было занято афганскими войсками, русские не посмеют тронуть его». Английские агенты всячески доказывали эмиру, что движение русских к Кушке явится нарушением конвенций, за что «русские будут привлечены к ответу» [75].

Английские представители действительно вели непосредственные переговоры с русскими военными властями. Английский делегат в англо-русской разграничительной комиссии генерал Лемсден прямо писал Алиханову, что он «находится в невозможности побуждать афганцев к дальнейшим уступкам, угрожая возможным разрывом отношений между Россией и Англией» [76].

[72] H. Rowlinson, *England and Russia in the East,* London, 1875, p. 362.

[73] Ch. Marvin, *Reconnoiting Central Asia,* London, 1884, p. 411.

[74] «Афганское разграничение», ч. II, стр. 135.

[75] В. Прасолов, *Мургабский поход 1885 г., завершившийся боем с афганцами на Кушке 18 марта,* стр. 29.

[76] «Афганское разграничение»; см. также М. Алиханов-Аварский, *Закаспийские воспоминания,*— «Вестник Европы», 1904, октябрь, стр. 471—495.

В мае 1885 г. конные и пешие афганские отряды стали сосредоточиваться у Ак-Тепе при впадении реки Кушки в Мургаб. Отсюда военные силы могли угрожать Иолатанскому и даже Мервскому оазису. Движение афганских войск в Ак-Тепе было заранее обдумано и подготовлено, что доказывается согласованным движением афганских отрядов к общему сборному пункту по долинам горных рек. В случае отступления русских войск могли возникнуть волнения в только что занятых туркменских областях и особенно в Мерве, где оставались еще недовольные присоединением Мерва к России.

Конные афганские разъезды дошли почти до Имам-Бабы на Мургабе, оказавшись в непосредственном соседстве с плотиной, перегораживающей эту реку.

Российское правительство также перешло к решительным действиям по закреплению Пендинского оазиса за Россией. Командующий войсками Закаспийской области Комаров получил приказ из Петербурга об усилении военных отрядов в долинах Теджена и Мургаба. Основной русский отряд, направлявшийся на юг, вверх по течению Мургаба, в середине марта подошел к Таш-Кепринскому мосту и оказался в непосредственном соседстве с афганскими постами. Переговоры между русским и афганским командованиями не привели ни к чему. Произошла вооруженная стычка («Таш-Кепринский бой» 18 марта 1885 г.), в результате которого афганцы были вынуждены отступить [77].

В этом «Кушкинском инциденте» принимали участие очень небольшие силы с той и другой стороны. Афганцы насчитывали 2600 всадников и 1900 пехотинцев. Русский отряд состоял из 1500 человек. Этот инцидент был неимоверно раздут английской прессой. В нашей литературе также встречается ошибочное истолкование этого вопроса. «Путь на Герат был открыт для царских войск», — такие замечания иногда читаем даже в ценных работах по истории СССР [78], как будто русский отряд в 1500 человек мог угрожать Герату.

[77] Донесения генерала Комарова и прочая переписка о событиях 1885 г. в Пенде опубликованы в сб. «Афганское разграничение». Там помещен рапорт Комарова от 30 марта 1885 г., ч. II, стр. 287—305.

[78] «История СССР», т. II. Россия в XIX веке, М., 1954, стр. 549.

Тем не менее «Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии»[79]. Причиной этому являлась не угроза Индии, а «дележ» добычи между империалистическими хищниками. Конечно, обе стороны вовсе не интересовались мнением населения Пендинского района. Реальные интересы сарыков, населявших Пендинский оазис, требовали оставления их в пределах России, поскольку в нее вошла почти вся территория Туркмении. Эту мысль еще за два года до кушкинского инцидента выразил старшина сарыков Пендинского оазиса в письме в Ашхабад (в мае 1883 г.): «Отамыш, тохтамыш и алкамыш суть три брата, из коих старшие отамыш и тохтамыш»[80]. В письме, как мы видим, отмечается родство жителей Пендинского оазиса с мервцами, исконная связь сарыков Пендинского оазиса (ялкамыш) с туркменами Мерва (отамыш и тохтамыш).

Присоединение к России избавляло жителей оазиса от гнета феодалов соседних отсталых стран, подчинения которым население Туркмении, как мы видели выше, настолько опасалось, что предпочитало идти под опеку царизма[81].

С присоединением Пендинского оазиса территория Закаспийской области в основном определилась. Она включала бóльшую часть земель, населенных туркменами. Общее число жителей в области, по подсчетам 1885 г., несколько превышало 200 тыс. человек.

Тем не менее и после присоединения Пендинского оазиса нельзя было считать, что все туркменские земли объединились. Значительная часть туркмен еще долгое время оставалась под властью хивинского хана и бухарского эмира, часть их жила в Персии. Объединение туркменских земель в едином государстве произошло только после Великой Октябрьской социалистической революции и образования Туркменской ССР.

---

[79] В. И. Ленин, *О сепаратном мире*,— Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 116.

[80] Фонд 1, оп. 2, д. 3818, л. 341.

[81] См. «Новая история стран зарубежного Востока», т. II, под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова, изд. МГУ, 1952, стр. 309.

Глава V

ЗАКАСПИЙСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ АХАЛ-ТЕКЕ И МЕРВА К РОССИИ (1884—1890)

Закаспийская область

Закаспийская область как административная единица складывалась на протяжении 15 лет, от основания Красноводска в 1869 г. до присоединения Мерва в 1884 г. Хотя она была неразрывной частью Российской империи, сложившиеся в ней порядки резко отличались от порядков в других районах страны, сохраняя еще долгое время остатки «военно-народного» управления. Нечего и доказывать, что в этом управлении было много военного и не было ничего народного. И туркменские и русские трудящиеся были в равной мере оттеснены на задний план царскими чиновниками и туркменскими старшинами.

Пять лет, прошедших со времени присоединения Мервского оазиса к России, вплоть до введения нового положения о Закаспийской области в 1890 г. являются в истории Туркмении своего рода переходной эпохой. Царская администрация в этот период не решалась еще вводить в Туркмении какие-либо новые порядки, становившиеся в противоречие с туркменскими обычаями. Поэтому изучение истории Туркмении в 1884—1890 гг. представляет особый интерес для характеристики царских колониальных порядков. Не забудем и того, что названные годы отмечены в самой России ростом рабочего движения, началом деятельности великого Ленина.

В то же время Туркмения продолжала быть и отсталой окраиной. Царские офицеры и чиновники чувствовали себя полными хозяевами Туркмении и даже не предполагали, что только четверть века отделяет их от того времени, когда Вели-

кая Октябрьская социалистическая революция сметет с лица земли и царизм и его приспешников.

Закаспийская область в первые годы после присоединения Ахал-Теке и Мерва к России сохраняла, как и другие области Средней Азии, как бы два вида административного устройства. Во главе управления краем стояли офицеры и чиновники, представлявшие собой высший слой колониальных властей, но рядом с ними оставалась старая туркменская знать в лице ханов, кетхудов, аксакалов, казиев и т. д. Судебные дела, возникавшие среди туркмен, решались на основании адата и шариата; русские и остальные российские граждане нетуркмены судились по общим законам Российской империи.

Административное деление Закаспийской области, в которую была включена бóльшая часть Туркмении, было крайне пестрым. К 1890 г. Закаспийская область делилась на 5 уездов, или округов; Ахал-Текинский (позднее Асхабадский), Тедженский, Мервский, Красноводский, Мангишлакский.

В Ахал-Текинский уезд входили Дурунское (центр — станция Бахарден) и Атекское приставства. Кроме того, особый заведующий полицейской частью находился в Кизыл-Арвате.

К Ахал-Текинскому уезду с востока примыкали Тедженский и Мервский уезды; размежевание между ними произошло в 1888 г., как и установление пограничной линии с Афганистаном в районе между Тедженом (Гери-Рудом) и Аму-Дарьей [1].

В Мервский уезд входило пять приставств: Иолатанское (или Елотанское), Пендинское (центр — Тахта-Базар), Серахское, Отамышское и Тохтамышское. Центром последних двух приставств был Мерв. В состав Мервского уезда с 1887 г. входило и «Мургабское государево имение», которое представляло собой «отдельную самостоятельную от него административную единицу, управляемую особым управляющим, подчиненным в административном отношении начальнику области и пользующимся правами равными с начальниками уездов». Административным управлением территорией имения ведал особый пристав, называемый байрам-алийским.

[1] «Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год». Изд. 2-е, Асхабад, 1897, стр. 5.

Красноводский уезд делился на два приставства: Чикишлярское и Каракалинское и внеприставский район, управлявшийся начальником уезда.

Пятый уезд, Мангишлакский, был оторван от остальных пустынями и не имел деления на приставства. Центром этого уезда являлся форт Александровский. Мангишлакский уезд был населен по преимуществу казахами и только у морских берегов — туркменами, составлявшими меньшинство населения [2].

Однако границы уездов и приставств менялись, и сведения публиковавшихся «Обзоров Закаспийской области» только приблизительно отражают территориальное ее деление [3] (границы приставств даже по официальным данным никакими актами не были определены и показаны в «Обзорах» приблизительно).

Основное туркменское население было сосредоточено в четырех уездах: Мервском, Тедженском, Асхабадском и Красноводском. Авторы обзора области за 1909 г. отмечали, что в Тедженском, а за малыми исключениями и в Мервском уезде «переход туземного населения от кочевого быта к земледельческому можно считать законченным, скотоводство хотя еще и есть, но является лишь подспорьем к главному занятию — земледелию, и занимаются им люди только состоятельные». В Мангишлакском уезде даже в начале XX в. кочевой быт был еще широко развит.

Царская администрация

Закаспийская область в 1884—1890 гг. управлялась на основании более ранних распоряжений царской власти, относившихся к Закаспийскому военному отделу. Формально начальник области подчинялся главноначальствующему войсками на Кавказе, но с 1884 г. «кавказское начальство предоставило начальству Закаспийской области почти во всех делах фактическую самостоятельность» [4].

Царское правление в Закаспийской области можно харак-

[2] Там же, стр. 8—9.

[3] См., например, фонд 1, оп. 2, д. 7828; фонд 1, оп. 5, д. 639.

[4] «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV, СПб., 1902, стр. 93—94.

теризовать как военно-колониальное. Характерной особенностью его было сосредоточение громадной власти в руках начальника области. Среди царских чиновников выработалось особое отношение к туркменам, которые в официальных бумагах и статьях, помещавшихся в русской прессе, именовались «туземцами». В одном официальном донесении встречаем такую фразу, имеющую ярко выраженный колониальный колорит: «Взрослый туземец смотрит на представителя русской власти, как на своего естественного попечителя».

Такой же административный восторг проявляется в проекте судебной реформы в Закаспийской области, который намечал утверждение следующих столпов правосудия: «старшины для каждого колена сарыков, местный народный суд, состоящий из казия и членов от каждого рода, а все это в непосредственном ведении энергичного пристава из русских офицеров, у которого должны быть помощник из туземцев, письменный переводчик и милиционеры». По мнению автора этого документа, главной фигурой в суде должен быть «энергичный пристав», а все остальное к сему приложится.

Сосредоточив в своих руках всю власть в крае, царская администрация, однако, с большой осторожностью относилась к старым туркменским обычаям, которые изменялись очень медленно. Необходимость сохранять старые туркменские порядки подчеркивалась рядом военных авторов. Так, И. Н. Маслов заявляет: «Всякая ломка и перемена порядков и обычаев с введением русских узаконений в этом новом крае совершенно излишни в смысле достижения хороших результатов, потому что этот первобытный народ больше всего ценит в победителе справедливость и дозволение им сохранять свои вековые обычаи» [5].

Худшие стороны царских административных порядков сказывались и в Туркмении. Но Туркмения оказалась все-таки в лучших условиях, чем Бухара и Хива, сохранившие видимость самостоятельности под властью феодальных владык. При всех своих недостатках администрация Закаспийской области была ограничена известным контролем, тогда как бухар-

[5] И. Н. Маслов, *Завоевание Ахал-Теке*, СПб., 1887, стр. 205.

ские и хивинские властители продолжали традиции прежнего времени со всеми чертами азиатской деспотии. К тому же особое пограничное положение Туркмении способствовало тому, что военное ведомство с особым вниманием наблюдало за действиями закаспийских властей.

Начальник Закаспийской области объединял в своих руках военную и гражданскую власть. Как уже говорилось выше, он был командующим войсками в области, а по отношению к гражданскому населению имел права губернатора и пользовался почти неограниченной властью над коренным населением. Даже после введения положения 1890 г. начальник области рассматривал и утверждал такие дела, как установление суммы калыма, судебные казусы, решавшиеся по адату, и пр. По положению об управлении Закаспийской областью, подтвержденному в 1890 г., начальник области заведовал «туземным населением области во всех отношениях». Иными словами, он мог вмешиваться даже в гражданские дела, например в иски, предъявляемые к воинским чинам, и пр. [6].

Даже в конце XIX в. возникали самые странные казусы, показывающие, как царское правительство вмешивалось в дела, связанные с шариатом. Так, в бумагах начальника Закаспийской области имеется дело об установлении возраста для девушек, после достижения которого они имеют право выходить замуж. Самое забавное в том, что по вопросу о возрасте для замужества мусульманских девушек запрашивали святейший синод, который с подобающей важностью установил возраст замужества туркменских девушек, опираясь не столько на православную практику, сколько, видимо, на адат и шариат.

Только в редких случаях жалобы на решения начальника области подавались в Сенат, но Сенат фактически отказывался от их рассмотрения, признавая решения начальника области не судебными, а административными. В конечном итоге постановления по таким жалобам производил Главный штаб как высшая инстанция, да и то если дело касалось «пришлого населения» (русских, армян и пр.). Для туркмен и для

[6] «Закаспийская область», изд. К. М. Федоров, Асхабад, 1901, стр. 200.

персидских подданных по уголовным делам существовал только военный суд [7].

При начальнике состояло гражданское отделение штаба, фактически ведавшее делами области, а позже канцелярия. Проект дополнительных штатов в Закаспийской области устанавливал следующие должности: одного старшего и двух младших чиновников особых поручений, по одному технику по строительству и дорогам, горной части и ирригации, одного переводчика. Канцелярия начальника области должна была состоять из правителя канцелярии, трех начальников отделений и шести письмоводителей, бухгалтера, экзекутора, архивариуса и двух переводчиков [8].

Грозным оружием в руках начальника Закаспийской области были военно-полевые суды, введенные через два года после присоединения Мерва, когда, казалось бы, положение в Закаспийской области стало более спокойным. Основанием для учреждения таких судов были случаи грабежей и нападений в области. Генерал Комаров обратился к командующему Кавказским военным округом с предложением создать военный суд «ввиду часто повторяющихся в последнее время в Закаспийской области нападений на проезжающих и даже на нижних чинов». Военный суд в составе председателя и членов суда из числа строевых офицеров Закаспийской области был учрежден в Ашхабаде; право обвинения было возложено на находившегося здесь помощника военного прокурора, который мог «конфирмовать приговор суда» [9].

Особое положение начальника области подчеркивалось тем, что он выполнял и некоторые дипломатические функции по сношениям с персидскими и афганскими властями в пограничных областях. Ежегодные перекочевки иомутов с северного берега реки Атрека на южный, т. е. с российской территории на персидскую, вызывали постоянные пограничные осложнения [10].

[7] Там же, стр. 200—201.

[8] Фонд 1, оп. 2, д. 4914, 1886 г.

[9] Фонд 1, оп. 2, д. 4154 (1884—1888 гг.), лл. 98—101 (утеряно во время землетрясения).

[10] Фонд 1, оп. 2, д. 14465, лл. 1—10.

Во главе уездов стояли уездные начальники, назначавшиеся из военных чинов. Временное положение о Закаспийской области устанавливало, что «уездный начальник исполняет обязанности, возложенные на уездных исправников в империи». Уездные начальники избирали старшин для заведования аулами, представляя их на утверждение начальнику области, отстраняли аульных старшин от обязанностей и имели право налагать на туркмен аресты на срок не свыше одного месяца.

В действительности же права уездных начальников были гораздо шире. Они творили суд и расправу по уголовным и гражданским делам с молчаливого согласия Сената, Военного министерства и Министерства юстиции. Когда же помощник военного прокурора, действовавший в области, обратился к начальствующему гражданской частью на Кавказе с просьбой о формальном утверждении права уездных начальников на рассмотрение судебных дел, начальствующий отказался сделать представление о таком утверждении, «утвердив словесно тот порядок, который существовал тогда в области в этом отношении» [11].

Из состава некоторых уездов были выделены особые приставства (в Красноводском уезде — Кара-Калинское и Чикишлярское, в Тедженском — Атекское и Серахское, в Мервском — Тедженское и Иолатанское, в Ашхабадском — Дурунское). Как и начальники уездов, пристава пользовались громадными правами и налагали взыскания на туркмен, часто не считаясь с законами.

Местная туркменская администрация

Территория уездов делилась на волости и аулы. Во главе волости стоял волостной управитель, а во главе аула — аульный старшина. По положению волостные управители пользовались «полицейской и распорядительной властью в волости», имели право подвергать местное население аресту на срок не свыше 3 дней и штрафу до 3 руб. Волостные управители получали жалованье за счет сбора на общественные надобности, а аульные старшины вознаграждения не по-

[11] «Закаспийская область», стр. 201.

лучали. Волости существовали только в Мангишлакском уезде, охватывая все казахское (по терминологии того времени «киргизское») население, и в Красноводском, где имелась только одна волость, в которую входило до 1000 казахских кибиток. Все остальное как кочевое, так и оседлое туркменское население в Закаспийской области было сгруппировано для управления в аулы.

Особое значение имели мирабы, ведавшие распределением воды в районах поливного земледелия. По материалам начала XX в., «в каждом старшинстве колена ближайших родов и родственников располагаются по отдельным канавам, есть старшинства с двумя канавами, но в большинстве от 3 до 4 канав». Каждая канава (арык) в Иолатанском приставстве имела своего мираба, в большинстве же старшинств их было по 4. В Атекском приставстве каждое старшинство выставляло обычно одного, реже — двух мирабов [12]. Кроме мирабов, существовали и другие должности, связанные с водопользованием, столь важным для Средней Азии. К их числу принадлежали местные туркменские техники и пр.

Объем власти старшин (особенно в первое время после присоединения Туркмении) был довольно обширен. Старшины играли важную роль при распределении воды среди населения. Так, в 1884 г. старшина селения Дарган на Атреке «отказал в воде» пяти «дымам анавлийцев» на том основании, что «управляемые им текинцы не желают более иметь в своей среде чуждых им по племени и роду пришельцев и что он, старшина, не позволяет анавлийцам пользоваться оросительною водою по приговору Текинского общества селения Даргана». Понадобилось особое распоряжение начальника области, чтобы старшина начал отпускать воду анавлийцам, жившим в Даргане уже три года [13].

[12] Д. И. Субботич, *Материалы по земле-водопользованию*, Асхабад, 1903, стр. 42—50; см. также «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Орошение в Туркестане», СПб., 1910, гл. III, значительно точнее и подробнее см. «История Туркменской ССР», т. 1, кн. II, Ашхабад, 1957.

[13] Фонд 1, оп. 2, д. 4891, лл. 1—2.

Управление аулами регулировалось сходками жителей. «В аулах как обычное явление всегда происходят сборища или „маслахаты" для выяснения и решения различных вопросов по земле и водопользованию, выбору лиц аульной администрации и т. п. общественных дел» [14].

Старшины назначались царскими властями и находили у них постоянную поддержку. Жалобы населения на старшин часто вообще не принимались во внимание. А между тем такие жалобы были постоянным явлением. Например, каахкинский судья — казий Сеид-Мухаммед-ших жаловался на то, что старшина в Каахке Шах-Назар-юзбаши вмешивается в шариатские дела не по правилам и настаивает, чтобы они решались по его желанию [15]. Подобная жалоба отражала споры туркменских старшин между собой. Рядовые же туркмены чаще всего молча сносили произвол своих старшин, прекрасно зная, как трудно добиться на них управы.

В некоторых приставствах существовали еще должности эминов — сборщиков податей. При старшинах имелись аульные джигиты (2 или 3 человека) для передачи приказаний, сбора рабочих и т. д., а также приставские джигиты для караулов. Кроме того, для писарских дел находилось по одному мулле [16].

Туркменские ханы и хивинские аксакалы

Царское правительство стремилось властвовать в Туркмении с помощью туркменской администрации, опираясь не только на старшин, но и на ханов, должности которых еще долгое время сохранялись в Мерве, Иолатане, Пенде и Серахсе.

Характеризуя значение ханов, начальник Закаспийской области генерал Комаров писал в докладе по делу о волнениях в Мерве в 1890 г.: «Должности ханов учреждены в Мервском округе немедленно по занятии Мерва и Иолатана, а впоследствии на одинаковых же началах в Серахсе и Пенде». По действующему положению об управлении областью, ханы, пред-

[14] Фонд 1, оп. 2, д. 10534, лл. 17—18.

[15] Фонд 1, оп. 2, д. 3015, лл. 1, 2.

[16] Д. И. Субботич, *Материалы по земле-водопользованию*, стр. 42—50.

ставляя промежуточную административную единицу между уездным начальником и старшинами, должны быть приравнены к волостным управителям Мангишлакского уезда, при назначении которых в принципе было положено также начало родового деления, приуроченного к этой административной инстанции. Отсюда вытекают их служебные права и обязанности, обусловленные существующими законоположениями. В частности, по отношению к ханам Мервского округа для более точного выяснения их служебных прав и обязанностей можно привести следующие данные, извлеченные из дел штаба. В приказании начальника Закаспийской области и командующего в ней войсками ханам, старшинам и всему народу Мервскому родов отамыш и тохтамыш, объявленном при занятии Мерва, сказано: «Для общего управления народом назначается русский офицер. Ближайшее заведование каждым из четырех племен Мерва остается за постоянными ханами» [17].

Круг служебной деятельности ханов был определен в утвержденной командующим войсками инструкции 1884 г. для приставов:

«Пока власть ханов признается необходимою, в Серахсе требовать от старшин и народа исполнения его (хана) приказаний и предоставить ему и старшинам все внутренние распоряжения в оазисе в делах, касающихся пользования водой и землей. В этих же видах все приказания и распоряжения как полученные от начальника округа, так и собственные передавать народу через посредство хана. Ему же предоставить разбор мелких жалоб и без крайней необходимости не отменять его решений» [18].

Таким образом, царское правительство оставило видимость прежнего деления туркмен на племена во главе с особыми ханами, дав этим ханам полную возможность распоряжаться «водой и землей», подчиняя их начальнику уезда.

Ханы быстро нашли общий язык с царской администрацией, как показывает дело о злоупотреблениях начальника Мервского уезда подполковника Алиханова, которому они подносили подарки в виде ковров «домашнего производства» по

[17] Фонд 1, оп. 2, д. 4921, л. 101.

[18] Там же.

случаю его свадьбы [19]. Ханы стали верными помощниками царской власти, а многие из них воспитывали даже своих детей в кадетских корпусах и других царских учебных заведениях. Прошло всего несколько месяцев после присоединения Мерва, а Майли-хан, получивший чин капитана милиции, просил об обучении его брата в русском учебном заведении [20]. Такие просьбы обычно охотно выполнялись, и текинские наездники украшали царский конвой.

Интересные сведения о туркменских ханах содержатся в списке лиц, представленных в 1909 г. к наградам по случаю 25-летия присоединения Мерва к России. В нем находятся имена ханов и их сыновей, которые способствовали этому событию и за 25 лет продвинулись по служебной линии. Юсуф-хан (Магомет-Юсуф-хан Нур-Вердыханов), сын Нур-Вердыхана и Гюль-Джамал, стал майором милиции и получил ордена Анны и Станислава 3-й степени. Сары-Батыр-хан имел чин капитана милиции и те же ордена. В числе представленных к наградам — сын Юсуф-хана, внук Мурад-хана, племянник Майли-хана. Кроме чинов и орденов, многих наградили «часами из кабинета его величества» и почетными халатами [21].

В некоторых городах Закаспийской области (Ашхабаде, Красноводске и Мерве) находились и хивинские аксакалы, назначавшиеся с санкции туркестанского генерал-губернатора. Они действовали «на основании законов Российской империи» и находились под контролем местных царских властей, причем обязаны были «по первому требованию давать полный отчет о всяком своем действии». Хивинские аксакалы должны были вести списки хивинских подданных, постоянно или временно проживавших в подведомственных им селениях, выдавать им паспорта, сообщать царским властям о преступлениях хивинских подданных, но не имели права взыскивать с них торговых сборов [22].

[19] Фонд 1, оп. 2, д. 5241, лл. 50—51. Дело о беспорядках в Мервском уезде в 1890 г.

[20] Фонд 1, оп. 2, д. 7366, л. 1.

[21] Фонд 1, оп. 2, д. 5087, лл. 19—24 (26 ноября 1884 г.).

[22] Фонд 1, оп. 2, д. 527, л. 13.— По жалобе хивинских подданных на аксакала в Ашхабаде (правила о хивинских аксакалах, 1890 г.); д. 5258. — О назначении хивинских аксакалов (1890 г.).

Положение 1890 г. 6 февраля 1890 г. было утверждено новое положение о Закаспийской области. Этому предшествовало длительное обсуждение в Комитете министров вопроса о том, следует ли Закаспийскую область присоединить к Туркестанскому генерал-губернаторству или она должна составить особую территориальную единицу. На последнем настаивал министр иностранных дел Н. К. Гирс, тогда как военное министерство требовало подчинения области туркестанскому генерал-губернатору. Настаивая на необходимости включения Закаспийской области в состав Туркестанского края, военные чины выдвигали общие соображения о престиже туркестанского генерал-губернатора, в лице которого будто бы все народы Средней Азии до Индии включительно видели «представителя белого царя».

Начальник Закаспийской области генерал А. Н. Куропаткин в свою очередь указывал на крайнее неудобство упразднения самостоятельной Закаспийской области. Его соображения были значительно больше обоснованы, чем соображения туркестанцев. В частности Куропаткин обращал внимание на этнографические особенности Закаспийской области, именно на то, что она в основном населена одним народом: «Главная часть населения области принадлежит к одному племени — туркменскому, говорящему одним языком и живущему поэтому почти в одних и тех же условиях». Куропаткин подчеркивал равнодушие туркмен к мусульманской религии. Боязнь царского правительства объединить все мусульманское население Средней Азии сыграла свою роль в решении вопроса о судьбе Закаспийской области [23].

По внутриполитическим соображениям царские министры нашли крайне нежелательным объединение «среднеазиатских владений в один обширный административный район с исключительно мусульманским населением», что, по их мнению,

[23] Материалы об этой ведомственной переписке напечатаны в сб. «Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России». Сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников. Под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловца, Ашхабад, 1946 (далее — «Россия и Туркмения»).

«могло только укрепить в этом населении сознание общности его на почве интересов религиозных» [24].

Комитет министров вынес решение об образовании из Закаспийской области самостоятельного административного района.

По положению 1890 г. начальнику области были предоставлены права главного начальника военного округа. Вместо гражданского отделения штаба была учреждена Канцелярия начальника области. Мервский и Тедженский округа были переименованы в уезды, а Ахал-Текинский уезд — в Асхабадский. Во главе уездов были поставлены уездные начальники [25].

По временному положению об управлении Закаспийской областью [26] главой управления являлся начальник области, в обязанности которого, как уже говорилось выше, входило «заведывание местным населением во всех отношениях». Начальник области обладал большими правами, в том числе правом подвергать «туземцев» аресту до 3 месяцев. Кроме того, в круг ведения начальника области входило наблюдение за делами в соседних странах, главным образом в Персии и Афганистане.

Временное положение (пункт 6) определяло функции начальника Закаспийской области так: «Начальник области обязан иметь, по возможности, точные сведения о положении в смежных с областью азиатских странах... Он заботится об ограждении неприкосновенности наших границ от вторжения неприятеля, а также разбойничьих шаек соседних народов. В круг его деятельности не входят сношения с Хивинским ханом и Бухарским эмиром, с которыми непосредственно сносится туркестанский генерал-губернатор. Начальник Закаспийской области состоит в постоянных сношениях с туркестанским генерал-губернатором, посланником в Тегеране, политическим агентом в Бухаре и русским генеральным консулом в Мешхеде».

Пограничное положение Закаспийской области налагало

[24] «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. 4. СПб., 1902, стр. 93—97.

[25] «Обзор Закаспийской области с 1890 по 1896 год», стр. 1—3.

[26] Фонд 1, оп. 2, д. 3779, лл. 2—5.— Печатный экземпляр Положения.

на местных чиновников обязанности по связи с русскими агентами в пограничной персидской провинции Хоросане. В Хоросан были отправлены агенты для наблюдения «за выполнением протокольных постановлений 1884 г. о распределении земель и воды», согласно конвенции России с Персией 1881 г. Эти агенты, по признанию официальных документов, были поставлены «в весьма узкие рамки»[27]. Деятельность начальника Закаспийской области по сношениям с пограничными государствами находилась под постоянным наблюдением соответствующих министерств в Петербурге.

По положению 1890 г. военное руководство Закаспийской областью было изъято из подчинения Кавказскому военному округу. Выделено было даже церковное подчинение царских войск в области: военное духовенство во главе с особым благочинным подчинялось главному священнику армии и флота. Положение 1890 г. сохранило выплату содержания по 1200 руб. в год каждому из четырех мервских ханов.

Подати и таможенные сборы

Особое положение Туркмении в составе Российской империи сказалось и в том, что таможня и налоговые органы в ней долгое время находились в подчинении учреждений, территориально отдаленных друг от друга.

Таможенное управление Закаспийской области первоначально не имело своего центра. На ненормальность такого положения еще в 1882 г. указывал чиновник Езучевский, посланный департаментом таможенных сборов в Среднюю Азию. Однако таможенный надзор так и остался в ведении «военно-народного управления» с того времени, как он был ему подчинен в 1881 г. Только в 1886 г. (2 мая) было утверждено мнение Государственного совета о передаче таможенной части в крае из военного ведомства в Министерство финансов[28]. Туркестанский таможенный округ был учрежден лишь в 1890 г. (12 июня)[29].

Много неясностей и трудностей было с введением в Турк-

[27] Фонд 1, оп. 2, д. 14465, лл. 1—10. 1891 г.

[28] Фонд 1, оп. 2, д. 14247, 1891—1894 гг. — Езучевский представил свой отчет в 1884 г.; д. 14852.

[29] Фонд 1, оп. 2, д. 14252, 1893—1895 гг., л. 5.

мении разных податей, которые рассматривались царской администрацией как своего рода обязательная мера для установления подданнических отношений туркмен к царскому престолу. Вопрос этот был тем более сложен, что туркмены никогда не платили обязательных денежных податей. Дела канцелярии начальника Закаспийской области отражают колебания царской администрации в вопросе о размерах той или иной подати, как это можно видеть из нескольких примеров, относящихся к 1881—1885 гг.

В 1881 г. комендант морской крепости в Михайловском заливе просил об обложении податью в 3—4 руб. туркменских косовых лодок, которые приходили ежедневно по 2—3 и разгружались в заливе. Это предложение было признано тогда начальником области преждевременным[30]. Чиновники дали справку, что в Мазандеране и на побережье Астрабадского залива взимаются пошлины, «освященные временем, по 2 крана с человека и лодки — пустой или нагруженной солью, с каждой или каждого на ней туркмена без подразделения сих последних на южно- или северо-атрекских».

Неясно было также, как поступать в области земельно-водных отношений, крайне своеобразно сложившихся в Туркмении.

В январе 1884 г. начальник Ахал-Текинского уезда в ответ на запрос начальника штаба доносил, что жители уезда «по отношению к своему благосостоянию делятся на два разряда: на имеющих право пользоваться водою и не имеющих оного; последние для своего существования поставлены в необходимость арендовать у первых воду на различных условиях». Начальник уезда предлагал обложить текинцев податью в 6 руб. с кибитки, как иомутов. Но общий вопрос о податях, налагавшихся на туркмен, был разрешен значительно позже, когда было принято постановление о привлечении населения Ахал-Текинского уезда к денежным повинностям в размере 4 руб. с кибитки, с тем чтобы 50 коп. шли на общественные нужды. Тогда же сбор с нохурцев по-прежнему был установлен в размере 6 руб. как с людей, пользующихся

[30] Фонд 97, оп. 1, д. 211, лл. 1, 2.

значительными угодьями. Подати должны были взыскиваться с осени 1885 г.; от них освобождались вдовы с малолетними детьми и круглые сироты [31].

Некоторые архаические пошлины существовали в Туркмении относительно долгое время. Такова была таможенная пошлина — «пач» (или «бадж»), которую брали с караванных грузов в размере $^1/_{40}$ стоимости грузов. Пошлина эта была обременительна, а поступления от нее ничтожны. По рапорту начальника гарнизона Кушкинского поста, на афганской границе «пач» собирали трижды, а вся сумма поступлений от него за полгода составила только 20 руб. 05 коп. [32]. Конечно, эта сумма, собранная в виде «пача», недостаточно показательна, так как Кушка не имела большого торгового значения, но и общая сумма таможенных пошлин, собранных в Мервском уезде за 9 месяцев 1884 г., равнялась всего 6867 руб. Между тем сбор таких пошлин, как «пач», открывал таможенным сборщикам (пачманам) и царским чиновникам большие возможности для злоупотреблений. Это признавали и официальные документы, отмечавшие «слишком гадательный» характер цифр о торговых оборотах, помещавшихся в донесениях уездных начальников.

Особенно много затруднений возникало в связи с необходимостью регулировать пользование землей и водой. Нарушение правил землепользования приводило к серьезным трудностям и даже волнениям, как и дела, связанные с кярендой [33]. Кярендные земли составляли остаток неразделенной

[31] Фонд 1, оп. 2, д. 6700, лл. 1, 2, 5—6.— В 1883 г. в ауле Нохур было 179 кибиток, или дымов (д. 12658, л. 1).

[32] Фонд 1, оп. 2, д. 4921, д. 14251.— Сумма от «пача» сложилась за время с 4 ноября 1892 г. по 28 апреля 1893 г.

[33] Фонд 1, оп. 2, д. 5241, лл. 46—48 (о беспорядках в Мервском уезде в 1890 г.). — Начальник Мервского уезда подполковник Алиханов таким образом характеризовал кяренду: «Кярендою туркмены называют процент, вносимый натурально в пользу общества отдельными лицами или товариществами с урожая ежегодно арендуемых ими у общества участков земли... Собственную кяренду имеют и мелкие аулы и отдельные колена как общественное достояние любой деревни в России» (см. подробнее и точнее в «Истории Туркменской ССР», т. 1, ч. II, Ашхабад, 1957).

общественной земли и сдавались аульными обществами в аренду отдельным лицам.

В 1890 г. такие земли были переданы в распоряжение начальника области. Эта мера имела целью создать фонд для наделения землей переселенцев из России. В начале XX в. бывшие кярендные земли составляли свыше 200 тыс. десятин, из которых обрабатывалось меньше одной трети [34].

Судебное устройство

Судебное устройство Закаспийской области в 1885—1890 гг. отражало собой общую неясность, характеризовавшую управление областью вскоре после присоединения к России. Оставалось в силе временное положение 1874 г., предусматривавшее создание военных судов и строгие наказания за выступления против царского правительства. Чиновничья неразбериха и споры о взаимоотношениях начальства Закаспийской области с начальством Кавказского края привели к тому, что Бакинский окружной суд, на обязанности которого лежало рассмотрение уголовных дел в Закаспийской области, стал отказываться от этого. В результате судебные дела «складывались в ожидании разрешения возбужденного вопроса о направлении их» [35]. В связи с этим в 1885 г. состоялось «царское повеление» о рассмотрении Бакинским окружным судом возникавших в Закаспийской области дел. В июне 1886 г. оно было подтверждено вторичным «повелением»: «Передать разрешению Бакинского окружного суда все возникшие в Закаспийской области и уже оконченные производством следствия уголовных дел, неподсудных мировым судьям». Тем не менее подсудность населения Закаспийской области военному суду «за все важнейшие преступления» держалась еще долго.

Институт так называемых народных судов был утвержден 9 марта 1874 г. по «Временному положению об управлении Закаспийским краем», когда вся область состояла только из

[34] «История Туркменской ССР», т. 1, кн. II, стр. 148.

[35] «Закаспийская область», стр. 195. Глава XI, «Судебная часть в Закаспийской области до открытия Асхабадского Окружного суда» написана помощником военного прокурора области и основана на официальных документах.

Мангишлакского и Красноводского приставств[36]. Эти судьи носили внешние черты выборности и коллегиальности. Население аулов выбирало по два кандидата в «народные судьи», причем каждый кандидат должен был быть не моложе 30 лет. Таких кандидатов по определенной очереди вызывали в участковый «народный суд», после чего они только и получали звание судей. Позже установился обычай утверждать «народных судей» приказами начальника области. В конечном же счете и назначение и увольнение таких судей производилось начальником области «по представлению начальника уезда». Царские чиновники признавали, что «руководителями судей и вдохновителями постановляемых решений являются участковые пристава, уездные начальники и их помощники, участвующие в заседаниях суда в качестве председателей».

Уездный начальник и был распорядителем «народных судов», которые решали существенные вопросы и присуждали наказания и денежные взыскания в определенных пределах: «народный суд» мог посадить под стражу на срок до шести месяцев, присудить к телесному наказанию до 50 ударов, к денежному взысканию до 50 руб. Впрочем, и здесь была проведена особая градация, целью которой было привлечь на сторону царской власти туркмен, служивших в конной милиции: их освобождали от телесного наказания. В «народных судах» принимали участие с совещательным голосом казии как эксперты и знатоки шариата по наследственным и семейным делам.

Дела в «народных судах» решались по адату и шариату, в силу чего создавался как бы особый судебный мирок: «пришлые», т. е. русские, армяне и пр., судились по законам империи, «туземцы», т. е. туркмены,— по давно устаревшим обычаям. Для большего контроля над судами были установлены три инстанции: 1) аульные суды, 2) суды уездные и приставские, 3) чрезвычайный съезд народных судей. В числе дел, подлежавших аульным судам, были дела по обвинению аульным старшиной жителей «в нарушении тишины и спокойствия и в дурном поведении»[37].

Даже в начале XX в. судебные учреждения Закаспийской области отличались крайней пестротой, как это видно из следующих материалов. В Мангишлакском уезде дела разбирались в аульных судах и съезде биев, который собирался в форте Александровском с 1 ноября по 1 марта. Туркменские и казахские («киргизские») дела рассматривались порознь. В состав суда по смешанным делам входило по четыре «киргизских» и туркменских судьи. Председателем съезда судей был помощник начальника уезда.

Во внеприставском районе Красноводского уезда дела разбирались на съезде судей в уездном управлении под председательством помощника начальника уезда. В Чикишлярском и Каракалинском приставствах и на острове Челекен имелись аульные суды в составе трех выборных судей каждый. Более высокой инстанцией являлись суды из пяти выборных судей под председательством пристава.

В Асхабадском уезде маловажные проступки и иски на сумму не выше ста руб. разбирались в аульных судах с тремя выборными судьями. Более важные преступления и крупные иски, а также жалобы на аульные суды рассматривались в заседаниях народного суда при уездном управлении в составе пяти судей под председательством помощника уездного начальника, а в Дурунском приставстве — под председательством пристава.

В Тедженском уезде народный суд в составе трех аульных судей действовал под председательством уездного начальника, в Атекском приставстве в составе пяти судей, в Серахском приставстве в составе трех судей под председательством пристава.

В Мервском уезде действовало пять народных судов: особые суды для текинских колен отамыш и тохтамыш, суды в Иолатане, Пенде, Байрам-Али — везде под председательством пристава. Второй инстанцией в Мервском уезде был съезд

[36] «Отчет... гр. К. К. Паленом. Народные суды Туркестанского края», стр. 157; см. фонд 1, оп. 2, д. 5171 (1882 г.), л. 5. — Рапорт начальника Ахал-Текинского округа (утерян во время землетрясения). См. также проект об учреждении судов в Ахал-Текинском уезде от 13 ноября 1882 г. (фонд 1, оп. 2, д. 4148, лл. 9—14).

[37] «Закаспийская область», стр. 43—45, 208.

народных судей при уездном управлении. В 1893 г. для разбора затруднительных судебных случаев был учрежден Чрезвычайный съезд народных судей, первый раз созванный 24 января 1894 г.

На практике царские судебные порядки вызывали постоянное недовольство коренного населения. В 1901 г. сарыки аула Коджали Пендинского приставства угрожали даже переехать в Афганистан. Главной причиной их недовольства было запрещение сеять рис во избежание лишнего расхода воды, хотя сам начальник уезда считал, что долина верхнего Мургаба «в этих местах густо порастает бурьяном и колючкою, которые заглушают все посевы, кроме риса». Тем не менее основной причиной стремления сарыков к переезду в Афганистан начальник уезда с чисто колониальным презрением к туркменам выдвигал «дикость населения, не знающего русских порядков и боящегося русского суда»[38]. В действительности же было наоборот, сама русская администрация плохо знала туркменские обычаи.

Даже в 1893 г. начальник области генерал А. Н. Куропаткин отметил, что среди поступавших к нему жалоб «туземцев» на решения народных судов значительное число касалось дел, в которых были затронуты интересы жителей разных аулов и племен, а также дел, «в коих участвует много лиц и относящихся до споров о земле, воде, семейных правах, в числе каковых дел имеется немало сложных и запутанных»[39].

Судебные порядки, установившиеся в Закаспийской области после присоединения к России, настоятельно требовали изменения, так как практически не удовлетворяли ни самих

[38] Фонд 1, оп. 2, д. 7824, лл. 95—97.— Записка Судной части при начальнике Закаспийской области от 10 мая 1909 г.; фонд 1, оп. 2, д. 5263. — О переселении нескольких кибиток, 1901 г.; д. 4148 [с проектом об учреждении народных судов в Ахал-Текинском уезде (1889 г.)], лл. 9—14; д. 7828; см. также: А. Ломакин, *Обычное право туркмен (адат)*. Асхабад, 1897; «Отчет... гр. К. К. Паленом. Народные суды Туркестанского края», стр. 141—161 (здесь даны несколько иные сведения, чем изложено выше, согласно архивным документам).

[39] Архивная копия по материалам Центрального Государственного архива ТССР (ф. 1, оп. 2, д. 7824, лл. 95—97).

туркмен ни царских чиновников, стремившихся поставить «народные суды» под свое наблюдение.

Вопрос о судебных учреждениях Закаспийской области рассматривался заново в 1883—1891 гг. Это было вызвано тем, что с 1883 г., по распоряжению главного военного прокурора, военный суд прекратил принимать дела о преступлениях гражданских лиц, живших в только что присоединенном Ахал-Текинском уезде. Как уже упоминалось выше, в 1886 и 1887 гг. особыми царскими повелениями Ахал-Текинский уезд был передан в судебном отношении в ведение Бакинского окружного суда, после чего старший председатель Тифлисской судебной палаты сделал представление в Министерство юстиции о трудностях ведения судебных дел в Закаспийской области из-за дальности расстояния.

Отвергая заявление о неудобствах подсудности жителей области судебным учреждениям Закавказья, начальник области высказывал мысль о неудобствах присоединения области к Туркестанскому краю: «За исключением Мангишлакского уезда, Закаспийская область, населенная туркменами, во многих отношениях значительно отличается от областей Туркестанского края. Различия эти заключаются в духе народа. Туркмены всегда были свободны, зависимость их от ханов Хивинских и эмиров Бухарских была номинальная и обуславливалась лишь личными отношениями туркменских предводителей как между собой, так и к среднеазиатским владетелям. В среде туркмен никогда мусульманское духовенство не имело особого значения и к религии народ относился довольно равнодушно»[40]. Кроме того, начальник области указал на то, что «все интересы пришлого населения в крае находятся в Баку и Астрахани, а не в Туркестанском генерал-губернаторстве». Оттуда идут в область все товары, туда же направлен весь вывоз «произведений области и Хорасана».

В начале XX в. (уже после революции 1905—1907 гг.) судебные порядки Закаспийской области вызывали возмущение даже у видавших виды царских судебных чинов. «Активное участие чинов русской администрации,— читаем в отчете о

[40] Фонд 1, оп. 2, д. 13968, л. 12.

ревизии Туркестанского края,— в судебном разбирательстве народных судов оказывает настолько существенное влияние на ход отправления правосудия, что едва ли народный суд у туркмен можно признать действующим на основании обычаев». За этой осторожной формулировкой в сущности скрывается признание произвола царских чиновников, безудержного взяточничества и неправосудия, сопровождаемое порочным взглядом царской администрации на туркмен, как на «простодушных дикарей» [41].

Особое положение «государева имения» в Байрам-Али

Своекорыстные взгляды царской семьи Романовых на Туркмению как на страну, где можно захватить большие земельные владения, ярко выразился в создании так называемого «государева имения» в Байрам-Али. В этой работе, конечно, нельзя полностью осветить все вопросы, связанные с созданием имения, история которого очень напоминает знаменитую концессию на реке Ялу. Однако характеристика порядков, сложившихся в Туркмении, была бы неполной, если бы устройство «государева имения» было оставлено в стороне. Само название чрезвычайно характерно своей архаичностью и явным подражанием терминологии XVIII—XIX вв., когда обращение «государь» было в особом ходу, причем дворяне, в особенности отставные военные, любили подчеркнуто титуловать императора как человека особенно им близкого: «мой государь» или «наш государь». На практике «государево имение» было типичным плантационным хозяйством, рассчитанным на эксплуатацию рабочих пришлых и местных, у которых были отняты возможности дальнейшего расширения своей обрабатываемой земли.

Имение было основано через два года после присоединения Мерва к России на основании царского указа от 6 августа 1887 г., «признавшего за благо обратить в состав государевых имений часть земель, вновь присоединенных к Средней Азии» [42]. Для этого из Мервского уезда были выделены земли по правому берегу реки Мургаб от Байрам-Али до

[41] «Отчет... гр. К. К. Паленом. Народные суды Туркестанского края», стр. 157; см. также стр. 155.

[42] Э. Р. Барц, *Орошение в долине реки Мургаб и Мургабское государево имение,* СПб., 1910, стр. 169.— В этой книге дано описание имения, преимущественно с технической стороны. См. также «История Туркменской ССР», стр. 145—147.

53-й версты у станции Равнина. Для упорядочения водопользования была восстановлена плотина Султан-Бент. Площадь имения, напоминавшая по плану «очертания Южной Америки», равнялась 103 908 десятинам земли. Центр имения находился в Байрам-Али, где жило 3012 человек, а в качестве рабочих были поселены таранчи, переселенные из Верного [43].

Имение представляло собой особую единицу, фактически пользовавшуюся всеми иммунитетными правами, наподобие средневекового домена. Байрам-Алийское приставство было изъято даже из ведения начальника Мервского уезда и перешло под управление управляющего «Мургабским государевым имением» [44]. Имение управлялось на основании соглашения статс-секретаря Рихтера с командующим войсками Закаспийской области генералом Комаровым, заключенного 13 ноября 1887 г. в Тифлисе. Пункт 9 этого соглашения устанавливал: «В хозяйственном и административном отношении управление имением сосредотачивается непосредственно в Департаменте уделов. Права и отношения управляющего имением устанавливаются на общих основаниях, изложенных во II т. Свода законов (изд. 1876 г.) общих губернских учреждений. Все касающиеся до Государева имения распоряжения высшего правительства, так и местного начальства приводятся в исполнение через управляющего имением, который подчиняется начальнику области, как офицер, состоящий на службе в оной».

Управление имением носило типично колониальный характер. Посредники отпускали дехканам в долг сахар, чай, хлеб, табак и брали в полтора-два раза дороже их стоимости. Отдельные арендаторы, даже по терминологии штаб-офицера — «кулаки», иногда даром использовали труд дехкан и выгоняли их под каким-либо предлогом («плохо работают, ленятся или что-нибудь в этом роде»), не заплатив за работу. Жало-

[43] Фонд 1, оп. 2, д. 7835 (материалы к обзору области за 1914 г.), лл. 433—435.

[44] Это произошло 30 декабря 1906 г.

ваться было бесполезно, так как старшины некоторых обществ оказывались в соглашении с арендаторами казенных земель в Байрам-Али[45]. Начальство области обязывало местные власти оказывать содействие управляющему имением.

Недостаток воды в Отамышском и Тохтамышском районах был связан с нерациональным расходованием ее в Иолатане и в Мургабском имении, где во многих местах залитые водою поля образовывали озера. Хозяева мельниц на Мургабе подкупили мираба казенных земель, указывая на необходимость увеличения отпуска воды, которая «отнимается у жителей собственно для привода в движение мельниц». Докладная записка штаб-офицера рисует картину полного произвола в распределении воды: «Старшины берут себе больше воды, чем им полагается», обделяют бедняков, приказывают иногда совсем не давать воды туркменам, не поддерживающим их.

Страшным бичом для трудового населения были арендаторы, которые отдавали землю для обработки «дехканам, т. е. рабочим туркменам», причем $^1/_4$ часть урожая полагалась имению, $^1/_4$ — арендатору-посреднику и $^2/_4$ — самому работнику. «При этом посредник ничего не дает работникам: ни семян, ни рабочего скота, ни инструмента и неизвестно, за что получает $^1/_4$ часть всего урожая, что составляет весьма солидный доход, а именно: при посеве хлопка $^1/_4$ урожая составляет 25 пудов с десятины или 50 рублей минимум. Между тем посредник берет себе 1 помер земли, равный 25 десятинам, что дает ему одного дохода в 1250 руб. в год». Заведование ежегодным распределением воды из Мургаба было возложено на инженера-гидравлика имения под контролем особого присутствия в составе начальника округа, управляющего имением и инженера. В случае разногласий дело шло на разрешение командующего войсками, а «в касающихся до выяснения принципиальных вопросов по водовладению разрешались окончательно по соглашению департамента уделов с начальником области»[46].

[45] Фонд 1, оп. 2, д. 4910, лл. 289—290.—Доклад капитана Стржалковского, 6 июля 1901 г.

[46] Фонд 1, оп. 2, д. 4910, л. 16.— О Мургабском государевом имении (1908 г.).

Недоразумения по поводу пользования водой Мургаба начались очень скоро. По признанию официальных документов, «общество отамыш» от недостатка воды теряло ежегодно до 150 тыс. руб. Вмешательство мервского уездного начальника в распределение воды вызвало отпор со стороны администрации имения, а между тем коренное население, лишенное воды, бросало свои земли в аулах и переходило на земли имения, «даже и в тех случаях, когда земли туземцев ничем не хуже байрам-алийских». В 1908 г. в Мургабском имении уже находилось до 1588 туркменских кибиток: 1106 рода векиль, 96 — рода бек Тохтамышского района, 46 — рода бахши, 72— из рода сичмаз Отамышского района и 268 Тедженского уезда. Главными причинами перехода туркмен в имение был недостаток воды в области.

Все сказанное выше о «государевом имении» заимствовано нами из канцелярских справок. Тем не менее и эти справки достаточно показательны для характеристики царской плантации в Средней Азии. Даже царские чиновники вынуждены были подчеркнуть тяжелое положение рабочих в царском имении, впрочем, не по особому своему милосердию, а в результате типичной чиновничьей склоки, возникшей между начальником области и управляющим имением.

Стремление удержать в «государевом имении» средневековые порядки выразилось в создании на его территории особых судов для живших там таранчей и эрсаринцев. Кроме этих двух судов, существовал приставский суд, громко называвшийся «съездом народных судей при Мургабском Государевом имении». В этот приставский суд заседатели выбирались не от всего туркменского населения, а только от «старших по происхождению туркменских родов — отамышского, тохтамышского и сарыкского». Председателем суда был байрам-алийский пристав. В 1907 г. Мургабское имение было окончательно выделено «в самостоятельную административную единицу»[47] по типу средневековых вотчин с их иммунитетными правами, особым судом и т. д. Это совершалось в

[47] «Отчет... гр. К. К. Паленом. Народные суды Туркестанского края», стр. 148—150.

годы, которые следовали за первой русской революцией. Так, колониальные порядки в Средней Азии царского времени, на которые указывал В. И. Ленин, ярко подчеркивались существованием «государева имения» в Байрам-Али.

Консервативность царских порядков

Изучение социально-политического строя, сложившегося в Туркмении в конце XIX — начале XX в., выходит за пределы этой книги, но нельзя не отметить крайнюю консервативность порядков, искусственно поддерживавшихся в Туркмении царизмом. Царская администрация стремилась по возможности сохранить старые порядки, существовавшие в Туркмении в период ее присоединения к России.

Для иллюстрации этого положения приведем несколько примеров.

Выше говорилось, что в Мервском уезде существовало два приставства: Отамышское и Тохтамышское. В этом отражалось старинное деление текинцев на два больших родовых колена — отамыш и тохтамыш. К концу XIX в. такое деление уезда было явно архаичным, и начальник Закаспийской области поднял вопрос об объединении двух приставств в одно текинское приставство. Тем не менее даже эта маленькая реформа не была проведена [48].

Царское правительство всячески тормозило введение в Туркмении каких-либо учреждений, напоминавших самоуправление, ссылаясь на «несвоевременность введения таких учреждений даже в городах области». Только в 1892 г. приказом по «военно-народному управлению» было предложено выработать инструкцию о привлечении к заведованию хозяйством и благоустройством города Ашхабада представителей русского, персидского и армянского населения. Для этого намечались «депутаты в лице старшин каждой национальности» и одного домовладельца-чиновника для рассмотрения доходной сметы. С 1895 г. к участию в рассмотрении дел по городу привлекались уже 9—12 представителей от горожан, в том числе старшины местных обществ. В 1905 г. число городских депутатов было увеличено до 24 человек, причем выборы депутатов производились порознь по национальностям и по учреждениям: русских — 6, персов — 4, армян — 3, от офицеров, от чиновников, от служащих на железной дороге и в частных конторах — по одному человеку. Однако выборы в особое присутствие по городским делам при Ашхабадском уездном управлении в 1905 г. не состоялись, потому что, «несмотря на неоднократно назначавшиеся выборы, таковые совсем не производились за неприбытием должного числа избирателей». Лишь в феврале 1906 г. были произведены выборы от некоторых групп, но и их нельзя было признать состоявшимися, «потому, что ни на одних выборах не было $^2/_3$ избирателей». Депутатов избрали только в январе 1907 г. Официальные источники объясняли абсентеизм избирателей тем, что город Асхабад еще «не развился ни в материальном, ни в умственном отношениях... следовательно и привлекать Асхабадского обывателя к общественной деятельности еще время не наступило» [49]. Однако отсутствие интереса к выборам, объясняемое чиновниками Закаспийской области тем, что город Ашхабад еще не дорос до самоуправления, в действительности было обусловлено тем, что делегаты фактически не имели прав и городское хозяйство было целиком сосредоточено в руках чиновников. Царские же власти истолковали «абсентеизм обывателей» в духе самодержавия, старавшегося отстранить российских граждан от участия в общественной жизни.

Стремление всячески подчеркнуть особое положение Туркмении чувствуется и во «Временных правилах подсудности народным судам Закаспийской области гражданских и уголовных дел туземцев», введенных приказом от 18 августа 1899 г. По этим правилам дело, подсудное народному суду, по существу которого состоялось определение этого суда, не могло быть перенесено в суды по общим законам империи.

Все это делалось под видом защиты туркменских порядков, в действительности же было попыткой остановить время и попытаться оставить талантливый туркменский народ на колониальном положении. Но задержать время еще никому не удавалось, и история Туркмении является прекрасным примером этой истины.

[48] Фонд 1, оп. 2, д. 5247, лл. 3, 5.

[49] Фонд 1, оп. 2, д. 7894, лл. 171—173.—Материалы к отчету за 1907 г.

Всякое нововведение внедрялось в Туркмении в царское время с большим трудом. Об этом дает понятие любопытное дело об организации метеорологических наблюдений в Ашхабаде. Переписка о метеорологической службе началась 6 марта 1881 г., вскоре после занятия Ашхабада. Предполагалось вначале службу наладить в Бами, но потом решено было ее организовать в Ашхабаде. Начальник области дал согласие на устройство станции в Ашхабаде, и Главная физическая обсерватория сообщила, что инструменты после их выверки будут посланы весной 1882 г. Однако наблюдения не были начаты даже и в 1885 г., хотя нужные инструменты находились на Ашхабадской станции более двух лет. Началась переписка о переводе станции из Ашхабада в Мерв, закончившаяся только в 1889 г., после организации метеорологических наблюдений в Мерве, да и то только «благодаря горячему участию господина начальника гарнизона» в Мерве [50]. Понадобилось 8 лет, чтобы организовать метеорологические наблюдения в Туркмении.

Перемены в социально-экономической и культурной жизни Туркмении

Вхождение Закаспийской области в состав России связало туркменский народ с остальными народами Российской империи, в первую очередь с русским народом. Это было великим благом для туркмен и нашло отражение в экономике, социальной и культурной жизни туркмен уже в первые годы после их присоединения к России. Остановимся на этих новых явлениях в экономическом и общественном развитии Закаспийской области примерно за 10 лет, протекших со времени взятия Геок-Тепе в 1881 г. до введения в силу нового положения 1890 г. [51].

Крупным явлением в общественной жизни Туркмении было прежде всего упразднение работорговли (см. стр. 85).

Выше уже говорилось о появлении в Туркмении городов,

[50] Фонд I, оп. 2, д. 6246, лл. 5—6.— Документ сообщен В. М. Кузьминой.

[51] Новые явления в жизни Туркмении с большой подробностью освещены в «Истории Туркменской ССР». В этой главе нашей книги обращается особое внимание только на 1881—1890 гг., что не всегда выделено в «Истории Туркмении».

первых промышленных предприятий и железных дорог. Задуманная и строившаяся на первых порах с военными целями Закаспийская железная дорога явилась мощным стимулом для развития промышленности и торговли. Строительство этой дороги велось быстрыми темпами. В 1885 г. движение было открыто от конечного западного пункта в Узун-Ада до Ашхабада, в 1886 г. дорога была доведена до Мерва, а в 1888 г. — до Самарканда. Таким образом, Мары (Мерв), казавшийся для европейцев каким-то недоступным и загадочным городом, затаившимся среди пустынь и горных областей, уже на второй год после его присоединения к России был соединен железнодорожной магистралью с остальным миром. И хотя постройка Закаспийской железной дороги проводилась вовсе не в интересах туркмен, а в интересах царского господства в Средней Азии, создание великой среднеазиатской железнодорожной магистрали было явлением прогрессивным. Уже в 1887 г., по сведениям начальника Закаспийской области, по железной дороге было перевезено до 3 млн. пудов частных грузов и до 25 тыс. пассажиров. Перевозка войск и казенных грузов выражалась в еще более высоких цифрах [52].

Почти одновременно с сооружением железной дороги от Красноводска до Ашхабада в Закаспийской области была проведена почтовая реформа (24 января 1886 г.). До нее в области существовало два почтовых ведомства — гражданское и военное. Вместо них были открыты почтовые отделения «на правах уездных» (в Ашхабаде, Мерве и Красноводске) и четыре почтовых отделения в Бами, Кизыл-Арвате, Чикишляре и форте Александровском. И в данном случае народные потребности заставляли царское правительство идти на расширение средств связи, вначале по чисто военным соображениям, позже — в силу неотложных нужд населения [53].

То же самое наблюдалось и в других отраслях народного хозяйства. В то время как «военно-народное управление» вы-

[52] «Исторический обзор деятельности Комитета министров», СПб., 1902, т. 4, стр. 95.

[53] Сведения о почтово-телеграфных учреждениях в 1881—1885 гг. в Закаспийской области собраны в кн. «Закаспийская область», гл. XIV, стр. 227—232.

двигало на первый план военные функции, уже с самого начала постройки новых городов в Туркмении в них появляется гражданское население, прибывшее из других частей империи. Этот элемент делается настолько значительным уже в первый год установления имперской власти в Ахал-Текинском оазисе, в 1882 г., что царское правительство вынуждено было дополнительно отпустить 126 тыс. руб. «на содержание гражданского управления Закаспийского края»[54]. При этом военные власти вступали как бы в противоречие с требованиями других министерств (в данном случае с Министерством внутренних дел) и вынуждены были считаться с тем, что «пришлое» население в городах Туркмении управлялось в других городах империи по-иному, чем в Закаспийской области.

Столица области Ашхабад сделался городом только в 1882 г., а уже через 5 лет, в 1887 г., его торговые обороты достигали 7 млн. руб. в год. Торговые обороты Мары (Мерва) в том же 1887 г. исчислялись в один миллион рублей[55].

Конечно, туркменские города развивались при царизме слабо, но и эти ростки городской жизни очень показательны.

Важнейшим делом для Туркмении было улучшение ирригационной системы. Наиболее значительным достижением в этой области явилось восстановление плотины Султан-Бент на Мургабе (о чем говорилось выше), начатое в 1885 г. Однако улучшение ирригационной сети двигалось медленно, поскольку правительство отпускало крайне незначительную сумму (10 тыс. руб. в год — по сведениям 1885 г.). Эту цифру стоит сравнить с содержанием, которое получал посланник России в Китае: 42 тыс. руб. в год. Тем не менее в среднем туркмены, жившие в пограничных с Персией районах, могли считаться «гораздо более обеспеченными землею и водою, чем персидские их соседи»[56]. В целом же туркменское сельское хозяйство развивалось медленно, хотя в нем замечались уже зачатки новых, прогрессивных явлений.

[54] «Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. т. II. 1882», СПб., 1886, № 1113, стр. 404, 28 сентября 1882 г.

[55] «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. 4, стр. 95.

[56] Фонд 1, оп. 2, д. 14465, лл. 1—10.

Таким явлением в экономической жизни Туркмении было развитие хлопководства. Хотя военные действия, развернувшиеся на территории Туркмении в 1880—1884 гг., немало тормозили это дело, русские капиталисты уже в первые годы после присоединения Мерва организовали «Средне-Азиатское торгово-промышленное товарищество» на паях. Во главе товарищества стоял видный коммерсант Н. Кудрин. В его записке на имя военного министра Ванновского развивался проект создания хлопковых плантаций в Средней Азии, причем обращалось особое внимание на земли в Марыйском (Мервском) оазисе. Предприниматели подчеркивали дешевизну рабочих рук в Средней Азии, где «годовые рабочие довольствуются от 24 до 36 руб. в год на хозяйском содержании».

Таким образом мыслилось создание плантационных хозяйств с использованием «дешевых» рабочих рук. Кудрин рассчитывал на передачу обширных пустующих земель в его полную собственность. Однако расчеты коммерсанта столкнулись с расчетами царской семьи, которая предпочла создать «государево имение» и превратить обширные туркменские земли в свою собственность[57].

Первые попытки разведения хлопка в районе Ашхабада и Мары (Мерва) дали ничтожные результаты, хотя крупные русские текстильные фирмы Морозовых, Коншиных и др. бесплатно раздавали семена американского хлопчатника вместе с соответствующей инструкцией о хлопководстве, написанной на туркменском языке. По сведениям 1892 г., «во всем Ахал-Текинском и Тедженском уездах едва ли собирается чистого хлопка (местного) более 1000 пудов в год»[58]. По официальным же сведениям, в Мервском, Тедженском и Иолатанском оазисах собиралось не более 2—3 тыс. пудов чистого волокна. Автор книги о хлопководстве в Средней Азии насчитал в 1887 г. в Мервском оазисе всего три частных хлопковых плантации: Коншина, Миндера и Бобешко. Плантация Коншина была старейшей в Закаспийской области, но прекратила существование в 1891 г., как и плантация Бобешко. В 1892 г.

[57] «Россия и Туркмения», стр. 272—286.

[58] В. И. Массальский, *Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее*, СПб., 1892, стр. 130—135.

была одна лишь плантация Миндера, хотя она «представлялась значительно хуже, чем Коншина». Таковы были жалкие итоги попыток заведения хлопководства в Закаспийской области, которые тем не менее не мешают нам говорить о громадном значении разведения хлопка на землях туркмен в Закаспийской области для будущего. Неудачное начало хлопководства в Туркмении объясняется прежде всего политикой царского правительства, избегавшего больших затрат на орошение земель.

Русские капиталисты оказались неповоротливыми и в развитии торговли присоединенных земель Туркмении с Персией. В записке чиновника для пограничных сношений Игнатьева, составленной в 1891 г., дается нелестная характеристика русских торговых предприятий в Персии. Торговый дом Кудрина, занимавший раньше первое место по торговле с Персией, к тому времени снизил свои обороты. Склад Кудриных открылся в Мешхеде в 1886 г. и уже в 1888 г. продал русской мануфактуры на 265 тыс. руб., а в следующем 1889 г. только на 100 тыс. руб. Уменьшение оборотов торгового дома Кудриных чиновник объяснял небрежным отношением к делу в связи с развитием торговли той же фирмы в Средней Азии. В записке отмечалось и хищническое стремление русских капиталистов к получению громадных прибылей при чистом доходе в 50—70%, тогда как европейские фирмы довольствовались 4—5%, стараясь всемерно расширить оборот [59]. Записка предлагала посылать в Персию опытных русских приказчиков для изучения условий торговли на месте.

Постройка большой железнодорожной линии, создание новых городов и укреплений потребовали привлечения местной рабочей силы. Царская администрация выгоняла туркмен на работу «по наряду». Например, в течение 7 месяцев 1886 г. на постройку железной дороги выставляли от двух до десяти тыс. рабочих. В предшествующем 1885 г. в земляных работах на строительстве железной дороги принимало участие около 4000 туркмен Ашхабадского уезда. Условия работы в безводной пустыне были крайне тяжелыми, к этому прибавлялся постоянный обман рабочих при расчетах, что отмечалось даже в официальных данных: «Многочисленные недоразумения, происходившие при расплате с рабочими, вселяли недоверие в народе к добросовестности расплаты разными подрядчиками» [60]. Тем не менее выход большого количества людей на временные заработки был также одним из новых явлений в Туркмении; отход туркмен в города и на промышленные предприятия создавал предпосылки для формирования местного, национального пролетариата.

Важным культурным достижением явилось географическое и отчасти геологическое исследование Туркмении, долгое время остававшейся белым пятном на карте мира. Начатое еще до присоединения Ахал-Теке к России и вызванное в первую очередь военными потребностями, оно было продолжено и довольно энергично проводилось с 1881 г. Уже в 1881 г. предполагалось начать исследование Нефтяной горы, источников Буйдага и всего пути до Ашхабада [61].

Подлинный культурный перелом в Туркмении произошел только в наше, советское время, когда была ликвидирована прежняя поголовная неграмотность населения, в городах Туркмении появились высшие учебные заведения, а развитие науки возглавила Академия наук Туркменской ССР. Но было бы неправильно замолчать и те робкие шаги, которые культурная жизнь стала делать уже вскоре после присоединения основных туркменских земель к России. Ашхабад сделался местом, где впервые в Туркмении появились русское училище и газета на русском языке. Открытие училища состоялось 3 октября 1884 г., и эта дата, несмотря на всю скромность начинания, заслуживает быть отмеченной. Весь штат Ашхабадского двухклассного училища, созданного по типу городских школ в России и предназначенного для начального образования, состоял из учителя и его помощника; предполагалось, впрочем, что вместо учителя может быть приглашена и учительница. Созданное на частные пожертвования двухкласс-

[59] Фонд 1, оп. 2, д. 14465, лл. 1—10.

[60] «Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год», стр. 95.

[61] Фонд 97, оп. 1, д. 202, л. 4.

ное училище в Ашхабаде скоро получило небольшой постоянный штат за счет казны.

В 1886 г. появилась первая газета в Туркмении на русском языке, получившая название «Ахал-Теке». Содержание этой газеты было, конечно, убогим, да и оно подвергалось цензуре. Без улыбки нельзя читать мнение генерала Комарова, утвержденное в центре, что из программы газеты надо исключить «карикатуры» [62]. Видимо, царские власти опасались и такого вида критики их действий.

Однако никакие ухищрения не могли помешать развитию новой жизни в туркменских землях, связанных теперь с Россией и великим русским народом, с самым революционным в мире русским рабочим классом.

---

[62] «Россия и Туркмения», стр. 287—288.

Заключение

Присоединение Мерва и других туркменских земель к России было актом в высокой степени прогрессивным, открывшим пути для развития экономики и культурной жизни туркменского народа.

Раздробленное существование отдельных племенных обществ на территории Туркмении, постоянные грабежи на дорогах, унизительное и тяжкое рабство были типичными явлениями для туркменских земель до их присоединения к России. Уничтожение аламанства и рабства, а также создание единой власти на большей части территории туркменских земель было одной из предпосылок для их дальнейшего развития. Конечно, в условиях того времени это была военная, колониальная власть, но и она была шагом вперед по сравнению с той анархией, которая господствовала в Ахал-Теке и Мерве до их присоединения к России.

Царизм тормозил хозяйственное развитие народов Туркмении. Однако, втягивая Туркмению в сферу народного хозяйства России, он вместе с тем не мог не насаждать одновременно капиталистических отношений, представлявших шаг вперед по сравнению с отсталым, феодальным укладом, господствовавшим в Туркмении.

Открылись широкие возможности для экономического развития Туркмении, вскоре связанной с остальными частями Российской империи железной дорогой. В Туркмении появились новые промышленные предприятия, стали развиваться плантации хлопка. Для экономической и духовной жизни туркменского народа громадное значение имели дружеские связи с великим русским народом и другими народами России.

Положительное значение присоединения Мерва и других туркменских земель к России справедливо отмечено в «Истории Туркменской ССР»[1].

Присоединение Мерва к России было великим событием в истории туркменского народа, строящего теперь светлое будущее вместе со всеми братскими народами Советского Союза.

---

[1] «История Туркменской ССР», т. I, кн. II, Ашхабад, 1957, стр. 198.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Условия или гарантии, данные представителям Мерва

1. Великий государь Император Русский, снисходя к прошению вашему, поданному четырьмя ханами и двадцатью четырьмя избранными народом старшинами, по одному от каждой большой канавы, всемилостивейше соизволил принять в свое подданство всех туркмен (племен) Отамыш и Тохтамыш, живущих в Мерве и на Теджене.

2. Вероисповедание ваше остается неприкосновенным. По этому вопросу не требуется никаких разъяснений, всему свету известно, что миллионы мусульман, подданных Великого Государя, никогда не были стесняемы в свободном отправлении обрядов своей веры.

3. Для устройства порядка и утверждения управления в Мерв переходит русский отряд войск и располагается на месте, которое будет избрано.

4. Для общего управления народом назначается русский офицер. Ближайшее заведование каждым из четырех племен Мерва остается за настоящими ханами, которые поступают на службу Государю Императору, за что назначается им приличное жалованье от Его Величества. Порядок замены настоящих ханов определится впоследствии. Но никто больше не будет назначен вновь ханом иначе, как по представлению начальника области.

5. По всем делам уголовным и гражданским между собою и туркменами Ахала и Теджена оставляется судья по вере и обычаям народным под руководством начальника Мервского округа чрез посредство судей, выбранных народом.

6. Виновные в измене, разбое, грабеже и других уголовных преступлениях против русских и казенного имущества судятся и наказываются по русским законам.

7. Захват в плен кого бы то ни было и продажа людей на будущее время строго воспрещается.

8. Во всем остальном туркмены Мерва и Теджена пользуются правами русско-подданных и несут обязанности к правительству наравне с ними.

9. Теперь же возлагается на население Мерва обязанность, как только настанет удобное время, очистить все колодцы на главных караванных дорогах в Хиву и Бухару, до пределов этих ханств, и ответствен-

ность за безопасное следование караванов, как по этим дорогам, так и в Персии и Афганистане до границ Мерва.

10. О числе ферраджиев, какое жители Мерва должны дать будут для службы при начальнике и ханах, будет приказано впоследствии, когда определится действительная их надобность.

(Перепечатано из книги «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Краевое управление», СПб., 1910, стр. 31—32).

№ 2

Рапорт в Главный Штаб, 19 января 1882 г. В Главный Штаб, управляющему делами Военно-ученого Комитета

РАПОРТ

Вследствие отзыва Вашего Превосходительства, от 27 ноября за № 468, полученного мною 13-го текущего января, имею честь сообщить следующие сведения о пребывании г. О'Донована в Мерве:

О'Донован прибыл в Мерв в начале минувшего года из Келята, после 23-дневного пребывания в этом городе, в гостях у местного ильхаиея Бейхут-хана. В Мерве О'Донован выдавал себя за лицо, уполномоченное английским правительством, обещая мервцам, от имени этого правительства, поддержку деньгами, оружием и даже войсками против русских. Кроме того, О'Донован обещал выписать для исправления оружия мерв-текинцев Английских оружейных мастеров, вследствие чего, в мае месяце, распространился неверный слух о прибытии в Мерв тридцати Английских оружейников. В начале своего пребывания в Мерве О'Донован действительно имел некоторый успех, и ему отчасти там поверили, но вскоре возрастающее наше в то время влияние в этой стране и начавшиеся с июля месяца частые сношения с Мервом окончательно уничтожили там обаяние г. О'Донована, к чему не мало способствовало поведение самого г. О'Донована, который по свидетельству всех прибывших из Мерва туземцев ежедневно в излишестве предавался употреблению спиртных напитков, кроме того, О'Донован нуждался в Мерве в деньгах и задолжал, что окончательно уронило его в глазах туркмен, влияние на которых достигается главным образом деньгами.

В Мерве О'Донован не имел постоянного места жительства, а разъезжал из аула в аул. Надо полагать, что, живя долгое время в Мерве, О'Донован действительно вывез подробные сведения об этой стране, но карта или правильнее — кроки Мервского оазиса, составленные О'Донованом, были в Мешхеде перехвачены нашими агентами и в подлиннике переданы инженеру Лессару нашим там коммерческим агентом г-ом Насырбековым. Подлинные кроки инженер Лессар взял с собой в Петербург, для представления в Главный Штаб, копия же находится у меня. При этом, конечно, нельзя не предполагать, что и у О'Донована осталась копия, или сведения для составления новой кроки.

Что О'Донован, уезжая, повез с собою прошение, скрепленное подписными печатями многих мервских старшин, весьма вероятно; но я полагаю, что действительного значения документ этот не может иметь по следующим причинам:

а) Отъезд О'Донована из Мерва в конце Июля месяца совпал с тем именно временем, когда наше влияние в этой стране, в продолжении минувшего года, было весьма сильно и когда туда со стороны Начальника Закаспийской области был отправлен Тыкма-сардар, а со стороны Туркестанского Начальника — посланник от Хивинского хана. Как та, так и другая из этих миссий увенчались, как уже Вашему Превосходительству известно из донесений Начальника Области Командующему Кавказскою армиею, полным успехом, выразившимся в посылке в Петро-Александровск депутации из 24-х выбранных людей от всех племен; в посылке к нам в Асхабад целого рода многочисленных депутаций; в освобождении племенного канонира Кидяева (которого до того времени, несмотря даже на сильное впечатление, произведенное Геоктепинским погромом, мервцы отказались выдать) и в возвращении в Ахал-текинский оазис большинства откочевавших в Мерв, после штурма Геок-Тепе, жителей.

По сведениям, сообщенным одним из наших агентов в Атеке, Сеид-Назаром-Юзбаши (старшина преданного нам Алииллинского селения Каахка) О'Донована до Мешхеда сопровождали 20 или 30 человек мервцев, из людей «мелких без всякого значения», как выражается Сеид-Назар. По другим сведениям люди эти сопровождали О'Донована в Мешхед, дабы там от него получить должные им разным мервцам деньги. Очевидцы рассказывают, что в минуту отъезда, О'Донован был в сильно возбужденном состоянии: махал саблею и угрожал возвратиться в Мерв врагом, во главе Английских войск.

Баба-хан, сын Коушут-хана, в августе писал: «англичанина отправили в Мешхед», а пленный кононир Кидяев писал, что «англичанина продали за тысячу кранов» (400 рублей), последнее надо понимать в смысле уплаты долга в означенном размере.

Смело утверждаю, что в эпоху отъезда О'Донована из Мерва влияние Англии в этой стране было уничтожено и вообще в продолжении Июля, Августа, Сентября и Октября месяцев не существовало. И в настоящее время я не имею положительных данных утверждать противное; но, со взятием Герата Афганским эмиром, начались слухи о новых происках англичан в Мерве. Слухи эти, впрочем, еще далеко недостаточно проверены, а также покуда незаметно в наших отношениях с Мервом каких-либо явлений, достаточно веско указывающих на существование сношений между мервцами и Английскими агентами в Афганистане.

б) Что же касается до вывезенного О'Донованом прошения за подписью многих старшин, то имею честь донести, что по сложившемуся у меня мнению, основанному на некотором моем знакомстве с нравами Мервцев, подобные документы вообще имеют малое значение, далеко не выражают мнения или желания не только всего Мервского народа, но,

даже отдельного рода, племени или отделения и вообще легко приобретаются. Мы почти еженедельно получаем письма из Мерва, с разными подписными печатями, причем в одном письме подписываются одни старшины, в другом другие и т. д. При выяснении личностей, подписавших письма, через расспросы у единоплеменных им Ахал-текинцев, обыкновенно оказывается, что лица эти служат представителями лишь своих семейств, или ближайших родственников.

Вообще, несмотря на установившиеся у многих понятия, что в Мерве живет один сплоченный народ, управляемый старшинами племен на патриархальных началах, я пришел к заключению, что в этой стране не существует никакой постоянной организации и что всякий туркмен находится там в полной независимости от каких-либо законов и общества. Даже «адат» между ничем необузданными Мервскими теке-туркменами не имеют той силы, как у других кочевых народов.

Только в самых важных случаях туркмены собираются для совещаний,— общего, или — по племенам,— и на время выбирают себе ханов или депутатов *, смотря по обстоятельствам, вызвавшим сходку. Сходки эти происходят, когда Мервским туркменам угрожает общая опасность, когда они собираются на «аламанство» (в набег), или вообще, когда дело касается всего народа или целого племени.

Такие сходки были пред отправлением на Аму-Дарью и к нам, в Асхабад, депутатов от всех родов; но какой-либо сходки при выезде О'Донована, насколько мне известно, не было.

Иногда, когда предпринимаются общие войны, или народу угрожает общая опасность, Мервцы выбирают общего, для всего народа, хана, но только на время войны. Если же войны продолжительны, или часто повторяются, или угрожающая народу опасность долго не выясняется, или продолжает существовать после войны, то эти ханы могут несколько лет сохранять свою власть. Этим объясняется долгое влияние в народе Коушут-хана, которого наконец в других мусульманских странах стали считать настоящим мервским ханом, а также власть в Ахале Нур-Вердыхана, поддержанная опасностью, угрожавшею Ахальцам в продолжении нескольких лет со стороны России. Но и эти ханы имели лишь значение как военачальники.

Кроме того, отдельные племена и даже отделения племен, когда едут на «аламанство», также выбирают себе на это время ханов, которые, по окончании предприятия, теряют всякое значение, хотя титул Хана сохраняется за ними и за их потомством. Вот почему так часто между простыми жителями Мерва встречаются лица с титулами, как-то: Баба-хан, Махтум-Кули-хан, Ходжа-Кули-хан, Пулат-хан, Кара-хан, Аллах-Кули-хан, Анна-Магомет-хан, Бек-Мурад-хан, Нияз-Кули-хан, Ун-Беги-хан, Софи-хан, Назар-хан, Магомет-хан, Гаким-хан, Аман-Дурды-хан, Узбек-хан и многие другие, с которыми я имел случай познакомиться лично, или через переписку, и которые, по большей части в настоящее время, не более как простые туркмены, ничем не отличающиеся от других жителей. Конечно, при всем этом нельзя отвергать, что между жителями Мерва, как и везде, находятся лица, пользующиеся большим или меньшим влиянием в известной среде, но влияние это основано не на каком-либо праве, или даже старшинстве в роде, а лишь на личных способностях.

Вот так объясняет Баба-хан (сын Коушут-хана) постоянное положение дел в Мерве *:

«В Мерве не существует никакой организации — ни общей по всему народу, ни по родам, ни по племенам, и всякий мервец пользуется полною личною свободою, не давая никому отчета в своих действиях. Поэтому в мирное время в Мерве нет ни ханов, ни старшин, которые пользовались бы какою-либо законною властью.

Присвоенные некоторым мервцам титулы «Хана» или «кетхуда» не имеют никакого практического значения и суть лишь наследственное достояние сыновей лиц, исполняющих во время прежних войн должности ханов. Даже тяжбы между туркменами разбираются в Мерве по обычаю, без всякого суда, причем голос сильнейшего имеет перевес. Только когда мервцам угрожает общая опасность, а также в случае войны, они выбирают себе хана, который по миновании в нем надобности лишается власти и делается простым жителем».

Изложенное показание Баба-хана, а также вышеприведенный мой личный взгляд касательно общественного строя в Мерве, до некоторой степени оправдываются следующими фактами:

1) После заключения в Петро-Александровске условий с 24 выборными старшинами от всех текинских племен, а также после разных к нам депутаций и заключения условия с Кара-ханом, причем старшины, заключившие условия, под присягой обязались прекращать разбои и аламанства на караванных путях,— произошли два крупных случая нападения на караван. При этом мои требования, выраженные в письмах к лично мне известным ханам и кетхудам о возвращении потерпевшим награбленного имущества, или выдачи должного вознаграждения, не были исполнены по недостаточности для этого власти у означенных старшин.

2) Несмотря на заключенные условия, Мервцы, по последним, хотя еще не вполне проверенным известиям, в настоящее время снова разделились на четыре племенных партии для аламанства, причем племя «Бакшн-Дашаяк» избрало себе в ханы Ораз-Магомет-хана, племя «Сачмаз»

---

* Надо заметить, что независимо от действительных депутаций, посылаемых по решению обществ в упомянутых важных случаях, многие туркмены из Мерва часто отправляются самовольными депутатами от Мервского народа к властям ближайших стран, для получения обычных подарков, обыкновенно снабженные при этом письмами за подписью ближайших своих знакомых (примечание автора письма).

* Донесение начальника Закаспийской области Командующему Кавказскою Армиею за № 2485, 3952 (примечание автора письма).

Коджар-хана, племя «Векиль» Махтум-Кули-хана и племя «Бек» намеревается выбрать сына Беркели-хана.

3) В минувшем году, в то самое время, когда от всех родов к нам являлись многочисленные депутации, с изъявлениями покорности Русскому правительству,— небольшое число туркмен из Мерва, приняв на себя роль депутации от Мервского народа, отправились в Мешхед для изъявления покорности Персидскому правительству; при этом последние откровенно заявили бывшему тогда в Мешхеде нашему купцу Абелову, что цель депутации заключалась в получении обычных подарков и что по получении таковых они вовсе не намерены выполнять обещания, данные Персидским властям.

Из вышеизложенной краткой характеристики общественного строя в Мерве и приведенных примеров, Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что г. О'Донован в бытность свою в Мерве легко мог добыть себе документы с подписями, без того, чтобы документ этот имел серьезное значение, в смысле действительного выражения желания со стороны Мервского народа искать покровительства Англии. Напротив, если в будущем Английскому правительству и удастся при посредстве Афганистана и посредством денежных субсидий и раздачи оружия снова приобрести влияние в Мерве, то достичь этого будет не легко, так как после Геоктепинского погрома недоверие к обещаниям Английских агентов — общее и весьма сильное в среде туркмен [1].

№ 3

Копия с рапорта начальника Закаспийской области ген. Комарова главноначальствующему Гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанту кн. Дондукову-Корсакову, 7 февраля 1884 года

В дополнение телеграмм моих о принятии Мервскими трукменами подданства ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ доношу, что совершилось следующим образом:

Нравственное влияние наше на Мервских туркмен, произведенное Геок-Тепинским погромом, первым последствием коего было заключение с ними условий генералом Рербергом, к концу прошедшего года стало ослабевать. Причина этого крылась не столько в привычке мервцев жить аламаном и в трудности для них перейти к заработку средством для жизни иным способом, сколько в сторонних интригах для уменьшения нашего влияния, понятных по отношению к народу, не имеющему прочной власти.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 67, лл. 9—15.— На документе имеется помета (штамп): К. В. О. Штаб Закаспийской области. Отделение Гражд. 19 января 1882 г. № 6. укр. Асхабад» (Инициалы К. В. О. обозначают Кавказский Военный Округ). Сообщено В. М. Кузьминой.

Считаю излишним перечислять хорошо известные Вашему сиятельству, действия в этом смысле со стороны Англии и Афганистана. Приезд в мае прошлого года в Мерв правителя из Хивы Бабаджан Бека, с согласия Туркестанского генерал-губернатора, породил в части населения Мерва сомнения в том, что заключенное с высочайшего разрешения условие в Асхабаде будет нами соблюдаться, потому что Бабаджан Бек немедленно по приезде пытался обложить население тяжелыми податями и налогами, по примеру Хивинского Ханства. Действительно, этими распоряжениями вполне были нарушены 1-й и 2-й пункты обязательств с нашей стороны по означенному условию.

Это повело к разъединению четырех племен Мерва и к ослаблению ханской власти. В свою очередь Бабаджан Бек, по неспособности к каким-либо решительным действиям и как узбек (народность, к которой туркмены привыкли относиться с пренебрежением), не мог приобресть никакого значения. Происшедшею от всего этого смутою не замедлили воспользоваться аламанщики к возобновлению разбоев. По получении сведения о сборе партий их был выслан в октябре прошлого года из Асхабада отряд (2 роты и сотня казаков) на Атек, при чем пехота дошла только до Баба-Дурмаза, а сотня сделала лишь рекогносцировку до селения Чача; такие действия отряда не могли дать положительных результатов; немедленно по возвращении его в Асхабад большая партия аламанщиков отбила близь Верхнее Чача, в Келятском ханстве, несколько тысяч баранов, убив двух пастухов. Это было начало многих грабежей и увода в плен не только в Персии, но и в стороне Бухары; один аламан перешел даже на правый берег реки Аму-Дарьи.

По возвращении в Асхабад из Петербурга, в половине ноября прошлого года, по указаниям Вашего Сиятельства и вследствие заявления нашего посланника в Тегеране о том, что шахское правительство надеется, при посредстве нашего влияния, на возврат Мервскими туркменами захваченных ими пленных и ограбленного имущества, я признал нужным и своевременным посылку в Атек самостоятельного отряда для прекращения разбоев и грабежей и для нравственного давления к понуждению мервцев освободить пленных и возвратить ограбленное.

По получении надлежащих разрешений был сформирован в Асхабаде отряд из 2-х рот 3-го Закаспийского стрелкового батальона, 2-х рот 6-го Закаспийского стрелкового батальона, 4-х горных орудий 6-й батареи 21-й артиллерийской Ея Императорского высочества великой княгини Ольги Федоровны бригады, 2-х сотен Таманского казачьего полка и 20 человек Ахал-Текинской милиции. Начальником отряда избран мною командир Таманского казачьего полка полковник Муратов, известный мне своею энергиею и точным исполнением даваемых ему указаний.

В видах достижения положительных результатов я, снарядив отряд на продолжительное время, направил его на Теджен и Карры Бенту, где возможна стоянка для войск только в зимнее время, когда бывает вода в русле реки. Особой инструкцией начальнику отряда было предложено твердо и настойчиво требовать от мервцев исполнения обязательств их,

изложенных во 2 пункте условия, т. е. выдать пленных персиян, ограбленное имущество и наказать аламаньщиков.

Переход войск за Теджен строжайше запрещен без особого на то разрешения. Лично и непосредственно свой взгляд на дело мне удалось передать мервцам совершенно случайно, но в самую важную пору: при формировании отряда в Асхабаде одновременно съехались доверенные лица с поручениями ко мне: от Хоросанского наместника и от Мервцев с просьбою дозволить им постройку новой плотины на Теджене и поселиться там безземельным туркменам из рода Бахши. Старшина их, зная о переговорах, которые я вел с персидским ханом и о том что близь Мешеди собраны персидские войска, подумал, что составляется союз для наказания мервцев за их аламаны и высказал мне свой страх от последствий такого соглашения; я не стал его разуверять в противном, а сказал только, что единственное спасение их заключается в точном и скором исполнении требований русского правительства. В этом же смысле я дал ответ и ханам родов Векиль и Бахши, обратившимся ко мне с вопросом, что им делать в случае, если персияне двинутся в Мерв. По прибытии отряда на Карры Бент полковник Муратов донес мне, что надежнейшим способом к передаче мервцам моих требований он избрал посылку туда штаб ротмистра Алиханова, которого добровольно вызвался сопровождать майор Махтум-Кули-хан; им внушено убедиться в настроении мервцев к нам и поступать сообразно с ним. Оба они с конвоем из 25 казаков Таманского конного полка и 12 всадниками Ахал-Текинской милиции выехали из Карра Бента 22 декабря. На пути в Мерв они встретили ханов: в 1-й день родов Векиль Магомед Юсуфа и Бахши Сары Батыра и главу племени Аманшей ($^1/_3$ часть рода Бек) Мурад Бая. Род Бек, недовольный Кара-Кули-ханом за привод в Мерв Бабаджан Бека, разделился на две части, из них Аманши избрали себе ханом Мурад Бая, которого теперь признают в этом звании почти все остальные части этого рода, при Кули-хане остались только его родственники; и 2-й день Майлы Хана, рода Сычмаз с несколькими десятками всадников при каждом. Ханы ехали в наш отряд, тотчас как прослышали о нем, чтобы засвидетельствовать о своей преданности.

Всех их Алиханов уговорил присоединиться к нему, чтобы облегчить чрез них исполнение своей задачи. Через два дня путешествия Алиханов и его свита ночевали в доме Майлы Хана. По этому случаю стеклись туда окрестные мервцы, чтобы скорее узнать цель стоянки отряда на Теджене и приезда Алиханова в Мерв, Алиханов, увидя сборище, решился поставить прямо вопрос: хотят ли мервцы предложения покровительства России или не прочь от разрыва с нею.

Для этого как пред Майлы Ханом, так и перед прочими мервскими ханами: Сары Кара Кули, Мурад Баем и Магомет Юсуфом, которых он последовательно объехал одного за другим, Алиханов развил следующие положения: «Русское правительство не может более равнодушно смотреть на разбои мервцев и нарушение ими условий, утвержденных присягою; теперь прошел и для Мерва предварительный период увещаний и доброго слова, неуспех которых привел Хиву и Ахал к падению; тоже вероятно будет и с Мервом, но прежде чем приступить к окончательной расправе русское начальство решило послать его с последним словом; передать это слово по мнению его всего удобнее одновременно всем представителям, созвав их в одно место, причем он обратится к их благоразумию и потребует категорического ответа, открытая вражда или исполнение русских требований, ограничивающихся на первый раз выдачею пленных и баранов, захваченных в Персии, после того уже как ханы приняли присягу о прекращении аламанства. Русские требуют лишь спокойствия и мира, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР не может терпеть в своем соседстве разбойничьего гнезда с такими безобразиями как аламанство и торговля людьми. Никакие заявления о добрых чувствах с оговоркою о бессилии искоренить зло не будут приняты, пусть лучше просят русского правительства не подобного хивинцу Бабаджан беку, а человеку, окруженного силой и с правом наказывать вредных, поощрять и награждать послушных и благонамеренных.

Прежде созыва представителей Алиханов советовал ханам переговорить с кетхудами и подготовить их сделать полезное для мервского народа.

Из ответа ханов замечателен данный Майлы Ханом, в коем он, указав на местные интриги и на притязания владеть Мервом со стороны Хивы, Англии и Афганистана, волнующих народ и враждебно настраивающих его к русским посредством Сиях-Пуша и его агентов, сравнил Мерв с девушкой, которой с 5—6-ти сторон заявлены искательства; за кого выйдет невеста неизвестно; я убежден, что наше спасение в согласии с русскими.

В пребывание у Майлы хана же к Алиханову является еще с поклоном, весьма чтимый среди колена Кара Ахмет, Молла Кары Ишан, которому Алиханов, выяснив значение его в народе, внушил заглядывать в будущее и направлять людей к добру. Из остальных ханов: Сары настаивал на удалении из Мерва Кара Кули Хана, возьмите его и Мерв как один человек падет к ногам русских; агентов Сиях-Пуша после того переловить не трудно.

Следующий день, назначенный Алихановым для выезда из аула Сары Хана, оказался базарный в местности Каушут Хан Кала, которую приходилось проехать и где в базарные дни собираются от 8 до 10 тысяч народа. Избегая враждебного порыва черни, могущего быть подготовленным Кара Кули Ханом, живущим близко, Сары и Махтум убедили проследовать через базарную площадь до массы народа; но это не удалось сделать и Алиханову с казаками пришлось проезжать среди значительного сборища; проезд этот совершился вполне благополучно. Прием у Кара Кули Хана бывшие при Алиханове ханы старались показать обидным, так как он и Бабаджан встретили их только у входа в кибитку. Здесь в беседе с хозяевами Алиханову пришлось выяснить Кара Кули

последствия его отступничества от других, а Бабаджану дать совет покинуть Мерв добровольно; но успеха Алиханов не достиг. Кара Кули отнесся саркастически к ожиданию хороших результатов от созыва представителей народа, а Бабаджан ссылался на утверждение его в должности Русским Ярым падишахом — генералом Черняевым. Действительно при нем была бумага от последнего, выданная в Петро-Александровске 22-го апреля 1883 г. за № 28.

При дальнейшем объезде Алиханова характерен был отзыв Мурад Хана за себя и за управляемых им Аманшей.

Русские меня не знают, сказал Мурад, я не ездил к ним за халатом, но я от души желаю прихода их сюда, в интересах народа, которому нужны порядок и спокойствие; мне нечего подготовлять свой народ, он давно готов; скажи и мы в точности исполним твои приказания; только скорее идите и сотрите с лица земли врага нашего Кара Кули, с его несчастным Бабаджаном; Кара Кули присягал русским, но получает жалованье от англичан и вместе с тем проедает и хивинское содержание, отпускаемое Бабаджану (по 4000 р. в месяц). Про тебя, едва ты его оставил, он распустил слух, что ты самозванец и ни кем не прислан; к счастью, Кара Кули оставлен народом; иначе старый аламаньщик был бы причиною войны среди самих мервцев.

Последнее посещение в Мерве Алиханов сделал к матери Магомет Юсуф Хана Гульджамаль, вдове Нур Верды Хана, к которой пришлось ему особенно спешить, так как она дала ему знать, что к ней явилось 3 английских агента с прокламациями и уверяли ее, что 60000 англичан, направляющихся к Мерву, уже в Герате. При обыске однако означенных лиц прокламаций при них не найдено; сами они оказались афганцами, сторонниками Эйюб Хана; все трое немедленно были арестованы и отосланы в Асхабад, где с них снято подробное показание. При Гюльджамаль, живущей в племени Векиль, находился и брат ее мужа Кази Хан. На общем совете с этой семьей разрешено было для рассуждения о мервских делах созвать Генгеш, т. е. всех родовых старшин и при том на счет Гюльджамаль. Три дня, пока ездили гонцы и начали съезжаться приглашенные, Гюльджамаль посвятила себя на приглашение к приему, так что 1-го января 1884 года не встретилось никаких препятствий открыть народное собрание. Не прибыли Кара Кули и Бабаджан. Остальным представителям Алиханов повторил то, что говорил ханам с прибавлением только, для их вразумления, двух подробностей: одной о том почему они ведаются не генералом Черняевым, а мною, и другой относительно неприкосновенности в будущем их религии. Одна пятая часть подданных БЕЛОГО ЦАРЯ мусульмане и они встречают тем больше уважения к себе, чем крепче держатся своей религии; мой отец служил русским 40 лет, я служу уже 20 лет и мы слава богу мусульмане, и таких как мы тысячи на службе русской. Обсудите сейчас же мое предложение и да поможет Вам бог прийти к единогласному соглашению и отвлечь от народа вашего грозу, готовую разразиться над его головой тысячами несчастий. После этих слов Алиханов оставил собрание, а выслушать ответ его позвали через $^3/_4$ часа: уполномочен был говорить Махтум Кули хан и вот его слова: Мервский народ безусловно принимает русское подданство; обязуется выдать всех пленных, возвратить же ограбленный скот затрудняется, так как он весь ими съеден, или продан, затем просит о прощении всех провинившихся прежде, и для управления собой желают иметь русского начальника, о чем всеподданнейшее прошение напишут вслед за сим, а для подачи его пошлют 4 хана и 24 старшины по одному от каждой большой канавы 2000 кибиток.

Действительно, в этот же день было готово прошение и донесено мне начальником отряда. Сделав распоряжение о задержании в отряде депутации в ожидании приказаний высшего начальника, я вместе с тем подтвердил неупустительно продолжать настояния на выдаче пленных персиян. После этого выдача их произошла чрезвычайно успешно.

К Алиханову стали являться и аламаньщики с повинностью. 1-го января Алиханов с депутацией и пленными выехал из Мерва, а 11-го благополучно прибыл в Карры Бент. По моему особому приглашению Ханы и уполномоченные от народа приехали в Асхабад 25 января; переговорив с ними и получа от Вашего сиятельства окончательные указания, я назначил торжественный прием, по прочтении прошения на имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА я объявил, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволил на принятие в свое подданство мервских туркмен; объяснил подробно все те требования, которым они должны будут подчиняться; копию с этого объявления при сем представляю.

Затем по приглашению моему была ими приията торжественно присяга; по окончании обряда я именем ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА объявил прощение всем прежним аламаньщикам.

Кроме настоящего донесения и прошения к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, полковник Муратов представит Вашему сиятельству сведения 1) о Сиях-Пуше и его агентах, 2) о Карри-Бентской плотине, 3) список ханов уполномоченных, 4) присяжный лист. Он же может доложить и все подробности дела[2].

---

[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5130, лл. 15—18.— Заверенная копия. После текста следует: Подлинный за надлежащими подписями. С подлинным верно: Делопроизводитель (в подлиннике подпись). Сообщено В. М. Кузьминой.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдал-Топаз, аул — 157
Абиверд, город — 103, 104
Азия — 20, 34, 47, 110, 162
Ак-Тепе, селение, укрепление—76, 171
Александровский форт (укрепление)—9—11, 18, 19, 21, 175, 191, 201
алилийцы (алили, али-эли), туркменское племя—31, 58, 66—68
аманши (аманша), часть рода беки — 216, 218
Аму-Дарья, река — 10, 28, 130, 174, 212, 215
анавлийцы, туркменское племя — 180
Англия (Великобритания) — 4, 6, 17, 34, 62, 89, 94, 99, 100, 102—104, 108—111, 124, 125, 129, 133, 161, 168, 170, 172, 211, 214, 215, 217
англичане, английский народ — 44, 109, 111, 113, 119, 124, 125, 127, 129, 162, 170, 210, 218
Анау (Аннау), аул, укрепление — 52, 53, 64, 76, 84, 104
Аральское море — 28
армяне, армянский народ — 76, 77, 165, 177, 190, 199
Арчинган (Арчиньян), река и район, прилегающий к ней, — 64, 65
Арчман, аул — 41, 48, 61, 75
Астрабад (Астерабад), город и область в Персии (Иране) — 72, 80
Астрабадский залив в Каспийском море — 10, 22, 187
Астрахань, город — 63, 78, 83, 193
Асхабад — см. Ашхабад.
Асхабадский (Ашхабадский) уезд (округ) — см. Ахал-Текинский уезд (округ).
атабаевцы, род туркменского племени иомутов — 13, 19, 40, 41, 57, 63, 82
Атек, оазис — 31, 64—66, 68, 87, 124, 162, 211, 215
Атекское приставство — 174, 179, 180, 191
Атрек, река — 10, 16, 17, 20, 22, 38, 39, 57, 62, 63, 72, 74, 75, 178, 180
Афганистан — 17, 28, 34, 37, 40, 44, 85, 92, 99, 106, 110, 111, 127, 129, 153—155, 164, 168—170, 174, 185, 192, 210, 211, 214, 215, 217
афганцы, афганский народ — 106, 107, 111, 127—129, 161, 168—171, 218
Ахал, селение — 76
Ахал-Теке, Ахал-Текинский оазис (район) — 3, 5, 16, 18, 32, 37—48, 51—58, 61, 62, 63, 65, 68, 71—74, 79, 83, 85—88, 92—94, 101, 106, 109, 111, 112, 116, 117, 119, 135, 150, 151, 154, 155, 164, 173, 174, 176, 202, 205, 207, 211, 212, 217
Ахал-Текинский (Асхабадский, Ашхабадский) округ (уезд) — 64, 72, 73, 75, 77, 81—84, 87, 174, 175, 185, 187, 190—193, 199, 203, 204, 207, 209
Ахча-Куйма, селение, ж.-д. станция — 83
Ашур-Аде (Малый Ашур), остров в Каспийском море — 10, 80
Ашхабад (Асхабад), аул, позднее город, столица Туркменской ССР — 6—9, 16, 19, 28, 31, 37, 39, 48, 52, 53, 55, 58, 59, 61, 63—65, 67, 68, 70, 71, 73—81, 83, 84, 86—89, 92, 93, 97, 99, 100, 102, 104—106, 109, 111—117, 119—122, 123, 125—127, 129, 131, 135, 137—139, 141—143, 147, 149, 151, 152, 154, 155, 161, 167, 172, 174, 177, 178, 180, 183, 184, 188, 192, 198, 199—203, 205, 206, 208, 211, 212, 214—216, 218, 219
Ашхабадское уездное управление — 199

Баба-Дурмаз (Кале Баба-Дурмаз), селение — 62, 215
Багир, аул — 76, 111
Байрам-Али, аул — 31, 191, 194—196, 198
Байрам-Алийское приставство — 195
Баку (ныне столица Азербайджанской ССР) — 23, 78, 193
Бала-Ишем (Балла), селение, колодец — 21, 83
Балханы (Балаханы, Балканы, Балканские горы), горный хребет — 13, 21, 25, 26
Бами, аул — 29, 47, 48, 55, 58, 68, 72, 75, 79, 200, 201
Бахарден, аул, ж.-д. станция — 31, 61, 75, 174
бахши (бакши, бакши-дашаяк), род колена отамыш — 30, 108, 115, 136, 143, 144, 160, 197, 213, 216
Безмеин, аул, ж.-д. станция — 56, 75
беки (бек), род колена тохтамыш — 30, 108, 115, 116, 118, 127, 144, 160, 197, 214, 216
Беурма (Беурме), селение — 41, 61, 68, 75
Бокри, селение — 76
Буджнаурд (Буджнурд), город и область в Персии — 138
Буйлаг (Боя-Даг), гора, нефтяное месторождение — 205
Бурдалык, селение — 31
Бухара (Бухарское ханство), город и область — 30, 40, 73, 88, 90—92, 95, 119, 121, 122, 153, 155, 159, 163, 176, 185, 209, 215

векиль (векль), род колена тохтамыш — 30, 87, 89, 93, 99, 115, 121, 143, 144, 197, 214, 216, 218
Великобритания — см. Англия
Верный, город (совр. Алма-Ата, столица Казахской ССР) — 195
Верхнее Чача (Чаача), селение — 215
внеприставский район Красноводского уезда — 175, 191

Гавден, селение в районе русско-персидской границы — 80
Гасан-Кули, селение — 14, 16, 21, 62, 63, 75
Гаурс — см. Гяурс.
Гезли-Ата, укрепление — 14
Геок-Тепе, крепость — 31, 36, 37,

40—44, 47—56, 58—61, 63, 65, 71—73, 75, 79, 80, 86—88, 93—95, 100—102, 106, 108, 150, 151, 168, 200, 211
Герат, город и провинция в Афганистане — 45, 52, 70, 92, 104, 109, 111, 121, 214, 217, 218, 236, 147, 169, 171, 211, 218
Гери-Руд — см. Теджен, река
Гермаб, селение — 64
Геррик-кала, аул — 75
гоклены (гокланы, гокланцы), туркменское племя — 31, 57, 75
Гокча (Геокча), селение — 75
государево имение в Байрам-Али — см. «Мургабское государево имение».
Гумбатли, селение — 76
Гюрген, река — 10, 16
Гяз, порт на Каспийском море — 80
Гязский район в Персии — 80
Гяурс (Гауарс, Гаурс), селение — 62, 76

Дагестан, Дагестанская область — 10, 11, 76
Дарган, селение — 180
даш-аяк, род колена отамыш — 89
Денгиль-Тепе (Денгли-Тепе), крепость — 32, 41, 43, 49, 52, 54
Денч, селение — 14
Дерегез, река и район на русско-персидской границе — 86, 108, 136
джафарбаевцы, род туркменского племени иомутов — 13, 63, 75, 82
джемшид (джумшид), афганское племя — 129
Дорж (Даржа), полуостров на восточном побережье Каспийского моря — 23
Дуз-Олум, аул — 57
Дурун, селение, укрепление — 54, 75
Дурунское приставство — 174, 179, 191
Душак, оазис, селение — 65, 69, 86

евреи — 165
Европа — 59, 107, 114, 128, 127, 141, 142, 144, 145, 149, 163, 167, 170
Енги-Шехр, селение — 104
Ераджи, селение — 76

Закавказье — 76, 193
Закаспийская железная дорога — 80, 83, 84, 201
Закаспийская линия — 20
Закаспийская область (Закаспий, Закаспийский край) — 3, 5, 6, 9, 10, 12, 18—20, 26, 31, 45, 56, 57, 65, 66, 72—75, 77, 79—81, 84, 90, 92, 99, 113, 119, 122, 126, 131, 137, 141, 159, 168, 171—187, 189, 191—193, 195, 198—205, 211, 213, 214
Закаспийский Военный отдел — 17, 18, 20—23, 25, 27, 36—38, 45, 74, 175
Закаспийский край — см. Закаспийская область.
Западная Туркмения — 16, 57
Зерабад (Зейраб), город в Афганистане — 125

Изганд (Изгант), город — 76
Ильяилинск (Ильялы), город — 31
Имам-Баба, селение — 171
Индия (Индостан) — 34, 52, 71, 106, 107, 109, 110, 128, 168, 169, 172, 184
индусы, индусский народ — 106, 107

Иолатан (Иол-Этань), оазис и селение — 5, 29—31, 106, 124, 125, 162, 163, 166—169, 171, 181, 191, 196, 203
Иолатанское (Елотанское) приставство — 167, 174, 179, 180
иомуты (иомуды), туркменское племя — 9, 20, 31, 38, 40, 41, 57, 58, 62, 63, 75, 85, 114, 178, 187

Каахка, аул — 31, 65—70, 72, 86, 88, 95, 105, 114, 115, 123, 125, 128—130, 136, 141, 164, 181, 211
Кабул, город, столица Афганистана — 34, 44, 70, 87, 128
Кавказ — 10, 15, 16, 40, 42, 83, 92, 101, 109, 175, 179, 214
Кавказский военный округ — 12, 67, 92, 93, 178, 186, 214
Кавказский край — 189
Кавказское горское управление — 23
Казанджик, селение — 21, 31
казахи, казахский народ (по терминологии того времени «киргизы») — 18, 74, 75, 175
Кайдак, залив на Каспийском море — 9
Кандагар, город — 102, 104
Канджик, селение — 76
Кара-Бекауль (Карабекаул), селение — 31
Кара-Богаз-Гол (Кара-Бугаз), залив на Каспийском море — 9, 18, 22, 28, 82
Караган, селение, укрепление — 75
Кара-Гуш, нефтеносный участок на о. Челекен — 27
карадашли (карадашлы), туркменское племя — 68
Кара-кала (Карры-кала), селение — 31, 75
Каракалинское приставство — 175, 179, 191
Кара-Кум (Кара-Кумы), пустыня — 28
Кара-Су, река — 20
Карджау, селение — 76
Карры-Бент, крепость — 131, 133, 136, 143, 156, 215, 216, 219
Карры-Бентская дорога — 115
Карры-Бентская плотина — 140, 219
Карыб-Ата, искусственное озеро — 156
Каспийское море — 9—12, 16—18, 20—23, 28, 31, 74, 77, 83, 101, 110
Кафыр-Кала, крепость в Афганистане — 128
Кахтен, селение — 76
Келат (Келят, Келятское ханство), город и область в Персии — 68, 101, 104, 125, 136, 210, 215
Келяджар (Келеджар), селение — 76
Келята, аул — 61, 76, 84
Келятское ханство — см. Келат.
Керки, аул — 31
Кеши, аул — 61, 75
Кизыл-Арват (Кызыл-Арват), город, крепость — 12, 16, 21, 36, 38, 39, 41, 45, 48, 57, 75, 79, 80, 83, 84, 174, 201
Киндерли, река — 22, 23
Кипчак, селение, укрепление — 76
киргизы — см. казахи, казахский народ.
Китай — 202
Коджали, аул — 192
Копет-Даг, горный хребет — 28
Коршов, аул — 61
Коушут-кала (Коушут-хан-кала), крепость — 30, 146, 217
Кочь, аул — 75
Красноводск, город — 9, 11, 13, 16, 17, 20—22, 25, 27, 31, 40,

45, 63, 72, 74, 78—80, 82, 113, 173, 183, 201
Красноводский залив на Каспийском море — 11, 28
Красноводский уезд (округ) — 174, 175, 179, 180, 191
Красноводское приставство — 11, 12, 18, 20, 74, 75, 82, 190
Кронштадт, остров и город в Балтийском море — 52
Кукурт, область в Туркмении — 26
Кулкулаб, селение — 64
Кум-Себшен, колодец, укрепление — 14
Куня-Геок-Тепе (Старый Геок-Тепе), укрепление — 49
Куня-Ургенч, город — 31
Курдистан — область в Персии и Аравии — см. Персидский Курдистан.
Кучан, город и область в Персии — 55, 64, 76
Кушка, крепость — 188
Кушка, река — 161, 170
Кушкинский пост — 188
Кызыл-Аян, селение — 31

Лаин, селение — 64, 65
Лондон, столица Англии — 52, 68, 97
Лютфабад (Люфтабад), селение — 53, 62, 64, 65, 71, 170

Мазандеран, область в Персии — 187
Малые Балханы (Малый Балахан), часть Балханских гор — 12, 85
Мангишлак (Мангышлак), полуостров на восточном побережье Каспийского моря — 9, 10
Мангишлакский уезд (округ) — 75, 174, 175, 180, 182, 191, 193
Мангишлакское приставство — 11, 18, 74, 75, 190
Мары, Марыйский оазис — см. Мерв, Мервский оазис.
Меймене (Мейменэ), селение в Афганистане — 155
Мекка, город в Аравии — 124
Мерв (Мары), Мервский (Марыйский) оазис — 3, 5—8, 17, 18, 28—33, 35—37, 40—43, 45, 47, 49, 50, 52, 54, 59—61, 65, 67—71, 73, 78, 79, 84—98, 100—109, 111—156, 158—174, 178, 181—183, 194, 200—203, 207—219
Мервская крепость — 159
Мервский уезд (округ) — 107, 153, 161, 167, 174, 175, 181—183, 185, 188, 191, 194, 195, 209
Мервское приставство — 161
Мервское уездное (окружное) управление — 95, 159
Мертвый Култук, залив на Каспийском море — 17
Мехк, селение — 68, 101
Мешедсарский район в Персии — 80
Мешхед (Мешеди), город в Персии — 13, 30, 61, 79, 80, 94, 103, 105, 108, 117, 124, 127, 143, 159, 164, 185, 204, 210, 211, 214, 216
Михайловский залив на Каспийском море — 21, 25, 26, 80, 83, 187
Михайловский пост — 12, 21
Молла-кара (Молла-кары), аул, пост — 14, 21, 38, 45
Москва — 7, 54, 109, 113
Мургаб, река, оазис — 28, 30, 47, 95, 127, 129, 158, 162, 166, 171, 192, 194, 196, 197, 202
Мургабский оазис — см. Мургаб.
«Мургабское государево имение» — 174, 194—197, 203
Мурча (Муржда), селение — 75

Мыджаур, местечко — 163
Мюльгейм на Рейне (Mühlheim am Rhein), город в Германии — 34, 39, 95, 149

Нефтяная гора (Нефтедаг), гора — 205
Нижний-Новгород, город — 22
Нова, селение, родник — 76
Ново-Александровское укрепление — 9
Ново-Петровское укрепление — см. Александровский форт.
Нохур (Нухур), аул — 61, 65, 82, 188
нохурцы (нохурли, нухурцы), туркменское племя — 32, 41, 48, 82, 187

Огурджали (огурджалинцы), туркменское племя — 24
Огурчинск (Огурчинский), остров в Каспийском море — 26, 82
Оренбургское губернаторство — 11
отамыш (отамышцы), колено текинского племени — 30, 36, 89, 97, 115, 116, 120, 126, 129, 134, 152, 157, 182, 191, 197, 198, 209
Отамышский район — 196, 197
Отамышское приставство — 174, 198

Пенде, Пендинский оазис — 5, 29, 106, 124, 128, 163, 166 — 172, 181, 191
Пендинское приставство — 161, 174, 192
Персидский Курдистан, область в Персии — 92, 93
Персия (Иран) — 10, 12, 16, 20, 32—34, 37, 40, 44—46, 55, 56, 61—64, 66, 67, 69, 73, 76—80, 83, 85, 90, 92, 94, 96, 99, 108, 109, 118, 119, 131, 132, 138, 153, 154, 163, 164, 168, 170, 172, 185, 186, 202, 204, 210, 215, 217
персы (персияне, иранцы), персидский (иранский) народ — 10, 56, 67, 68, 70, 72, 76, 77, 95, 96, 104, 113, 131, 132, 141, 143, 163, 165, 199, 216, 219
Петербург (Санкт-Петербург, Петроград), столица Российской империи — 15, 20, 24, 25, 32, 33, 40, 45, 51, 52, 59, 60, 62, 65, 83, 89, 98, 101, 109, 113, 117, 121, 125, 130—134, 153, 161, 167, 168, 171, 175, 176, 180, 185, 186, 195, 201—203, 210, 215
Петро-Александровск, укрепление — 126, 127, 147, 211, 213, 218
Порсинский район (Порсы) — 31
Потемкина коса, коса на юго-восточном побережье Каспийского моря — 21
пурус-клой, афганское племя — 129

Равнина, ж.-д. станция — 195
Россия, Российская империя — 3—7, 9—12, 16, 17, 22, 24, 28, 29, 34—36, 38—44, 47, 49, 52, 53, 55, 60—62, 64—69, 71, 73, 74, 76, 81, 83, 85—89, 91, 94, 96, 97, 99, 100, 102, 104, 108, 109, 110, 112, 113, 115, 116, 118—121, 123, 124, 126—128, 130—142, 145—147, 150—152, 154—157, 159—174, 183, 184, 186, 188, 189, 192, 194, 198, 200—203, 205—208, 212, 216
Рукнабад, крепость в Персии — 95
Рум — см. Турция.
русские, русский народ — 39, 42,

44, 50, 51, 64, 68, 87—89, 97, 104, 106, 108, 111, 113, 114—117, 119, 120, 122, 125, 128, 132, 136, 139, 154, 156, 165, 169, 170, 174, 177, 190, 199, 200, 206, 209, 210, 217, 218
Русь (Древняя Русь) — 4

Салыры (салоры), туркменское племя — 31, 53, 58, 167, 168
Самарканд, город в Средней Азии — 83, 201
Саракамыш (Сарыкамыш), озеро — 13, 14, 48
сарыки, туркменское племя — 30, 31, 53, 58, 99, 106, 124, 125, 127—129, 155, 166—169, 172, 176, 192, 197
Саят, селение — 31
Серахс, оазис и селение — 5, 30, 31, 65, 67, 79, 95, 103, 111, 117, 125, 138, 166—168, 181, 182
Серахское приставство — 174, 179, 191
сычмаз (сычмаз), род колена отамыш — 30, 89, 115, 144, 160, 197, 213, 216
Среднеазиатская железная дорога — 83
Средняя Азия — 4, 9—11, 14, 16—18, 20, 28, 34, 35, 39, 42—45, 49, 51, 52, 83, 85, 91, 93—95, 97, 100, 101, 107, 109, 110, 119, 127, 130—132, 134, 142, 149, 170, 172, 174, 180, 184, 186, 194, 197, 198, 201, 203, 204
Средний Восток — 100, 110, 168
СССР, Советский Союз — 171, 208
Старый Серахс, селение — 67
Судан, страна в Африке — 105
Султан-Бент, плотина на р. Мургаб — 195, 202
Сумбар, река — 39

Таникон, селение — 136
таранчи, туркменское племя — 195, 197
Тахта, селение — 31
Тахта-Базар, селение — 31, 174
Таш-Арват-Кала, селение — 12, 13, 21
Ташкент, город, адм. центр Туркестанского края (ныне столица Узбекской ССР) — 90, 99, 100, 110
Таш-Кепринский мост (на р. Мургаб) — 171
Тегеран, столица Персии (Ирана) — 40, 64, 65, 68—70, 72, 85, 95, 107, 108, 124, 185, 215
Теджен, оазис — 31, 59, 69—71, 73, 87, 93, 103, 104, 115, 124, 137, 140, 144, 145, 161, 191, 203. См. также: Теджен (Гери-руд), река.
Теджен (Гери-руд), река — 28, 47, 59, 65, 86, 95, 96, 120, 131, 134—136, 138—141, 143, 152, 171, 209, 215, 216
Тедженское приставство — 179
Тедженский уезд (округ) — 161, 174, 175, 179, 185, 191, 197, 203
Текинский оазис — см. Ахал-Текинский оазис.
Текинское приставство — 198
текинцы (текке), туркменское племя — 13, 15, 26, 29—33, 36, 37, 40—52, 54—56, 58—60, 62, 63, 65, 72, 73, 77, 85, 86, 88, 91—94, 96, 98, 99, 101, 104, 111, 113, 115, 117, 119, 120, 122, 124, 128, 134, 137, 138, 146, 148, 149, 155, 156, 160, 162, 163, 166, 180, 187, 198, 210, 211
Тифлис (Тбилиси), ныне столица Грузинской ССР — 113, 195
Тольки-Яби, селение — 76

тохтамыш (тохтамышцы), колено текинского племени — 30, 36, 87, 89, 97, 120, 126, 129, 134, 152, 159, 172, 182, 191, 197, 198, 209
Тохтамышский район — 196, 197
Тохтамышское приставство — 198
Туркестан — 83, 180
Туркестанский военный округ — 110
Туркестанский край (область) — 10, 81, 83, 153, 180, 184, 190, 192—194, 197, 210
Туркестанский таможенный округ — 186
Туркестанское генерал-губернаторство — 10, 184, 193
Туркмения, Туркменская ССР (ТССР) — 3, 5, 6—10, 12, 14, 16, 17, 19, 20—22, 28—47, 49, 50, 52, 53, 55, 60, 61, 66, 69, 71—73, 75, 78, 83—85, 87, 92, 94, 95, 100, 101, 106, 108, 109, 111, 113, 115, 120, 123, 128, 134, 135, 139, 144, 146, 150, 151, 155, 161, 162, 167, 169, 172—177, 180, 181, 184, 186—189, 192, 194, 195, 198—200, 202—208, 214, 219
туркмены, туркменский народ — 3, 5, 7, 10—14, 17—20, 22, 24—30, 34—39, 42—49, 53—58, 61—65, 67, 69, 72—74, 75, 81, 82, 85, 87, 89—95, 97, 98, 100—107, 110, 113, 114, 118—120, 122—124, 126—132, 134—136, 139, 140, 142—146, 148—153, 162—164, 166, 168, 172, 174, 176, 177, 179, 181—183, 187, 188, 190, 192—194, 196, 197, 199—202, 204, 205, 207—209, 213—216, 219
Турция (Рум) — 42, 107

Тюб-Караганский мыс на полуострове Мангышлак — 9

Узбеки, узбекский народ — 215
Узун-Ада, селение, ж.-д. станция — 201
Узун-Куй, колодец, укрепление — 14
Уральская область — 9
Устьюрт (Усть-Урт), плато — 9

Хайдарабад, город в Персии — 61
Халач, селение — 31
хезаре, афганское племя — 129
Хива, Хивинское ханство (Ургендж), город и область в Средней Азии — 10, 11, 15—18, 21, 30, 32, 33, 37, 40, 47, 63, 68, 73, 76—79, 88, 90, 91, 95, 97, 98, 100, 104, 112, 126—128, 136, 138, 147, 149, 152, 153, 159, 163, 164, 176, 209, 215, 217
Ходжамбаск, селение — 31
Ходжа-кала, крепость — 48
Хоросан, область в Персии — 66, 71, 76, 80, 93, 95, 96, 113, 121, 131, 141, 143, 186, 193

Чагиль, колодец, укрепление — 14
Чандыр, река — 75
чарва, зажиточная верхушка текинского племени — 16, 30, 37, 75, 116
Чарджуй, город, ж.-д. станция — 31, 83
Чаршангинск, селение — 31
Чат, селение — 39, 44
чаудоры (чавдуры), туркменское племя — 31
Чача (Чаача), селение — 68, 125, 215
Челекен, остров в Каспийском море — 10, 23—27, 74, 82, 191
Чикишляр, селение — 14, 16, 21, 39—41, 44, 74, 79, 201

Чикишлярское приставство — 175, 179, 191
чомуры, основная масса текинского племени — 16, 30, 37, 138, 139

Шах-кад («ступня шаха»), место основания Красноводска — 11
Шахруд, селение — 80
Шилоган, селение — 64, 65
ших, туркменский род — 11,
Шуркала (Шор-Кала), укрепление — 76

эрсары (эрсари, эрсаринцы), туркменское племя — 31, 197

Юго-Западная Туркмения — 167, 169
Южная Америка — 195

ялкамыш, колено туркменского племени сарыков — 129, 172
Ялу, река в Маньчжурии — 194
Янги-калы, крепость в Ахал-Текинском оазисе — 49
Янгы-калы (Янги-кала, Янги-кол, совр. Енгикале), крепость в Персии — 135
Ясман-Салык, аул — 75

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдурахман (Рахим, Рахман)-бай-Беки-Магеррам-Оглы, хивинский «правитель» Мерва — 98, 99, 125, 126
Абдурахман-хан, афганский эмир — 70, 110, 111, 121, 128, 130, 169
Абду-с-Сатар казы (Абды-Сеттар кази), туркменский поэт — 32
Абелов, русский купец — 210
Авиз, текинец, мервский старейшина — 60
Азаров А. Н. — 7
Азиз-сардар, предводитель аламанщиков — 59, 87, 128
Айни С., писатель — 8
Ак-Мурад-Бахадыр, приближенный Ходжа-Кули-хана — 86, 87
Александр II, император — 17
Александр III, император — 59, 129, 152
Алиханов-Аварский, Максуд, штаб-ротмистр, позднее майор, позднее подполковник, начальник Мервского округа — 33, 58, 59, 67, 70, 107, 112, 114—119, 122, 123, 127, 128, 132, 135, 140—151, 156, 161—165, 170, 182, 188, 216—219
Аллаверды, тедженский караван-баши — 137
Аллах-Кули-хан, туркменский хан — 213
Аллах-Яр-хан, персидский феодал, наместник провинции — 65, 66
Аман-Гельды-хан, мервский хан, сторонник присоединения Мерва к России — 88
Аман-Дурды, нохурец, приближенный сердара Берды-Абу — 129
Аман-Дурды-хан, туркменский хан — 213
Аман-Мурат-бай, туркменский старшина, сторонник присоединения Мерва к России — 88
Аман-Назар-оглы, туркмен — 56
Аминов П. А., барон, полковник, нач. штаба войск Закаспийской области, в 1881 г. — временно исполняющий обязанности начальника области — 91, 92
Анна, св. (орден) — 183
Анна-Дурды-хан, мервский хан, сторонник присоединения Мерва к России — 160
Анна-Магомет-хан, туркменский хан — 213
Аина-Мурад, туркмен, житель о. Челекен, промышленник — 27
Анна-Мурад-бек, мервский стар-

шина из племени векиль — 89
Анна-Нефес-сардар-Куват-Шихоглы, житель селения Мыджаур, аламанщик — 163
Анна-Союк-Нукер-оглы, аламанщик — 73
Анна-хан, огурджалинец, один из владельцев нефтеносного участка на о. Челекен — 24, 27
Анненков, Михаил Николаевич, генерал, начальник военных сообщений Закаспийской области во время Ахал-Текинской экспедиции, руководитель строительства железной дороги — 83
Араз-Нияз Майли — см. Майли-хан.
Арбабеков — см. Мурад-бай.
Арбеков П. — 91, 92, 97, 98, 120, 123, 134, 135, 138, 143, 150
Артык-Кара, текинец — 56
Арцышевский А. Ф., генерал — 53, 59
Ата-Мурат (Атамурат), иомутский хан, сторонник присоединения к России — 10
Атаджан-бай — см. Бабаджан-бек.
Ахмед-шах «Индеец», последователь и агент Сиях-Пуша — 106, 157

Бабаджан-бек (Атаджан-бай), хивинский «правитель» Мерва — 127, 128, 138, 145—147, 212, 216—218
Баба-хан, сын Коушут-хана, мервский хан, сторонник присоединения Мерва к России — 93, 103, 121—123, 132, 139, 160, 211, 213
Баба-хан, персидский чиновник — 79
Балкары-хан, мервский хан — 129
Балхан, туркмен-промышленник — 27
Бальфур, А. Дж., премьер-министр Великобритании — 110
Барц Э. Р. — 194
Бебутов, кн., подполковник, начальник отряда туркменской конной милиции — 43
Бейбут-хан, персидский феодал, правитель Келата — 101, 210
Бек-Мурад-хан, туркменский хан — 213
«Белый генерал» — см. Скобелев М. Д.
Берды-Абу, житель Мерва, сардар — 129
Беркели-хан, хан племени беки — 214
Бетлер (Батлер), английский агент в Туркмении — 100
Бике Анна, туркменка — 82
Бобешко, владелец хлопковых плантаций в Мервском оазисе — 203
Борх Ю., гр., генерал — 45, 109

Валуев, капитан — 18
Валуев П. А., гр. — 52
Вамбери, Арминий, венгерский ученый и путешественник 2-й полов. XIX в. — 10, 42
Ванновский, Петр Семенович, генерал, военный министр (1882—1897 гг.) — 203
Вартенбург, фон, Иорк, гр. — 109, 110
Веников, Михаил Иванович, полковник, военный писатель и географ — 19, 20
Веревкин, Николай Александрович, генерал, командир Оренбургского отряда во время Хивинского похода ген. К. П. Кауфмана — 15
Гаким-хан, тедженский старшина — 70, 137, 213
Гартевельд В. Н. — 54
Гафуров Б. Г. — 4, 7
Георгий, св. (орден) — 52
Гирс, Николай Карлович, статс-секретарь и министр иностранных дел (1882—1895 гг.) — 99, 133, 184
Головкин А. В. — 7
Горчаков, Александр Михайлович, кн., министр иностранных дел (1856—1882 гг.) — 17
Гродеков, Николай Иванович, генерал-майор, начальник передового отряда Ахал-Текинской экспедиции (1880 г.), нач. штаба войск Закаспийской области (1880—1883 гг.), военный писатель — 5—7, 9, 11, 12—16, 21, 26, 30—32, 36, 38, 39, 41—50, 53, 55, 59, 61, 69, 87, 94, 109
Гусейн-хан, хан племени сарыков, глава депутации сарыков к русскому командованию в Ашхабад — 167
Гусейн-хан, легендарный родоначальник туркмен — 129
Гюль-Джамал (Гюльджамаль), мервская ханша, вдова Нур-Верды-хана, организатор «генгеша» 1 января 1884 г. — 86, 147, 148, 160, 183, 218

Джафар-Кули-ага, атекский старшина — 66
Дие-Курбан (Курбан), персидский гоклен, аламанщик — 72
Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович, кн., генерал, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе — 214
Дурасов, камергер, промышленник, претендент на получение концессии на Кара-Бугазе — 22, 23
Дурды-хан (Дурды ходжа), мулла, сторонник английской ориентации — 108, 157

Езучевский, чиновник департамента таможенных сборов — 186

Жуковский В. А. — 101

Закржевский, полковник, нач. штаба Таманского полка, нач. штаба Мургабского отряда — 140
Зиновьев, Иван Алексеевич, действительный статский советник, русский посланник в Персии (1876—1883 гг.) — 40, 66, 69, 70

Игнатьев, чиновник для пограничных сношений — 204
Имам-Кули, туркмен — 82
Искандер-хан, афганский эмиссар в Мерве, капитан — 145
Ишан-Караул-беги, туркменский мулла — 58

Каджар-Топаз — см. Каджар-хан.
Каджар-хан (Каджар-Топаз, Топаз-Каджар-хан), мервский хан, сторонник Сиях-Пуша, противник присоединения Мерва к России — 87, 106, 129—132, 155—159, 214
Казы-хан, мервский хан, брат Нур-Верды-хана — 148, 218
Кара-Кули-хан, мервский хан из колена тохтамыш, против-

ник присоединения Мерва к России — 67—89, 98—100, 115—118, 120, 122, 124—127, 144, 146, 147, 151, 152, 216—218
Кара-хан, туркменский хан — 213
Карахан-бек, мервский старшина из племени векиль, руководитель делегации к русскому командованию в Ашхабаде — 89
Карпов Г. И. — 6, 16, 31, 39, 113, 135, 184
Кауфман, Константин Петрович, генерал, командующий войсками Туркестанского военного округа, Туркестанский генерал-губернатор (1867—1882 гг.) — 11
Кидяев, русский солдат, канонир, бывший в плену у туркмен — 87, 88, 97, 105, 211
Кокорев, Василий Александрович, промышленник — 22
Комаров, Александр Виссарионович, генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области (1882—1890 гг.) — 108, 131, 132, 138, 140, 143—148, 152, 155—159, 171, 178, 181, 195, 214
Комек-бай, мервский купец, караван-баши Коншинского каравана — 115, 116, 119, 122
Коншин Н. Н., фабрикант (фирма Коншиных) — 84, 112—114, 118, 134, 139, 159, 203, 204
Косыха, Северьян Яковлевич, представитель фирмы Коншиных, руководитель Коншинского каравана — 112—116, 118, 119, 122, 135
Коушут-хан, мервский хан из колена отамыш, видный туркменский деятель 2-й половины XIX в. — 32, 36, 86, 100, 121—123, 160, 211—213
Кудрин Н., коммерсант — 203, 204
Кузьмина В. М. — 7, 200, 214, 219
Кули-хан — см. Кара-Кули-хан.
Куль-батырь, известный аламанщик, начальник текинской пехоты при обороне Геок-Тепе, позднее помощник дурунского пристава — 73
Курбан — см. Дие-Курбан.
Курбан-Пеньван, туркменский старшина из рода бахши, сторонник английской ориентации — 108
Курбан-Салгат, туркмен — 82
Куров Н. — журналист — 119
Куропаткин, Алексей Николаевич, полковник, позднее генерал, начальник Туркестанского отряда (1880 г.), начальник Туркестанской стрелковой бригады (1882 г.), начальник Закаспийской области, командующий войсками Закаспийской области (1890—1898 гг.) — 5, 15, 31, 39, 41, 47, 48, 51—53, 95, 149, 184, 192
Кушили-бек, ашхабадский староста — 84

Лемсден, Питер, генерал, английский делегат в разграничительной комиссии — 170
Ленин В. И. — 107, 172, 173, 198
Лессар, Павел Михайлович, инженер, исследователь Средней Азии — 29, 166—169, 210
Ломакин А. — 192
Ломакин, Николай Павлович, генерал-майор, начальник Ахал-Текинской экспедиции (1879 г.), военный писатель — 23, 25, 26, 36, 38, 39, 41, 42
Лэнсделл Г. (Lansdell H.), английский путешественник — 97, 101, 126, 127, 131—133, 139, 151

Магомет-Верды-хан, текинский хан, член депутации текинцев, ездившей представляться Александру III в 1881 г., — 60
Магомет Гильдиев, туркменский старшина, член депутации текинцев, ездившей представляться Александру III в 1881 г., — 60
Магомет-хан, туркменский хан — 213
Магомет (Мухаммед)-Юсуф — см. Юсуф-хан.
Майли-хан (Араз-Нияз-Майли, Ораз-Нияз-хан), мервский хан из колена отамыш, сторонник присоединения Мерва к России — 67, 89, 116, 117, 119, 138, 144, 146, 152, 160, 183, 216, 217
Максут — см. Алиханов-Аварский.
Мамед-Рагим-хан, хивинский хан — 98
Мамед-Юсуф-хан — см. Юсуф-хан
Марвин Ч. (Marvin Ch.) — 52, 71, 170
Маргани, кн., урядник, переводчик — 72, 140
Маркозов, Василий Иванович, полковник, начальник Красноводского особого отряда (1871—1873 гг.) — 13—16
Марутин Г. С., астраханский купец — 21
Маслов, Алексей Николаевич, военный инженер, генерал-лейтенант, военный писатель, участник Хивинского похода (1873 г.), Ахал-Текинской экспедиции (1880—1881 гг.) — 5, 51, 53, 55, 58, 176
Масловец Д. Ф. — 6, 16, 39, 113, 135, 184
Массальский В. И. — 203
Махди, мусульманский пророк — 105, 106
Махтум-Кули-хан, сын Нур-Верды-хана, мервский хан, сторонник присоединения Мерва к России — 47, 50, 61, 86, 87, 88, 93, 99, 102—105, 111, 115 116, 120, 122, 123, 125—129, 134, 141, 144—146, 148—150, 160, 161, 167, 213, 214, 216, 217, 219
Мейер А. А. — 52
Мельников, русский дипломатический чиновник в Тегеране — 108
Мещерский Д. И., кн. — 25
Милютин, Дмитрий Александрович, военный министр (1861—1881) — 45
Миндер, владелец хлопковых плантаций в Мервском оазисе — 203, 204
Мирза-Аббас-хан, английский агент в Мешхеде — 124, 125
Михаил Николаевич, вел. кн., наместник Кавказа (1862—1881 гг.) — 15, 16, 40
Мокриевич А. П., химик Кокоревских заводов — 22
Молла-Аллах-Назар-ишан, житель Пенде — 128
Молла Кары ишан, туркменский ишан из Мерва — 217
Молла-Сигат Мамед, житель Душака — 106
Морозов С., фабрикант — 84
Морозов Т. С., фабрикант (фирма Морозовых) — 84, 203
Муллы-Дурды, огурджалинец, туркменский купец — 22
Мурад-бай (позднее Мурад-хан, Мурад-Орбад-бек оглы. Арбабеков), хан части рода

бски, глава аманшей, сторонник присоединения Мерва к России — 144, 152, 160, 183, 216, 218
Мурад-хан — см. Мурад-бай.
Мурад-хан, текинский хан, участник обороны Геок-Тепе — 51
Муратов А., полковник, командир Таманского полка, начальник Тедженского отряда — 134, 135, 138, 140, 141, 143, 215, 216, 219
Муса-хан, старшина атабаевцев — 63

Навроцкий, полковник, зав. поселениями Ахал-Текинского уезда — 82
Надир-шах, персидский шах — 33
Назар-Кельдий, туркмен-промышленник, занимавшийся добычей нефти на о. Челекен — 25
Назар-хан, туркменский хан — 213
Назаров, директор фирмы «Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова» — 84
Нарочницкий А. Л. — 7
Насырбеков, российский коммерческий агент в Мешхеде — 124, 210
Невтонов, полковник, начальник Ахал-Текинского округа — 64, 81
Николай Михайлович, вел. кн. — 113
Ниаз-Кули-хан, туркменский хан — 213
Ниаз-Мамед-Бабаев, хивинский купец — 78
Нобель, Людвиг Эммануилович, нефтепромышленник — 22—25, 27
Нур-Верды-хан (Нурберды-хан), ахал-текинский, позднее мервский хан, крупный деятель Туркмении 2-й половины XIX в. — 32, 33, 36, 37, 39, 43, 47, 61, 86, 115, 122, 123, 147, 148, 150, 160, 183, 212, 218
Нур-Эсен-хоз, мервский старейшина, сторонник присоединения Мерва к России — 88

Обелов П., торговец — 108
Обручев, Николай Николаевич, генерал, начальник Главного Штаба (1881—1897 гг.) — 65
Овез-сардар, тедженский старшина — 70, 115
О'Доннован, английский эмиссар в Туркмении — 46, 87, 88, 100—103, 105, 111, 118, 210—212, 214
Ольга Федоровна, вел. княгиня — 215
Ораз, огурджалинец, один из владельцев нефтеносного участка на о. Челекен — 24
Ораз-Мамед (Магомет)-хан, мервский хан из племени бахши — 98, 213
Ораз-Ниаз-хан — см. Майли-хан.

Пален, К. К., гр., сенатор — 9, 10, 12, 81, 83, 153, 168, 180, 190, 192, 194, 197, 210
Парфенов, топограф — 129
Паша-сардар-Вели-Мургад-оглы, старшина ферраджиев в Ашхабаде — 112
Письменный В. И., агент фирмы — 25, 26
Платон-ага — см. Соколов.
Плиев (Пацо-Плиев), юнкер, переводчик — 140, 144
Поцелуевский А. П. — 32
Прасолов В. — 161, 170
Пулат-хан, туркменский хан — 213

Рамазан-батыр, атекский старшина — 66
Рахим-Кули-хан (Рахимкули-хан), хивинский хан — 33
Рахман-бай-тат — см. Абдурахман-бай.
Рейснер И. М. — 76, 172
Рерберг, Петр Федорович, инженер-генерал, начальник Закаспийской области (1881—1882 гг.) — 53, 59, 67, 68, 70, 72, 81, 82, 88, 89, 91, 93, 98, 103, 120, 121, 124, 125, 137, 139, 214
Рихтер, Оттон Борисович, статс-секретарь — 195
Робертс Ф. С., английский генерал, главнокомандующий английскими войсками в англо-афганской войне 1878—1880 гг. — 34
Романовы, царская династия — 194
Роулинсон Г. (Rowlinson H.), английский ориенталист — 169, 170
Рубцов Б. К. — 76, 172

Саадат-Кули-батыр, атекский старшина — 66
Сардар, мервский кетхуд — 121
Сары-батыр-хан (Сары-батыр, Сары-хан), хан племени бахши — 144, 152, 160, 183, 216, 217
Сары-хан, старшина сарыков в Иолатане — 125, 167
Святополк-Мирский Д. И., кн., нач. штаба Кавказской армии — 15, 16
Северин-бай — см. Косыха.
Сеид-Али-хан, лютфабадский старшина — 65
Сеид Кассем Риштия — 111
Сеид Магомед Баханов, текинец — 162
Сеид-Мухамед-Ших, казий в Каахке — 181
Сеид-Назар-юзбаши, каахкинский старшина, один из первых приверженцев сближения с Россией — 66 — 68, 88, 125, 164, 181, 211
Семенов П. П. — 24
Сенников А. А. — 6, 16, 39, 113, 135, 184
Сиях-Пуш (Сиях-Пуш Сеид, подлинное имя Шир-Али), индийский мусульманский проповедник в Мерве, английский агент — 105—108, 129, 146, 155, 157—159, 217, 219
Скобелев, Михаил Дмитриевич, генерал, командующий Ахал-Текинской экспедицией, «Белый генерал» — 34, 39, 41, 44—54, 57—59, 63, 69, 72, 86, 87, 93, 95, 101, 104, 140, 149
Соболев, полковник, офицер Азиатской части Главного Штаба — 47
Соколов П. (Платон-ага), приказчик Н. Н. Коншина, участник Коншинского каравана — 114
Соловьев А. Г. — 6, 16, 39, 113, 135, 184
Софи-хан, ахал-текинский хан, сторонник сближения с Россией — 36, 44, 54, 213
Сполат-бог, майор, управляющий гражданской частью в Геок-Тепе — 53
Станислав, св. (орден) — 183
Стивенс, английский дипломатический агент, секретарь

английской миссии в Тегеране — 124, 125, 138
Столетов Н. Г., полковник, руководитель Красноводской экспедиции (1869—1871 гг.)— 11—13, 21
Стржалковский, капитан — 196
Студицкий, военный врач, участник Ахал-Текинской экспедиции — 48
Стюарт, полковник, английский дипломатический агент в Тегеране, — 107, 108, 124
Суботич Д. И. — 180, 181
Суворин А. С. — 17

Тадж, мервский кетхуд — 121
Татищев С. С. — 17
Тергукасов, Арзас Артаньевич, генерал-лейтенант, командир 2-го Кавказского корпуса — 101
Терентьев, Михаил Африканович, генерал, ориенталист, писатель — 5, 14, 16, 39, 43, 45, 49, 51, 131—133
Тихомиров М. Н. — 3, 4
Товуг-Махрум, туркмен-промышленник — 27
Топаз-Каджар-хан — см. Каджар-хан.
Тыкма-сардар (Эвез-Мурад), текинский предводитель, сторонник присоединения к России, член депутации, ездившей представляться Александру III в 1881 г.,— 41, 44, 47, 50, 59—61, 88, 113, 211

Узбек-хан, туркменский хан — 213
Ульфриш (Ulfrisch) 34, 39, 95, 149
Ун-беги-хан, туркменский хан — 213

Федоров К. М., владелец типографии в Ашхабаде — 19, 73, 177
Фукидид, древнегреческий историк — 143

Хаджа-Эли-бей Муртуза-хаджи, посланец хивинского хана в Мерв в 1881 г. — 97
Хадир-векиль, огурджалинец, один из владельцев нефтеносного участка на о. Челекен — 24
Хаит-Сары-бек, мервский старейшина, сторонник присоединения Мерва к России — 88
Халли-Сардар — см. Эвез-Кули-сардар.
Халли-хан, туркменский хан — 33
Халфин Н. А. — 100, 107, 110
Хатым, переводчик, сопровождавший П. М. Лессара во время его путешествия 1884 г.,— 166
Хачатуров И. Г., кавказский хлопковод — 84
Хвостов В. М. — 7
Ходжа-Али, татарин, английский агент в Туркмении — 108
Ходжа-ишан, мервский ишан, глава депутации мервского мусульманского духовенства к ген. А. В. Комарову — 157
Ходжа-Кули-хан, брат Коушут-хана, тедженский хан — 70, 86, 115, 213
Худай-Верды-хан, туркменский хан — 54

Цепка, Михаил, русский солдат — 162

Чабан-Азиз-оглы, текинец, посланец английского агента — 124
Черняев, Михаил Григорьевич, генерал-лейтенант, Туркестанский генерал-губернатор — 99, 100, 127, 128, 218
Чудовской, военный врач, участник Ахал-Текинской экспедиции — 54

Шараф-бай, огурджалинец, один из владельцев нефтеносного участка на о. Челекен — 24
Шах-Назар-юзбаши — см. Сеид-Назар-юзбаши.
Шейх Мегди, мусульманский проповедник в Мешхеде — 108
Шидин, топограф, компаньон Дурасова, претендент на получение концессии на Кара-Бугазе — 22
Шир-Али — см. Сиях-Пуш.
Штейнберг Е. Л. — 168

Эвез-Кули-сардар (Халли-сардар), член депутации, ездившей представляться Александру III в 1881 г., — 60, 73
Эвез-Мурад-хан, туркменский хан — 160
Эвез-сардар, тедженский аксакал — 128
Эйюб-хан, претендент на афганский престол — 107, 129, 130, 155, 218

Юсуф-бай (Усуб-бей, Юсуп-бий), хивинский «правитель» Мерва — 97, 98, 134
Юсуф-хан (Магомет Юсуф-хан Нур-Верды ханов), текинский хан, сын Гюль-Джамал, сторонник присоединения Мерва к России — 61, 86, 88, 127, 144, 148, 152, 160, 183, 216, 218
Юхлас-Игдыр, туркменский хан, старшина аула — 63

Ягубов, поручик Ширваиского полка — 26, 27 *

* Указатели составлены В. В. Зелениным

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 5

Глава I. **Утверждение России на восточных берегах Каспийского моря** 9

Первые русские поселения в Закаспии 9
Экспедиции 1871—1873 гг. 13
Закаспийский военный отдел 17
Продвижение русского капитализма в Закаспий 21
Туркмения накануне ее присоединения к России 28
Внешнеполитическое положение Туркмении 33

Глава II. **Присоединение Ахал-Текинского оазиса и продвижение к Мерву** 36

Вопрос о присоединении к России и туркмены 36
Неудачная экспедиция в Ахал-Текинский оазис 38
Назначение Скобелева командующим войсками в Туркмении и подготовка нового похода 44
Взятие Геок-Тепе 51
Бегство населения в пустыню и его возвращение 54
Царское правительство и туркменские старшины 59
Присоединение к России пограничных районов 62
Присоединение Каахки и Душака, утверждение влияния России на Теджене 65
Борьба с аламанством 71
Образование Закаспийской области 73
«Военно-народное управление» 80
Ахал-Текинский оазис в первые годы его присоединения к России 83

Глава III. **Подготовка присоединения Мерва (Мары) к России** . . 86

Сношения царского командования с Мервом после занятия Ахал-Теке 86
Мерв и соседние страны 93
Сношения Мерва с Персией 94
Сношения Мерва с Хивой 97
Английские агенты в Мерве 100
Сиях-Пуш и его сторонники 105
Коншинский караван 111
Усиление в Мерве стремлений к соглашению с Россией 119

Новые политические осложнения 123

Глава IV. **Присоединение Мерва (Мары) к России** 131

Объяснение причин присоединения Мерва к России в исторической литературе 131
Положение в Мерве и на Теджене в конце 1883 г. 135
Занятие царскими войсками Теджена и поездка Алиханова в Мерв 140
Генгеш и присоединение Мерва (Мары) к России 147
«Условия» присоединения Мерва 152
Занятие Мерва (Мары) царскими войсками 155
Мервский (Марыйский) оазис в первые годы после присоединения к России 161
Присоединение Иолатана и Серахса 166
Присоединение Пендинского оазиса 168

Глава V. **Закаспийская область в первые годы после присоединения Ахал-Теке и Мерва к России (1884—1890)** 173

Закаспийская область 173
Царская администрация 175
Местная туркменская администрация 179
Туркменские ханы и хивинские аксакалы 181
Положение 1890 г. 184
Подати и таможенные сборы 186
Судебное устройство 189
Особое положение «государева имения» в Байрам-Али 194
Консервативность царских порядков 198
Перемены в социально-экономической и культурной жизни Туркмении 200
Заключение 207
Приложения 209
Указатели 220

Тихомиров Михаил Николаевич

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЕРВА
К РОССИИ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *А. П. Шелюбский*
Художник *М. Ф. Ольшевский*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректора *Г. В. Афонина*
и *М. Л. Кименецкий*

*

Сдано в набор 1960 г.
Подписано к печати 8/VI 1960 г. А03259
Формат 60×92¹/₁₆ Печ. л. 15+0,25 п. л. вкл.
Усл. п. л. 15,25 Уч.-изд. л. 13,63
Тираж 2000 экз. Зак. 473
Цена 10 р. 50 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной
литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4